

Васильева О.В.

**ЭТНИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ):
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Васильева О.В.

**ЭТНИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ):
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*Ответственный редактор
кандидат исторических наук Игнатьева В.Б.*

ЯКУТСК – 2020

УДК 316.347(571.56)
ББК С556.67

Утверждено к печати ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

РЕЦЕНЗЕНТЫ

д. социол. н. *Габдрахманова Г.Ф.*
д. социол. н. *Маклашова Е.Г.*

Васильева О.В.

Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ / О.В. Васильева; отв. ред. к.и.н. В.Б. Игнатьева; – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. – 151 с.

УДК 316.347(571.56)
ББК С556.67

Книга представляет результаты исследования феномена этничности в контексте социальных процессов, выполненного на материалах полевых исследований автора. Рассмотрены вопросы формирования этничности, динамики этносоциальных процессов, идентификации и межэтнических отношений в контексте проблемы неравенства. Книга будет интересна для социологов, историков, этнологов, политологов, преподавателей и студентов обществоведческих специальностей.

ISBN 978-5-902198-56-7
DOI 10.25693/5044.2020.* #*

© О.В. Васильева, 2020
© ИГИиПМНС СО РАН, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1.	
Этничность в историческом процессе: неизменное и меняющееся	10
ГЛАВА 2.	
Барьеры этничности в контексте формирования российской нации	31
ГЛАВА 3.	
«Мой дом, моя земля»: территории этнических групп	49
ГЛАВА 4.	
Якутское общество в контексте проблемы интеграции мигрантов	70
ГЛАВА 5.	
Этничность и проблемы равенства в образовании	92
ГЛАВА 6.	
Социальный капитал общества и проблема межэтнической напряженности	118
Заключение	136
Список источников	139
Список итературы	141

ВВЕДЕНИЕ

Этничность остается тем явлением, которое кажется нам естественным и неизменным, но как только мы пытаемся подобраться к нему ближе, сразу же возникают многочисленные вопросы, нестыковки и проблемы с определениями. В результате социальная наука приходит к выводу, что этничность является одним из социальных конструктов, базирующихся на потребности людей в принадлежности группе, а представление о ее естественности повседневно укрепляет и поддерживает работа производящих это явление институтов и практик. К ним относятся переписи, документирование, территориализацию, национальную политику, официальный дискурс, историю и т. д.

Ввиду того, что вышеуказанные институты не позволяют рассмотреть детали ее конструирования, трактовка феномена этничности как одной из форм социальной идентичности в России почти не находит отклика в общественном сознании. Считается, что этничность — это скорее аскриптивная характеристика человека.

В данной книге анализируются процессы и механизмы, посредством которых такие социальные категории, как этносы и нации, кристаллизуются в полновластную и подчиняющую себе реальность, а также то, каким образом эта «реальность» отражается на жизни современного общества в Республике Саха (Якутия). Якутия является одной из национальных республик России, в которой проживает смешанное население – русские и коренные народы. В официальном дискурсе Якутия позиционируется как дом для более чем 120 народов, в то же время как родная земля и историческая родина якутского народа и малочисленных народов Севера, источник их экономического благополучия, уникальной культурной и языковой идентичности.

В данной книге мы сознательно исключили из области анализа широкие вопросы культуры и языка, считающиеся наиболее близкими к теме этничности и решили продемонстрировать данный феномен в контексте социальных отношений в обществе. Социологические исследования, проводимые в Якутии на протяжении длительного периода, демонстрируют устойчивость высокой значимости этничности для на-

селения¹. В настоящее время наблюдается дифференциация по этническому принципу в сфере образования и труда. Иными словами, здесь идут довольно интересные этносоциальные процессы, эмпирическое изучение которых позволит нам раскрыть особенности функционирования такого феномена, как этничность.

Следовательно, цель данной книги заключается в исследовании проблемы формирования этничности как одной из форм социальной идентичности человека, в определении и оценке взаимовлияния процессов трансформации общества и этничности. Будут рассмотрены вопросы о том, как формировались этническая картина и самосознание групп, а также о значимости этничности в современном якутском обществе. Каким образом этничность оказывается связана с другими идентичностями? Является ли она преградой для формирования гражданского общества или может стать его опорой?

Методологически мы опираемся, с одной стороны, на конструктивистскую методологию этничности², с другой – используем идеи мир-системного анализа, развиваемого школами Ф. Броделя, И. Валлерстайна, А. Г. Франка и др.³. В рамках данной концепции полагаем, что развитие представлений об этнических категориях и их усвоение населением происходило во взаимосвязи с формированием глобальной капиталистической системы.

Как известно, особенностью мир-системного анализа является взгляд на капитализм как на неоднородную мировую систему, развивающуюся через эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (отсталые страны). Формирование российского государства в рамках данной системы происходило в качестве одной из полупериферийных стран, а ее особенностью стало соединение периферийного развития капитализма с формированием сильного государства, ставшего важ-

¹ *Винокурова У.А.* Пограничье как пространство интеграции и защиты этнических идентичностей // ДЕВАТУ ІВІ АІ. Т.ІV. Цивілізаційний вибір і Пограничье. –Warszawa, 2011. – С. 53–68; Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996. – 382 с.; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. – М., 2008. – 308 с.; *Mandelstam Balzer M., Vinokurova U.A.* Ethnicity or Nationalism? The Sakha Republic (Yakutia) //Ethnic Conflict in the Post-Soviet World. Case Studies and Analysis. – New York, London, 1998. – Pp. 157–178.

² *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. – 544 с. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 135 с.; *Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.* – М.: Праксис, 2002. – 332 с.

³ *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Пер. с фр. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с.; *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: изд-во «Логос», 2004. – 288 с. *Франк А.Г.* Развитие неразвитости. <http://www.left.ru/2005/9/frank126.phtml>

ным элементом в системе европейских империй. Именно эти обстоятельства, по нашему мнению, отразились на формировании этнической картины страны, а также на современных представлениях об этничности жителей России.

Почему мы ограничили нашу монографию рамками Якутии? Прежде всего мы исходим из важного положения, выдвинутого Ю.В. Попковым, о том, что отдельный этносоциальный процесс следует выделять и дифференцировать не по этническому или социальному основаниям, а по территориальной локализации. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, которое бывает, как правило, не моноэтническим, а полиэтническим. В связи с чем мы рассматриваем этносоциальные процессы, происходящие в полиэтническом сообществе Республики Саха (Якутия), в рамках более широкого контекста.

Несомненно, следует отметить, что к настоящему времени была сформирована богатая научная база результатов исследований по проблемам, касающимся вопросов этничности в Республике Саха (Якутия). Так, большой интерес вызывают труды В.Б. Игнатьевой⁴, рассматривающей динамику этносоциальных процессов в контексте показателей демографии, здесь же следует упомянуть труды других демографов Т.С. Мостаховой, А.С. Барашковой, С.А. Сукневой⁵. Отдельно следует указать на монографию И.И. Подойницыной⁶, в которой раскрыта динамика процессов социальной стратификации в якутском обществе. Отдельные аспекты тенденций формирования современной социальной структуры изучены экономистами в частности Т.Н. Гаврильевой, А.А. Пахомовым⁷, философами В.В. Михайловой, В.Б. Надькиным, П.Н. Жондоровым⁸.

⁴ *Игнатьева В.Б.* Национальный состав населения Якутии. Этно-статистическое исследование. Якутск. 194 с.

⁵ *Мостахова Т.С.* Этническая специфика демографического развития в Республике Саха (Якутия) // Этническая демография. сборник. Сер. «Демографические исследования» Под редакцией: И. А. Даниловой, О. А. Хараевой. Москва, 2010. С. 94–111; *Сукнева С.А., Барашкова А.С.* Социально-демографическое воспроизводство народов Республики (Саха) Якутия: взгляд в будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 47 (236). С. 58–63.

⁶ *Подойницына И.И.* Общество открытых классов. Очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск. 1999. 196 с.

⁷ *Гаврильева Т.Н., Коломак Е.А., Захаров А.И., Хорунова К.В.* Ретроспектива расселения в Якутии на основе анализа переписей населения // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 12. С. 39–51; *Пахомов А.А., Чомчоев А.И.* Этносоциальные проблемы арктических территорий в зоне промышленного освоения на примере Анабарского национального (долгано-эвенкийского) и оленекского национального эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) // Sciences of Europe. 2017. № 12-2 (12). С. 38–42.

⁸ *Михайлова В.В., Жондоров П.Н., Надькин В.Б.* Комплиментарность в межэтнических взаимодействиях // Якутский философский журнал. 2019. № 5 (5). С. 27–35.

Исторические судьбы народов Севера и Арктики раскрыты в трудах С.И. Бояковой, А.А. Борисова, В.И. Шадрина⁹ и др.

Глубокий вклад в понимание этничности как феномена культуры и духовности внесли якутские этнографы Е.Н. Романова, Е.К. Алексеева, В.Е. Васильев¹⁰ и др.

Широкая палитра результатов различных научных изысканий позволила нам сформировать фундамент нового исследования и наметить проблемы требующие освещения и анализа. В результате была сформирована следующая структура данной монографии:

В первой главе рассмотрена динамика этнической ситуации в Якутии в исторической ретроспективе, какую роль при этом сыграли государственная политика, глобальные социоэкономические процессы и культурные трансформации. Это важно для понимания того, что взгляд современного человека обусловлен социальным опытом предшествующих поколений, который зачастую рассматривается как данность.

Во второй главе продемонстрирована связь проблематики национального и этнического. Рассмотрены возможность формирования российской нации, а также ресурсы, которые имеет за собой как этнический, так и гражданский национализм.

В третьей главе обсуждаются вопросы восприятия представителями различных этнических групп пространственных и территориальных проблем. На материалах социологических исследований раскрываются пространственные идентичности этнических групп, являющиеся проекцией политики классификации и географического распределения

В четвертой главе рассмотрена одна из самых заметных проблем современности, вставшая перед мировым сообществом, – миграция и ее связь с этничностью. Показано, что этнические проблемы имеют непо-

⁹ *Боякова С.И.* Освоение Арктики и народы Северо-востока Азии (XIX в.-1917 г.). Новосибирск. 2001. 160 с.; *Борисов А.А.* Исторический опыт нациестроительства в Якутии (1922 - конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 214–232; *Шадрин В.И.* Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 132–144.

¹⁰ *Октябрьская И.В., Романова Е.Н.* Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 9–20. *Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Экономические мегапроекты России: взаимодействие добывающих промышленных компаний и коренных малочисленных народов севера (на примере Южной Якутии) // European Social Science Journal. 2015. № 5. С. 84–88. *Васильев В.Е.* Имперская политика России в Якутии: взгляд этнографа на историю российского периода в Северо-Восточной Азии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 66–71.

средственную связь с социоэкономическими процессами, текущими в российском и якутском обществе.

В пятой главе проанализированы проблемы неравенства этнических группы в сфере образования, прежде всего, влияние образовательного уровня на социально-экономический статус человека. Рассмотрены возможности доступа к образованию представителей различных этнических групп.

В шестой главе представлен анализ межнациональных отношений через призму социального капитала и уровня доверия в обществе.

Большую часть источниковой базы монографии составляют данные социологического исследования, проведенного в рамках индивидуального проекта НИР «Этносоциальные процессы в Якутии» (2013-2016 гг.). Анкетный опрос населения в возрасте 18 лет и старше был проведен в 6-и административно-территориальных образованиях Республики Саха (Якутия): городах Якутске (n=402), Нерюнгри (199), Олекминске (n=152), а также в Усть-Янском (n=102), Анабарском (n=112) и Аллаиховском (n=106) районах. Была применена квотная выборка по полу и возрасту; общий объем выборки насчитывает 1073 респондента. Гендерные характеристики опрошенного массива: мужчины – 46,9%, женщины – 53,1%; возрастной состав: 18-22 года – 13,1%, 23-34 года – 28,4%, 35-44 года – 20,1%, 45-54 года – 19,7%, 55-64 года – 12,6%, старше 65 лет – 6,1%.

Также использованы результаты проекта НИР «Принимающее общество: проблемы интеграции мигрантов в контексте формирования гражданской нации», поддержанного РГНФ (2016-2017 гг.). Сбор первичной информации осуществлялся методом персонального анкетного опроса по месту жительства респондентов в возрасте старше 18 лет. Географическими точками исследования стали населенные пункты, где наиболее заметны процессы миграции и изменения этнической структуры общества: г. Якутск – административный центр Якутии, п. Нижний Бестях – наиболее привлекательный для мигрантов сельский населенный пункт, г. Нерюнгри – город-участник инвестиционного проекта «Комплексное развитие Южной Якутии». Численность респондентов по точкам опроса составила: Якутск (n=300), Нижний Бестях (n=104), Нерюнгри (n=250). Общий объем выборки респондентов насчитывает 654 респондентов. Половозрастные характеристики соответствуют генеральной совокупности. Гендерные характеристики опрошенных: 46,5% – мужчины, 53,5% – женщины; возрастной состав: 18-22 года – 12,7%, 23-34 года – 28,6%, 35-44 года – 18,8%, 45-54 года – 19,3%, 55-64 года – 13,5%, старше 65 лет – 7,2%.

Как видно из вышеуказанного текста для анализа были выбраны те населенные пункты, где представлено полиэтническое население и вопросы функционирования и проявления этничности являются более выпуклыми.

Представительный корпус источников составляют материалы Всесоюзных (1979, 1989) и Всероссийских (2002, 2010) переписей населения Якутии; оперативные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

Кроме того, использованы публикации республиканских и федеральных печатных и электронных СМИ, интернет-сайтов и др.

Выражаю благодарность всем коллегам, оказавшим содействие в реализации исследований, а также коллективу Центра этносоциологических исследований за обсуждение рукописи монографии, ценные советы и комментарии.

ГЛАВА 1.

Этничность в историческом процессе: неизменное и меняющееся

Представляется, что проблемы этносоциального развития невозможно рассматривать вне исторического контекста, без связи с важными экономическими явлениями прошлого, расселением людей, политикой государства и т. д. Поэтому в данной главе рассмотрим, как сложилось представление якутян о современной этнической структуре населения Якутии и какие факторы оказали влияние на их формирование в ходе исторического развития.

Описание Якутии часто сопровождается ее характеристикой как дома 120-ти народов и мозаики культур, в то же время она представляется местом изоляции, безмолвия и пустоты широких пространств. Такая противоречивая характеристика во многом детерминирована ее географическим расположением и суровыми природно-климатическими условиями.

Якутия, подобно другим северным территориям, обладает свойствами как внешней изоляции, обособленности, так и внутреннего усиления взаимодействия и объединения людей, превращаясь тем самым в некий полигон культурного взаимодействия и обмена. Как следствие, с древних времен она была, с одной стороны, пространством пересечения и конкуренции подвижных культур, с другой – местом формирования локальных культур¹¹. Более подробно о заселении Северо-Востока Азии можно прочитать в работах археологов¹².

Самая ранняя из найденных на территории Якутии археологических культур относится к периоду палеолита. Впоследствии развитие

¹¹ Головнев А.А. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург, 2009. – 496 с.; Романова Е.Н., Игнатьева В.Б., Дьяконов В.М. Степная сага коневодов Арктики: от древних времен до недавних событий//Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 9–19

¹² Sikora M., Pitulko V.V., Willerslev E. [... other authors]. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – VI. 570. – Pp. 182–188; Kilinc G.M., Kashuba N., Yaka R. [... other authors]. Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes // Scientific Reports. – 2018. – Vol. 8. – P. 8969.

человеческих обществ в Якутии шло по пути формирования подвижных, «текучих» культур, включенных в миграционные процессы Северной Евразии. На их основе здесь сформировался ряд общностей, в биоантропологическом отношении соответствующих северному монголоидному типу. В ходе многовекового процесса адаптации к природно-географическому ландшафту сложились их система расселения и проживания, определенные типы хозяйственной деятельности, а также комплексы материальной и духовной культуры. К этим общностям сейчас относят: чукчей (самоназвание луораветлан), юкагиров (одулы), эвенов (тунгусы), эвенков (ламуты), якутов (саха).

Процесс их формирования на территории Якутии происходил на основе разных компонентов, имевших как автохтонные, так и миграционные включения. К примеру, обнаруживаются пришлые компоненты из районов Прибайкалья, с территории Саяно-Алтая, Монголии, Китая¹³. Оформление популяций в современные культурные общности произошло примерно к середине второго тысячелетия. Однако есть все основания полагать, что осознание принадлежности к конкретной этнической группе в том виде, в котором это известно сейчас, происходило позднее – после вхождения Якутии в состав российского государства, и этот процесс шел параллельно с развитием представлений об этничности в России в целом. Здесь мы исходим из тезиса о перформативности знания, о его созидательной, а не описательной роли. В рамках данного подхода суждения людей о своей этничности во многом опосредованы их знаниями, следовательно, нет оснований проецировать современные реалии в прошлое.

Начиная со второй четверти XVII века в процессы развития этнических общностей Якутии включается русское население. Мотивом стремительного освоения русскими территорий от Урала до Тихого океана было их участие в глобальном рынке пушнины, что отразилось и на колонизаторской политике Российского государства. Следует отметить, что на всем протяжении нового времени численность русского населения в Якутии была достаточно небольшой. Землепроходцами были, прежде всего, промышленные (охотники-промысловики), торговые и служилые люди, позже к ним присоединились духовенство и крестьяне.

Кроме того, российское государство не стремилось к полной ассимиляции коренного населения. При продвижении на Восток, обуслов-

¹³ *Окладников А.П.* Неолитические памятники как источник по этногении Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. Вып. IX. – Л., 1941. – С.5–14; *Федорова С.А.* Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков // Якутский медицинский журнал. – 2017. – № 3 (59). – С. 60–64; *Федорова С.А., Хуснутдинова Э.К.* Генофонд народов Республики Саха (Якутия): структура, происхождение, генетические взаимоотношения // Генетика. – 2010. – Т. 46. – № 9. – С. 1244–1246.

ленном поиском и добычей ценных мехов, государство нуждалось в автохтонных жителях, которые традиционно использовали меха для изготовления теплой одежды и строительства жилищ, в качестве поставщиков ценного ресурса¹⁴. Все инородческие народы Сибири облагались ясаком – натуральной податью мехом. Таким образом, колонизаторская политика государства была тесно связана с экспортом мехов – до 3/4 всех добытых шкур шли на заграничные рынки. Русской казне соболь давал тогда до трети ее доходов¹⁵.

Утверждение российской власти посредством введения податной системы происходило благодаря неоднозначности и неопределенности практик обмена: от дарения до дани. Идея обмена и ранее лежала в основе традиционного северного мира: чтобы жизнь могла продолжаться, каждый должен был чем-то поделиться и получить что-нибудь взамен. Однако ясак, в отличие от обмена дарами, имел черты фискальных отношений, которые со временем становились все более явственными. Н.В. Скорин-Чайков характеризует их как результат взаимовлияния российской и «нерыночной» туземной экономик, расширяющийся за счет «взаимной дополняемости “дара”, “дани” и “торговли”»¹⁶. Таким образом, российская политическая элита применяла докапиталистические формы эксплуатации с целью обеспечения капиталистического накопления.

Отметим, что труд туземцев способствовал не только укреплению позиций России как участника глобального рынка, но и росту государственных структур. «Пушной промысел играл значительную роль в финансировании военных кампаний, в дипломатической деятельности и даже в религиозной политике»¹⁷. Не удивительно, что государство было заинтересовано в сохранении такой группы населения, как «ясачные люди». Ввиду этого, например, ограничивалась их христианизация, поскольку вероисповедание в России служило основным критерием категоризации населения и крещенные имели право не платить ясак¹⁸.

В контексте формирования даннических отношений появляются первые систематизированные сведения о коренном населении Якутии,

¹⁴ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М., 2014. – С. 118.

¹⁵ Савченко А.Б., Трейвиш А.И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2017. – № 3. – С. 90–102.

¹⁶ Скорин-Чайков Н.В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13. – № 2. – С. 59–81.

¹⁷ Эткинд А. Указ. соч. С.126.

¹⁸ Юрганова И.И. Первые мероприятия православной интеграции якутской окраины в российскую государственность // Мат-лы X межд. науч.-практ. конф. «Наука в современном информационном обществе»: в 3-х томах. – Улан-Удэ, 2016. – С. 1–4.

его численности и размещении – фискальные документы (ясачные книги). Первоначально они отражали лишь количество волостей и князцов, позднее – сложную систему сбора государственных налогов с точным учетом податного населения и его экономических ресурсов.

Несмотря на заинтересованность государства в сохранении ясачного населения, нельзя сказать о том, что колонизаторская политика Российского государства не оказывала влияния на жизнь коренных народов Северо-Востока России. Помимо уплаты ясака, будучи приведены под государеву высокую руку, они должны были содействовать военным кампаниям Москвы против «неясачных людей» / «немирных иноземцев». В результате к концу XVII в. почти во всех регионах Северной Евразии, за исключением Чукотки, большинство обитателей тундры и тайги стали «ясачными людьми».¹⁹ При этом происходили изменения в сложившейся этнодемографической картине: на Лене скотоводы-якуты вытеснили эвенков на запад, а юкагиров – на восток²⁰. К середине XVIII в. якуты расселились повсеместно на окраинах Якутии²¹. За первое столетие русского правления общая численность юкагиров сократилась с почти 4500 до 1450 чел. Важнейшими причинами сокращения населения, помимо военных столкновений, были болезни, а также институт аманатов.

В конце XVII века, накануне воцарения Петра I, русский меховой экспорт постигли неожиданные проблемы – популяция соболя ввиду его хищнического истребления начала сокращаться, что совпало с изменением мировой экономической конъюнктуры. В это время в Западной Европе, впервые за тысячелетие, сократился спрос на пушнину. Причины были в том, что, во-первых, европейские мануфактуры стали массово производить качественные шерстяные ткани; во-вторых, были налажены поставки мехов из Канады²². Тем не менее, пушной промысел еще долгое время определял экономическую направленность Сибири, поскольку произошла лишь его переориентация на потребности восточных стран, в частности, Китая. Именно в это время устанавливается государственная монополия на торговлю пушниной.

В то же время становление Российского государства как ресурсной периферии и зависимость от западных технологий в условиях постоянно ухудшающихся условий торговли определили рост потребности в

¹⁹ Слезкин Ю.А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М., 2008. – С. 34.

²⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти томах. – Л., 1968. – Т. 2. – С. 56–58.

²¹ Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). – М., 2003. – Т. 2. – С. 54.

²² Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М., 2009. – 576 с.

большем приобщении к западной цивилизации, в т. ч. через заимствование научных методов исследований. В 20-80-х годах XVIII в. число крупных научных экспедиций в Сибири и омывающих ее водах неизмеримо возросло по сравнению с XVII и началом XVIII веков²³.

Характерно, что одной из главных забот века Просвещения становится порядок и классификация, в т. ч. внутри рода человеческого²⁴. Начался процесс формирования новой, модерной терминологии, отразившей эволюцию во взглядах на место и роль народов Сибири в структуре империи и важные изменения в их фактическом статусе. Было положено начало этнодемографическим изысканиям и категоризации инородческого населения²⁵. Отметим здесь то, что государство продолжало классифицировать подданных в соответствии с их вероисповеданием, но в научных исследованиях стремились глубже проникнуть в истинную «природу наций», что способствовало выработке большего числа критериев этничности.

Сопутствующим процессом стало формирование своеобразной этнической иерархии, на вершине которой находилось «совершенство» просвещения русского народа (рассматриваемое в качестве нормы. – *Прим. автора*), а внизу «совсем ничего» (отсутствие соответствия норме. – *Прим. автора*)²⁶. В результате к началу XIX столетия развиваются дискурсивные практики, способствующие новому осознанию этнического разнообразия империи, конструированию образа ее подданных²⁷, где коренным народам Сибири и Дальнего Востока отводилось место наиболее дикого и отсталого населения страны.

Новая концептуализация этничности дала возможность для развития такого направления российской политики, как миссионерство и христианизация коренного населения Сибири. Неправославное вероисповедание уже не могло быть расценено как единственный критерий чуждости русскому миру и государству²⁸. Все большее значение стала

²³ *Ширина Д.А.* Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. – Новосибирск, 1994. – 272 с.

²⁴ *Слезкин Ю.А.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С. 123.

²⁵ *Борисов А.А.* Деятельность администрации Якутии в области народонаселения (конец XVIII в. – 1860-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: история. – 2012. – № 1. – С. 5–11.

²⁶ *Слезкин Ю.А.* Указ. соч., 2005. – С. 137.

²⁷ *Конев А.Ю.* «Иногородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // В сб.: Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века). – Новосибирск, 2014. – С. 10.

²⁸ *Игнаткин П.С.* Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2013. – Вып. 7. – С. 151–168.

приобретать этническая (национальная) идентичность и ее критерии, в первую очередь язык.

При этом, по мнению В. Сандерленда, коренное население Якутии в целом было поделено на две группы. «Первую из них составляли малые народы Севера (юкагиры, эвенки, эвены). Эти народы в той или иной степени занимались охотой, рыболовством, оленеводством и жили родовыми общинами. В течение всего периода русского владычества в Сибири их считали самыми первобытными и отсталыми народами в Империи. Вторую группу составляли якуты. Якуты разводили крупный рогатый скот, занимались коневодством. Считалось, что они в культурном и социальном отношении отличаются от северных “инородцев”. По сравнительной степени цивилизованности якутов считали дикарями, но не столь дикими, как их северных соседей»²⁹.

Интересно, что колониальная политика поддержки местных князцов и патриархально-общинного строя в Якутии способствовала укреплению позиций этнической элиты, которая к концу XVIII в. пожелала занять иное место в социальной структуре общества. В частности, об этом говорит аудиенция А. Аржакова у императрицы Екатерины II и представленный им «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положений для них», а также несколько других депутатий³⁰. Несмотря на то, что Аржакову было отказано в предоставлении прав, сопоставимых с дворянскими, на основании самого механизма взаимодействия можно утверждать о том, что происходила инкорпорация местной элиты в российское государство. Последнее, тем не менее, не мешало проводить классификацию населения сибирских колоний с установлением различных правовых режимов.

Данное обстоятельство отразилось в правовой практике. В 1822 г. был издан Устав об управлении инородцев, где было зафиксировано, что «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» разделялись на три главных разряда: оседлых, кочевых и бродячих, с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями³¹.

²⁹ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынародчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С. 199–227.

³⁰ Борисов А.А. Якутские депутатии и инородческое законодательство как одна из особенностей политики Российской империи на Северо-Востоке (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 5–11.

³¹ Устав об управлении инородцев (22 июня 1822 г.) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 38. – С. 394–417.

Якуты были отнесены к «кочевым инородцам», юагиры, эвены, эвенки и другие «низовые инородцы» Якутской области причислялись к «бродячим». Чукчи составляли особый разряд как «не совершенно зависящие от правительства»; они получили право платить ясак «по собственному произволу, как в количестве, так и в качестве», а также управляться и судиться по собственным обычаям и законам³².

Положения данного документа следует рассматривать в нескольких аспектах:

– с одной стороны, как закрепление фискальных и нормативных отношений с этнической структурой общества. В основу принадлежности к тому или иному разряду и, соответственно, определения степени государственной поддержки были положены не хозяйственно-типологические характеристики, а этнородовая принадлежность, зафиксированная в XVIII в. в фискальных целях³³.

– с другой – как приложение к нормотворчеству принципов эпохи Просвещения, воплощающегося, прежде всего, в нарративах прогресса и концепциях эволюционизма. Примерная иерархия культур народов империи исходила из мысли, что историческая эволюция предполагает прогрессивный переход от охоты-собирательства к кочевому образу жизни, а затем к оседлому земледелию.

Надо отметить, что Г.П. Башарин считал отнесение якутов к кочующим инородцам противоречием исторической действительности, так как в начале XIX в. процесс оседания якутов уже был завершен, а нормотворчество отражало субъективное мнение царских чиновников³⁴.

Основной причиной, по которой Российское государство не стремилось к категоризации якутов как оседлых, являлась существовавшая система пушного промысла, от которого казна все еще продолжала получать доходы. Пока туземцы поставляли меха, чиновникам было выгодно поддерживать их в «первобытном состоянии»³⁵. Несмотря на то, что уже в XVIII в. возникает денежный оклад ясака, это происходило вопреки стремлению организаторов ясачного режима. Воеводы, комиссары, сборщики ясака всегда стремились получить ясак пушниной³⁶.

Отношение к инородческому населению стало пересматриваться по мере падения роли доходов от добычи пушнины в экономике государства; социально-экономических противоречий, связанных с достижением пределов производительности экономики, основанной на эксплуатации крестьянства, а также развертывания промышленного пе-

³² Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск, 2001. – С. 26.

³³ Боякова С.И. Указ. соч. – С. 27.

³⁴ Башарин Г.П. Указ. соч. – С. 232–233.

³⁵ Эткинд А. Указ. соч. – С. 118.

³⁶ Башарин Г.П. Указ. соч. – С. 213–214.

реворота в России. Появилось осознание необходимости их интеграции в социальную и экономическую систему Российской империи на новых началах (вплоть до начала XX в. рассматривались различные проекты, которые должны были приблизить устройство инородцев к общему типу устройства страны и способствовать ускорению их обрусения³⁷).

В 1842 г. был принят закон о поощрении перехода сибирских кочующих инородцев в оседлое состояние, однако аборигены не спешили изменить свой статус. По мнению А.Ю. Конева, их нежелание связано с тем, что «у сибирских инородцев уже сложились основные элементы самоидентификации, обусловленные фактором категоризации этого населения государством, особым порядком управления и суда, землепользования, освобождением от воинской повинности и отношением к ясаку. Эти маркеры в той или иной степени отличали инородцев всех разрядов от близких им по статусу государственных крестьян³⁸. На наш взгляд, основной причиной все же было то, что условия перехода в оседлое состояние не соответствовали интересам инородческого населения, в особенности этнической элиты.

Для более ясной картины следует обозначить особенности социальных процессов в Сибири, характерных для XIX в. Во-первых, это активное взаимодействие этнических общностей, распространенность явлений миксации и ассимиляции. Многие тунгусы (эвенки) и юкагиры переходили на якутский язык вплоть до того, что на полуострове Таймыр российские чиновники обособили четыре говорящих по-якутски тунгусских рода в особый народ – долган (само это население в то время сохраняло родовую самоидентификацию и не имело общего самоназвания)³⁹. В результате длительного взаимодействия с местным населением некоторая часть русского старожильческого населения почти полностью ассимилировалась. Данную ситуацию красноречиво иллюстрирует В.М. Зензинов: «Во всех центрах севера – Верхоянск, Булун, Усть-Янск, Абый, Средне-Колымск – всюду полновластным хозяином и в культурном, и в чисто бытовом отношениях является якут; как это ни странно, но нужно признать, что, к малой чести для местного русского населения, всюду на севере более низкая якутская культура поглотила целиком более высокую культуру русскую, ничего не взяв от последней, это сказывается на каждом шагу: на языке русского местного населения, на его обычаях, одежде, характере построек, на всех его промыслах»⁴⁰.

³⁷ Боякова С.И. Указ. соч. – С. 37–38.

³⁸ Конев А.Ю. Указ. соч. – С.10.

³⁹ Слезкин Ю.А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М., 2008. – С. 124.

⁴⁰ Зензинов В.М. Очерки торговли на Севере Якутской области. – Москва, 1916. – С. 20.

Во-вторых, происходит модификация хозяйственной деятельности⁴¹. Формируется крупностадное оленеводство (переход от присваивающей экономики к производящей), способствовавшее увеличению численности оленеводческих народов – чукчей, эвенов, эвенков. Юкагиры, сохранившие быт полуоседлых пеших охотников и рыболовов, в условиях сокращения численности диких оленей не смогли противостоять частым эпидемиям, сопровождавшим голод, а также культурной ассимиляции пришлых эвенов и якутов⁴².

Активнее формируются социально-классовые отношения, распадается якутская патриархальная родовая община. Вследствие социально-экономического расслоения в обществе усиливается приобщение коренного населения к русской земледельческой культуре⁴³. Развиваются товарно-денежные отношения, стимулировавшиеся разработкой золотоносных месторождений, открытых в 1840-х г. по притокам р. Лены, хотя специализация труда все еще была слабо развита; хозяйство большей частью оставалось натуральным⁴⁴. В свою очередь проникновение рыночных отношений в экономическую жизнь создавало благоприятные условия для развития ремесла и кустарного производства⁴⁵. Появляется особая прослойка торговцев-скупщиков, что является свидетельством укрепления капиталистических отношений. При этом «среди инородцев (особенно якутов) купеческое звание было окружено большим почетом – купцы в якутском обществе лица наиболее уважаемые»⁴⁶. Все деятельнее проявляет себя новая этническая элита, построившая свой капитал на торговле и транспортных услугах. Происходит дальнейшая интеграция якутов в имперское социокультурное пространство, в т. ч. через систему образования. При этом большое влияние на население оказали политическая ссылка и деятельность ссыльных.

Таким образом, наблюдается усложнение общества, его экономики, вовлечение коренного населения Якутии в глобальные социально-экономические трансформации. В этих условиях имперская власть и национальная элита Якутии стремились к изменению положения инородческого населения, его дальнейшей интеграции в российское государство, однако представление о том, на каких условиях это должно произойти, было разным. Империя не учитывала интересы инородцев (в т. ч. их эли-

⁴¹ Слезкин Ю.А. Указ. соч. – С. 124.

⁴² Боякова С.И. Указ соч. – С. 46.

⁴³ Бурнашева Н.И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980 гг.). – М., 2011. – С. 97.

⁴⁴ Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. – Новосибирск, 1970. – С. 121; Бурнашева Н.И. Указ соч. – С. 95.

⁴⁵ Бурнашева Н.И. Городское ремесло в Якутии XIX века // Якутский архив. – 2002. – № 1. – С. 97–100.

⁴⁶ Зензинов В.М. Там же. С. 20

ты) в принимаемых решениях, в частности, при проведении аграрных преобразований. В Сибири не вводилось земское самоуправление, с середины XIX в. государство стремилось к проведению ассимиляционной, русификаторской политики. Представляется, что именно практика производства этнического неравенства повлияла на рост национализма в среде формирующейся якутской буржуазии. Политическая сознательность сельского и бедняцкого населения была низкая, но и они видели непосредственные проявления этнического неравенства. К примеру, заработная плата батрака-якута в месяц не превышала 40-60 руб. в год, женщины получали в год 10-20 руб., в то же время русские батраки получали не менее 60 руб., а некоторые – до 150 руб.⁴⁷.

Новой якутской элите был необходим свободный рынок без этнических ограничений, самоуправление, а также правовое и политическое равенство. Надо отметить и то, что к тому времени среди якутов сложился немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, социально активный слой образованной (через русский язык, культуру и систему образования) интеллигенции⁴⁸. Катализатором его формирования стала просветительская деятельность политических ссыльных. В результате в начале XX в. была осуществлена первая попытка создания политической организации по этническому принципу – «Союз якутов», которая объединила, прежде всего, тойонат, крупных торговцев, домовладельцев и интеллигенцию – наиболее образованную часть общества.

Проект «Общих положений о земском самоуправлении в Якутской области», составленный членами этой организации, напрямую не был направлен против существующей системы, но требовал определенных уступок – признания государственных земель, находившихся в собственности инородцев собственностью самих инородцев; предоставления инородцам земского самоуправления и права якутам иметь своего представителя в Государственной Думе. В условиях усиления реакционной политики после подавления первой русской революции 1905 г. данный документ был воспринят негативно Правительством страны. Члены ЦК «Союза якутов» были арестованы и предстали перед судом. Однако, большая часть задержанных была оправдана, 3 человека приговорены к незначительным срокам⁴⁹.

Таким образом, поднятый в очередной раз вопрос о соблюдении этнических интересов не был удовлетворен и вновь получил свое разви-

⁴⁷ Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. – СПб., 1912. – С. 276.

⁴⁸ Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция: генезис, формирование, деятельность: вторая половина XIX в. – 30-е гг. XX в. Автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 47 с.

⁴⁹ Степанова С.В. Союз инородцев-якутов: борьба за самоуправление. Дисс. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2003. – 159 с.

тие в ходе Февральской революции. 30 января 1918 г. земское управление в Якутской области все-таки возникло, но просуществовало не долго (до 1919 г.) и было замещено советскими органами власти⁵⁰.

Надо отметить, что вопрос национального развития был актуален не только для сибирских, но и для всех инородцев России, что выразилось в их поддержке большевиками, которые, участвуя в гражданской войне, применили преимущества тактического оппортунизма в русле стратегической ортодоксии и проводили политику создания политических и военных альянсов поверх национальных, расовых и этнических разделительных линий⁵¹. Большевики признали национальности «объективно» существующими, наряду с такими конструктами, как класс и общество. Нации (этнические группы) были реальностью, все реально существующие нации были суверенны, и все суверенные нации имели право на политическое самоопределение на «своей территории».

Первые конституционные акты Советской республики («Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», Конституция РСФСР 1918 г.) были направлены на использование энергии местных национальных движений в целях упрочения новой власти, но также служили средством борьбы с угрозой сепаратизма территорий. Тем не менее, именно в этот период было заложено основание современных представлений об этнической структуре общества, имевших далеко идущие последствия для институциональной архитектуры, идеологии и бытового самосознания населения будущего СССР.

В основе нового подхода лежали идеи немецкого философского романтизма XVIII-XIX вв. – территориализация этничности (непременная связь формирования и бытия конкретного народа с определенной территорией) и наделение этнического сообщества особой психикой или особым духом народа⁵². Статья И.В. Сталина, в которой он дает определение нации, на долгие годы стала основополагающей как в науке, так и в политической и правовой практике. Он писал: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵³.

⁵⁰ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). – Новосибирск, 2013. – 676 с.

⁵¹ Дерлугьян Г. Чем коммунизм был // Есть ли будущее у капитализма? – М., 2015. – С. 174.

⁵² Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. – М., 2009. – С. 42.

⁵³ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. – Т. 2. – М., 1946. – С. 296.

Первые декреты советской власти описывали победоносные массы как «народы» и «нации», наделенные «правами»; провозглашали все народы равными и суверенными; гарантировали их суверенитет при помощи этнотерриториальной федерации и права на отделение; приветствовали «свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп» и обещали уважать национальные верования, обычаи и учреждения⁵⁴. Таким образом, именно согласие большевиков дать равные права инородческому населению России, в т. ч. и Сибири, позволило удержать пространство бывшей империи за советской властью.

Началось закрепление представлений об этнической территории в их современном виде. Как известно, в России до 1917 г. преобладал административно-территориальный принцип районирования, игнорирующий специфику расселения народов. В послеоктябрьский период, особенно в первые десятилетия, быстрыми темпами осуществлялось национальное районирование, механизм которого должен был избираться с учетом местных особенностей отдельных регионов. Важнейшую роль играл национальный состав их населения. При очевидном преобладании лиц той или иной национальности, наличии их желания выделиться в отдельную административную единицу провозглашались статусы территорий⁵⁵. В результате 27 апреля 1922 г. была образована Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Организация территориально-административного устройства страны и создание национальных районов, автономных округов, автономных и союзных республик привели к тому, что отдельные регионы стали рассматриваться как этнические территории, за доминирующими на них этническими группами признавались особые права⁵⁶.

Новая концептуализация этничности проявила себя и при организации переписей населения. Советская власть сделала несколько попыток организации переписи в новом государстве, однако полная Всесоюзная перепись населения была проведена лишь в декабре 1926 года. Существенная особенность данной переписи заключалась в определении народности и родного языка. Вместо термина «национальность» был применен термин «народность» с целью подчеркнуть, что речь идет «...о принадлежности к той или иной этнической группе населения». В основу определения этничности был положен новый подход, выработанный на основе двухступенчатой процедуры определения на-

⁵⁴ Слезкин Ю.А. Указ соч. – С. 169.

⁵⁵ Хмара Н., Голотвин Ж. Национальное районирование России: из опыта прошлого. http://observer.materik.ru/observer/N25_93/25_02.HTM (дата обращения 12.05.2016)

⁵⁶ Соколовский С.В. Указ соч. – М., 2009. – С. 76; Малахов С.В., Симон М.Е. Миграционная политика в условиях экономических турбулентностей: опыт Европейского союза и перспективы России. – М., 2017. – 59 с.

циональной принадлежности, использованной затем во всех советских переписях. Установление принадлежности к той или иной народности полностью предоставлялось опрашиваемому, но в последующем корректировалось при обработке. По итогам переписи 1926 г. были установлены 190 самостоятельных этнических общностей, образующих национальный состав населения СССР.

Данная перепись зафиксировала, что к 1926 г. население Якутии в целом, по сравнению с 1897 г., увеличилось лишь на 15591 чел., или на 5,8%, и составило 285471 чел. Повышение численности населения главным образом произошло за счет механического прироста якутов, тунгусов и ламутов в результате возвращения Якутии Олекминско-Сунтарской волости и Хатанго-Анабарского района, входивших в состав Иркутской и Енисейской губерний.⁵⁷ В последующие после переписи-1926 годы тенденции изменения национального состава населения Якутской АССР были сходны с теми, которые были характерны для этноструктуры населения СССР в целом. Это – усиление миграции, увеличение доли других народов Союза в общем составе населения регионов и т. д.

Важным для дальнейшего этносоциального развития регионов страны стало принятие курса на индустриализацию, главной задачей которого было обеспечение экономической самостоятельности СССР. Подъем промышленности аграрной страны был невозможен без импорта иностранной техники и оборудования, для приобретения которых требовалось много валюты. СССР стал вести поиск товара на экспорт.

В Якутии этим товаром стала продукция горнодобывающей промышленности, главным образом золота из месторождений в Южной Якутии⁵⁸. Вначале были установлены ежегодные отчисления в пользу республики, например, в 1925 г. – 10% из прибыли предприятия «Алданзолото», в 1926 г. – 5% из валового объема добытого золота, но потом они были приостановлены⁵⁹.

Помимо экономической централизации стали постепенно восстанавливаться прежние отношения жесткой централизации в управлении. Все это привело к усилению недовольства в якутских общественных кругах, в т. ч. среди «конфедералистов» во главе с П.В. Ксенофонтовым – сторонников расширения статуса ЯАССР в распоряжении недра

⁵⁷ *Игнатьева В.Б.* Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). – Якутск, 1994. – С. 3–33.

⁵⁸ *Хатылаев М.М.* Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации (1926–1937 гг.). – Якутск, 1997. – 296 с.

⁵⁹ *Ефремов Э.И., Никифорова В.В.* Отраслевые особенности и территориальные аспекты развития сырьевой экономики Республики Саха (Якутия). – СПб., 2014. – С. 14.

ми республики⁶⁰. 28 сентября 1927 г. конфедералисты решили провести «вооруженную демонстрацию» – поход по Якутии с призывом добиваться независимости. Результатом этого стали политические репрессии со стороны партийно-советского руководства страны. Кроме того, руководство Якутского обкома было обвинено в попустительстве националистически настроенной якутской интеллигенции⁶¹.

В это же время планы индустриализации сталкиваются с проблемой снижения цен на ресурсы, поставляемые СССР на экспорт. Фактическая обстановка для развития внешней торговли была довольно сложной и неблагоприятной, а в 1929 г. разразился полномасштабный экономический кризис. Была запущена политика сплошной коллективизации. Возросли нагрузки на предприятия, обеспечивающие добычу экспортных товаров. «Союззолото», в чьем подчинении находился трест «Алданзолото», стало требовать резкого повышения темпов роста добычи золота: от 100% в 1929 г. до 223% в 1933 г.⁶²

Организованное приобщение коренного (в частности, якутского) населения республики к промышленному производству началось в середине 20-х годов XX в. Однако процесс шел тяжело – исторически сложившаяся автономность ведения хозяйства, специфика расселения якутского народа обусловили социально-профессиональную имобильность⁶³. Кроме того, в это время якуты в массе своей не были готовы к урбанизированному образу жизни и не имели представлений о промышленном производстве⁶⁴.

К примеру, в 1928-1929 гг. в развивавшейся золотодобывающей отрасли из 4147 старателей 3620 чел. (87,3%) были китайцами и корейцами, 517 чел. (12,7%) – русскими рабочими⁶⁵. Последующее вытеснение иностранной рабочей силы создало проблему обеспечения алданских приисков трудовыми ресурсами. Однако, замещение рабочей силы происходило не за счет местных кадров, а преимущественно за счет масштабной миграции населения, что способствовало закреплению определенной специализации труда этнических групп.

⁶⁰ *Винокурова Л.Е.* Проблемы взаимоотношений центра и местной власти в 1920-х гг. // Северо-Восток Сибири в контексте Российской истории. XII–XX вв. (мат-лы Всерос. науч. конф.). – Якутск, 2012. – С. 122–128.

⁶¹ *Борисов А. А.* Исторический опыт нацистроительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 214–232.

⁶² *Ефремов Э.И., Никифорова В.В.* Там же.

⁶³ *Подойницына И.И.* Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. – Новосибирск, 1999. – С. 109.

⁶⁴ *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа. – Новосибирск, 1985. – С.211.

⁶⁵ *Кочегарова Е.Д.* Алданская золотодобыча; к истории становления и развития // Северо-Восток Сибири в контексте Российской истории. XII–XX вв. (мат-лы Всерос. науч. конф.). – Якутск, 2012. – С.91.

В свою очередь, на медленные темпы формирования технических кадров влияние оказывала политика коренизации, в частности, практика выдвижения толковых представителей технических профессий из числа коренного населения на партийные, комсомольские и руководящие должности, не дав им время пройти необходимые для специалиста профессиональные ступени⁶⁶.

Коренизацию также следует рассматривать как существенный фактор, повлиявший (до известной степени сохраняющий инерцию влияния) на индивидуальную и групповую политику идентичности. Это направление государственной политики оказалось эффективным в силу того, что национальная принадлежность впервые официально и открыто была связана с системой льгот и привилегий, что, по сути, превратило ее в рациональную категорию расчета, учитываемую в индивидуальных и групповых стратегиях адаптации к социальным изменениям⁶⁷. Данная политика была скоординирована с практикой идентификации личности посредством внесения записи об этнической принадлежности в паспорт (с 1932 г.).

В сфере образования Наркомпрос установил специальные квоты. В 1928-1929 гг. квотами для национальных меньшинств охватывалось около тысячи мест в высших учебных заведениях страны; в педагогических техникумах больше 45% мест было занято студентами из числа так называемых отсталых национальностей⁶⁸.

В основу политики коренизации были заложены одновременно дистанцирование с прежним режимом царизма и идеология интеграции (борьба с отсталостью). Теория отсталости была тесно связана с марксистской идеологией социальной эволюции и развития: большевики полагали, что существует единый формационный путь развития для всех народов, но в силу исторических обстоятельств они оказались на разных отрезках этого пути, поэтому отставшие нуждались в помощи со стороны развитых. В этом контексте коренные малочисленные народы Севера оказались в числе наиболее отсталых⁶⁹. Парадоксально, что вплоть до настоящего времени отличия в способах организации власти и типе хозяйствования все еще воспринимаются как разница во времени, которую предстоит преодолеть коренным народам⁷⁰.

Региональными органами власти было принято решение, что нельзя оставлять неразвитые сообщества аборигенов в том виде, в котором

⁶⁶ Антонов Е.П. Изменение интеллектуального потенциала Якутии в контексте экономического развития // Наука и образование. – 2007. – №3. – С. 135.

⁶⁷ Соколовский С.В. Указ соч. – М. 2009. – С. 91.

⁶⁸ Соколовский С.В. Там же.

⁶⁹ Слезкин Ю.А. Указ соч. – С. 178.

⁷⁰ Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года. – Якутск, 2007. – С. 10.

они пребывали во времена царизма, как угнетаемые⁷¹. Они должны были получить соответствующее развитие, чтобы влиться в новое формирующееся сообщество – советский народ.

В научной литературе отмечалось, что переход народностей Севера к социализму, в отличие от народов Европы, являл собой особую линию исторического развития, в которой они миновали все классово-антагонистические общественно-экономические формации. Однако не за счет внутренних условий, поскольку накануне революции находились на стадии первобытнообщинного строя, а за счет внешних благоприятных условий – победы Великой Октябрьской социалистической революции и многообразной помощи со стороны государства⁷².

Таким образом, выделенный в социально-культурных реалиях того времени тип хозяйства с соответствующим образом жизни, как ключевая характеристика отсталости, детерминировал формирование иерархии в советское время. Коренные народы были признаны объектом особого патерналистского управления и своего рода модернистского проекта, который бы демонстрировал успехи советской власти в формировании новых членов общества высокого уровня развития даже из состояния первобытных племен.

Обрушившаяся на коренные малочисленные народы Севера политика, призванная улучшить их жизнь, вызвала разнонаправленные действия: от активных до замаскированных, скрытых действий сопротивления. Дж. Скотт охарактеризовал последние как «оружие слабых»⁷³. В таких случаях государственному доминированию противопоставлялись повседневные, неприметные формы сопротивления: самоволки, волокита, прятки, отлынивание, избегание и т.д. Вследствие этого стали формироваться стереотипные представления о том, что коренным народам Севера присущи такие черты, как отсутствие способности к систематическому и регламентированному труду, трудовой дисциплины и др. В постсоветский период, после краха советской идеологии, в процессе утверждения принципов мультикультурализма, конституирующих инаковость, указанные стереотипы видоизменились в том плане, что этим характеристикам стали придаваться чуть ли не биологические черты. Это выразилось в дискриминации при устройстве на работу, считалось, что коренные малочисленные народы Севера не способны овладеть профессиональными навыками.

⁷¹ Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии. – Новосибирск, 1972. – 259 с.

⁷² Бойко В.И., Попков Ю.В. Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. – Новосибирск, 1987. – С. 69.

⁷³ Ссорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. – 2012. – № 4 (5). – С. 155–187.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. установила, что на территории ЯАССР проживало уже 413198 чел., т. е. численность жителей республики возросла на 44,7%. Изменился и этнический состав населения: сократилась доля коренных народов Якутии, а русских, напротив, возросла до 35,5% в общем составе населения (146741 чел.). Тем не менее, численно якуты продолжали доминировать (233173 чел., или 56,4%). Народов Севера насчитывалось 14240 чел., украинцев – 4229, татар – 4420, корейцев – 1671, китайцев – 1377, прочих – 7247 чел.

В это время политика коренизации сменилась переходом к двуязычному образованию. Это не означало возврата к русификаторской политике, но имело негативные последствия для меньшинств, живущих в полиэтничной среде. Компактное проживание якутов способствовало сохранению их языка. В полиэтнических городах и рабочих поселках основой межнационального общения считался русский язык.

Таким образом, государство оказывало разнонаправленное влияние на этническую идентификацию коренного населения Сибири и Крайнего Севера. С одной стороны, индивидуальные жизненные стратегии населения зависели от этнической принадлежности, с другой – выхолащивались этнические традиции, проводилась культурная гомогенизация населения.

Тем временем научное изучение народов СССР демонстрировало, что еще в середине XX в. этническое самосознание коренных народов Севера не было актуализировано⁷⁴. Изменения в данной сфере происходили больше под влиянием роста численности пришлого населения, расселившегося на обширной территории проживания коренных народов республики.

Согласно итогам Всесоюзных переписей населения, в течение 1959–1989 гг. общая численность населения Якутии возросла на 121,9%⁷⁵. Главную роль в демографических процессах играла миграция – инонациональный компонент составил 456925 чел. Прежде всего, это были русские, украинцы, белорусы, татары, башкиры, чуваша, мордва и т. д. Быстрый рост населения Якутии связывается с реализацией экономической доктрины ускоренного промышленного освоения.

Процесс интенсивного индустриального освоения охватил территории традиционного проживания народов Севера, что привело к расширению на этих местах градостроительства с его инфраструктурой, транспортными и энергетическими сетями и, следовательно, способствовало росту численности населения и росту уровня жизни⁷⁶. С дру-

⁷⁴ Сулейманов А.А. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг. // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2(6). – С. 58.

⁷⁵ Игнатьева В.Б. Указ соч. – С. 47.

⁷⁶ Григорьев С.А. Власть и коренные народы Северо-Востока России: ретроспектива взаимоотношений с середины XX в. до кризиса Советского государства (на примере Республики Саха (Якутия)) // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 917–921.

гой стороны, промышленное освоение привело к грандиозному отчуждению земель – территорий обитания оленеводов. По данным на 1989 г., из сельскохозяйственного оборота было изъято более 16,5 млн гектаров оленьих пастбищ. Это не считая сотен тысяч гектаров лесных и сельхоз угодий, где прокладывались новые маршруты геологов, лесозаготовщиков, строителей⁷⁷.

Союзное правительство, переродившееся на буржуазной основе и неподконтрольное советскому обществу, получало баснословные валютные прибыли на добыче алмазов, золота, угля, олова. Своеобразную отдачу от этого получили коренные малочисленные народы Севера. Именно в это время государство предприняло попытку перевести все кочевые народы страны на оседлый образ жизни. Отметим, что данная политика, призванная вывести их на новый цивилизационный уровень, была довольно противоречивой. С одной стороны, оленеводы должны были постоянно проживать в поселках, с другой – сохранять традиционные отрасли хозяйства. Как оказалось, реализовать это на практике было практически невозможно⁷⁸.

В итоге переход на оседлость почти полностью состоялся, но ценой профессионализации оленеводства и изменения традиционного образа жизни. В то же время нельзя не заметить, что государственная политика культурной гомогенизации населения страны оказалась эффективной. Сообщества коренных народов Севера действительно изменились. В настоящий момент они встроены в социальную структуру общества и на уровне социальных практик не отличаются от своего окружения. Таким образом, на протяжении советского времени коренные народы Сибири встроились в советское общество, изменился их социально-профессиональный облик, уровень образования и стиль жизни.

Основные противоречия советского коммунизма в его поздний период лежали в плоскости противостояния стареющей бюрократической номенклатуры с растущей средней стратой образованных специалистов и творческих интеллектуалов. Антибюрократический протест этого младшего звена нашел свое выражение в разных случаях либо в индивидуалистической философии неолиберализма, либо в утверждении своего этнического национализма⁷⁹, что в итоге вылилось в две волны парада суверенитетов, сначала союзных республик, а позднее и автономных.

В переломный для СССР момент, когда национальные вопросы приобрели острую актуальность, власть вновь делает ставку на расшире-

⁷⁷ Игнатьева В.Б. Указ соч. – С. 95.

⁷⁸ Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Кочевые общества Якутии в социальных процессах XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1 (84). – С. 39-43.

⁷⁹ Дерлугьян Г. Указ. соч. – С. 189.

ние прав автономий и спускает полномочия в регионы с целью предотвращения развала страны. Признание прав автономных республик и их институционализация в государственных актах СССР и РСФСР определили принятие 27 сентября 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Якутской-Саха ССР», воспринятой как громадный шаг вперед для республики в плане повышения самостоятельности в решении вопросов своего развития в рамках новой модели федеративного устройства России.

В национальных регионах страны наступает время активизации этнической политической элиты и роста числа национальных объединений так называемых «титульных народов» (этнических общностей, давших названия национальным республикам). Усилились и национальные движения коренных малочисленных народов Севера, стремившихся к легитимации своих этнических прав. Это проявилось в попытках выработать инструменты влияния, способные на государственном уровне препятствовать их ассимиляции и аккультурации.

Не всем идеям и стремлениям этого времени суждено было осуществиться. Постепенно, по мере усиления властной вертикали и формирования нового общественного договора, маятник распределения властных полномочий качнулся в другую сторону, что затронуло политику Центра в отношении национальных регионов. Новая государственная национальная политика России стала формироваться в 2000-е годы в духе «вертикали власти» и характеризовалась попытками исключения фактора этничности из политической сферы, централизацией законодательства и усечением прав регионов, что болезненно воспринималось на местах.

Процесс изменения парадигмы национальной политики государства, в т. ч. устоявшейся терминологии, идет и в настоящее время. Однако многое в сфере политики идентичности и регулирования межнациональных отношений строится на основе советской теории этноса и концептуализации этничности.

Россия унаследовала от СССР практику институализации этничности, причем как на уровне организации политического пространства, так и классификации и идентификации населяющих его людей. Вследствие этого в современном общественном дискурсе национальная политика напрямую увязывается с проблемами регулирования жизнедеятельности этнических общностей, а также межэтнических отношений.

Политика идентичности в отношении этничности строится на целом ряде идеологических оснований, этнизирующих социальную жизнь страны. Эти основания проявляются при реализации современной политики идентичности в России, можно представить как ряд идеологем:

– этносы существуют в реальности;

- этносы являются аскриптивными группами и коллективными организмами (этносы и нации);
- этносы являются носителями определенной гомогенной культуры;
- этносы имеют свои территории в составе Российского государства.

В то же время последние два десятилетия социально-политического развития страны характеризуются попытками федерального центра выстроить новую этнокультурную политику в русле формирования единой гражданской нации. В современной стратегии национальной политики России «российская нация», или «многонациональный народ Российской Федерации», определяется как сообщество свободных равноправных граждан страны различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием.

Таким образом, в официальном дискурсе происходит наполнение термина «нация» новыми смыслами, но его осознание как гражданского сообщества в общественном сознании пока не возросло. Нет четкого понимания этого термина даже в академической среде. Все это позволяет говорить о том, что декларируемая в настоящее время национальная политика и политика идентичности в отношении этнических групп – не одно и то же.

В данной главе на примере Якутии мы рассмотрели вопрос о том, как формировались представления об этничности в России и какую роль в этом сыграли глобальные социально-экономические и политические процессы, научные открытия и изыскания. Они дают возможность понять, что современные представления об этнических категориях, к которым принадлежат люди, а также о глубокой древности этнических групп в определенной мере искусственны.

Россия являлась одной из полупериферийных стран в глобальной капиталистической системе. Такие страны характеризуются тем, что их политическая элита эксплуатирует население для обеспечения капиталистического накопления даже за счет докапиталистических форм эксплуатации. Как нам кажется, это ярко проявилось в выстраивании взаимоотношений с сибирскими инородцами.

В разное время использовались различные критерии для обозначения инаковости населения колонизируемых территорий. Этнические категории стали создаваться с появлением научных методов классификации. При этом одна сторона активно систематизировала и группировала другую. То есть это был односторонний процесс – внешний взгляд, во многом определивший современные представления об этнических категориях. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в имперский период этническое самосознание коренных народов Сибири формировалось под влиянием эксплуатации и категоризации населения, продиктованных логикой глобальной капиталистической системы.

Постепенно, по мере снижения значимости пушнины для экономики страны, ради которой и эксплуатировались инородческие народы Сибири, исчезала потребность в сохранении данной категории населения. При этом условия интеграции в российское общество их больше не устраивали, так как они вполне усвоили и осознали свою этническую инаковость.

Советская власть, воспринявшая интересы национальных освободительных движений, многое дала этническим общностям в России и мире. Оценку ее исторической роли еще предстоит осмыслить. Однако эта же власть ограничила автономию национально-территориальных образований и сформировала закостенелую партийно-советскую номенклатуру, что завершилось парадом суверенитетов и развалом Советского Союза.

В целом, рассмотренные материалы позволяют с настороженностью подходить к тезису о глубокой исторической укорененности этнических идентичностей. В то же время нельзя отрицать того, что они существуют в социальной реальности и тем самым непосредственно влияют на жизнь людей. Этот механизм действует согласно теореме У. Томаса, которая гласит: если люди считают ситуацию реальной, то она реальна по своим последствиям. Представления людей о своей принадлежности к этническим группам, сложившиеся под влиянием капиталистической системы, сыграли свою роль в формировании как СССР, так и современной России. Поэтому этнические идентичности Якутии не должны рассматриваться исключительно как искусственные объекты государственной политики, не имеющие значения. Вследствие того, что они детерминируют социальную реальность, они представляют собой силы, в значительной степени определяющие вектор исторического развития.

ГЛАВА 2.

Барьеры этничности в контексте формирования российской нации

Как было сказано в гл. 1, современная национальная политика Российской Федерации характеризуется постановкой новых задач, к числу которых относится укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России. Российская нация понимается как сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием⁸⁰.

В этой связи, прежде всего, хотелось бы очертить дискуссионные вопросы, которые возникают при обращении к термину «российская нация» и его вхождении в публичное пространство, в частности, в использовании активно эксплуатируемого термина «нация». Это связано с различием в теоретических подходах исследователей, а также с тем, что «данный термин является частью живого политического языка современности, языка переговоров и борьбы, утверждения и оспаривания политических и социальных претензий»⁸¹. Анализ научной литературы выявляет следующие противоречия:

- понимание нации либо как вещи «в себе» или «вещи для себя». К примеру, В.А. Тишков рассматривает гражданскую нацию как население всякого государства, которое себя с ним идентифицирует⁸². В данной трактовке уместно говорить о существующей российской нации, поскольку за постсоветский период российская идентичность успела

⁸⁰ *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Система ГАРАНТ [Электронный документ] URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5n7wWY5CW>*

⁸¹ *Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М., 2010. – С. 7.*

⁸² *Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. – М., 2016. – С. 7–18.*

полностью утвердиться. По мнению исследователей, не согласных с таким широким определением данного термина, нация – это политическое заявление, требующее от людей осознания, верности, внимания и взаимной солидарности. Так, например, Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин считают, что только люди, обладающие солидарностью и способные к коллективным действиям, составляют гражданскую нацию⁸³. Согласно этой точки зрения, Россия находится лишь на пути становления данной общности. Очевидно, что разная трактовка термина формирует разные исследовательские подходы;

– различное понимание отношения нации и государства. Для одних нация первична, и она выстраивает государство, для других – вторична, так как является последствием формирования государства. При этом часть разделяющих последнее утверждение исследователей считает, что нации образуются из глобальной структуры мира экономики в силу той роли, которую они играют в данный период⁸⁴.

– этническое, либо гражданское понимание нации. Примордиалистское понимание природы национального очень распространено в России. Дело в том, что в советское время в качестве наций дефинировались этнические группы СССР, что нашло отражение в термине «многонациональный народ». Советские практики категоризации и институционализации этничности оказались весьма продуктивными. Так, изменения в терминологии социально-гуманитарных наук, произошедшие в период кардинальных социально-политических реформ в 1990-е годы, не поколебали общее понимание этносов как реально существующих объектов, а также их опредмечивание через некие конкретные наборы признаков (атрибуты). Таким образом, многие исследователи используют термин «нация» как синоним этнической группы;

– этническая идентичность противостоит гражданской идентичности и/или даже исключает ее в силу противопоставления иных форм развития государства (в частности, империи) – национальному государству. Считается, что империя подразумевает существование власти, которая удерживает под своим влиянием разные народы без их согласия (при сохранении устойчивой связи родства по восходящей линии или племенной связи). В свою очередь, нация подразумевает однородность (в том числе культурную), заменяет этничность и родство, социальное взаимодействие строится на основе гражданской интеграции.

Россия, в контексте вышеуказанного определения, была имперским государством как в дореволюционный, так и в советский период. Соответственно, современная Россия понимается как постимперское государство, в котором, как отмечает Э. Паин, вертикальные основы интеграции в рамках одного государственного образования слабеют, а но-

⁸³ Паин Э.А. Федюнин С.Ю. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология. – 2018. – № 1. – С. 171–191.

⁸⁴ Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М., 2004. – 288 с.; Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – 256 с.

вые связи между такими общностями, основанными на гражданской интеграции людей, осознающих себя источником власти в государстве-нации, пока не сформированы⁸⁵.

Такие взгляды, как правило, определяют пессимистические выводы о возможности формирования гражданской нации в России. При этом, как нам кажется, они содержат два смысловых компонента. Первый сообщает о том, что в нашей стране гражданская интеграция заблокирована патерналистским, подданническим сознанием людей. В этой ситуации этническая интеграция берет верх, что и проявляется в разнообразных межэтнических конфликтах.

Второй – дополняет вышесказанное выводом о том, что нации возможны лишь при моноэтничности сообщества, при котором может быть достигнута необходимая «однородность», а этничность является основанием для выдвижения политических требований. Следовательно, процесс формирования российской гражданской нации в так называемых национальных республиках России идет особенно трудно, поскольку они, будучи угнетаемыми в рамках империи, так или иначе стремятся к собственной государственности и национализму. В этом случае этнические конфликты рассматриваются как подтверждение неосуществимости политической нации без пересмотра политических границ с учетом этнического фактора.

Данные представления наиболее ярко проявились в высоком уровне национализма в перестроечный и ранний постсоветский период. Тем не менее, это не говорит о том, что стремление к политизации этничности в постсоветской России имеет какие-либо предопределенные самим существованием этнических групп причины или что именно этнические идентичности граждан являются препятствием для формирования политической нации. Дело в том, что политика СССР в отношении этнических общностей носила противоречивый характер – шло подавление национализма при институционализации национального. По мнению Р. Брубейкера, «национальность как институционализируемая форма располагала разработанной системой социальной классификации, а также организующим “принципом видения и разделения” социального мира. Она включала в себя стандартизованную систему социальной бухгалтерии, толковательные рамки общественной дискуссии, тесную организационную решетку, набор маркеров для проведения границ между группами, легитимные формы общественных и личных идентичностей. И когда общественное пространство резко расширилось при Горбачеве, эти повсеместно институционализованные формы были с готовностью политизированы»⁸⁶.

⁸⁵ Паин Э. Этнические конфликты в постимперской России // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 35–47.

⁸⁶ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М., 2010. – С. 84.

Как известно, в процессе распада СССР о необходимости большей самостоятельности в распоряжении ресурсами собственного региона заявили не только национально-территориальные, но и административно-территориальные образования (Уральская республика, Калининградская область, Сибирская республика и др.). То есть этничность была лишь дополнительным фактором для выдвижения политических требований. Политизация этничности, пик которой можно было наблюдать в 1980-1990-е годы, является закономерным следствием ранее принятых решений в сфере национальной политики. Таким образом, именно власть и государственная бюрократия сыграли решающую роль в превращении культурных различий в основу для политической дифференциации между народами.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что современная национальная политика, направленная на выстраивание общероссийской гражданской идентичности – единой нации, является реакцией на травму от распада СССР – жестко централизованного государства, в котором союзные и автономные республики были созданы по этническому принципу децентрализации, а также на децентрализацию государственной власти, наблюдавшуюся в России в 1990-е годы. Соответственно, идеологически она нацелена на преодоление тенденции политизации и огосударствления этничности.

В целом, эта политика может рассматриваться как новый этап в управлении полиэтничным сообществом России, характеризующийся маятниковыми движениями от децентрализации к централизации и обратно. В октябре 2016 г. В.В. Путин поддержал идею разработки «закона о российской нации», основой которого должна выступить Стратегия государственной национальной политики (далее – Стратегия). Таким образом, был дан старт новым дискуссиям о содержании понятия «нация» и степени его близости к термину «этничность».

Отметим, после 2016 г. текст Стратегии подвергся еще одной редакции, главным образом, в плане усиления задач укрепления единства российской гражданской нации, что свидетельствует о стремлении оттеснить этничность из центра общественного пространства. Насколько данная политика может быть эффективна в рамках современного российского общества, проникнутого проблемой неравенства и разделенного по этническим границам начиная с имперского времени и заканчивая современным днем? В этой связи появляется потребность в определенной оценке возможностей и перспектив реализации указанных задач национальной политики.

Учитывая данные обстоятельства, сосредоточим внимание на проблемах нациестроительства в Республике Саха. В этой главе представлены материалы социологического опроса, проведенного в шести административных районах – Нерюнгринском, Олекминском, Аллаихов-

ском, Анабарском, Усть-Янском и г. Якутске. По квотной выборке были опрошены 1073 респондента.

Аллаиховский, Анабарский, Усть-Янский районы находятся на севере республики и входят в состав Северного эколого-экономического района Якутии и Арктической зоны России. В настоящее время ведущее место в их экономике занимают традиционные виды хозяйства, лишь в Анабарском районе развивается промышленность, связанная с эксплуатацией месторождений полезных ископаемых. Города Олекминск и Нерюнгри относятся к Южному эколого-экономическому району Якутии, одному из наиболее развитых в промышленном отношении. Основу развития экономики составляют колоссальные запасы угольного сырья. Большое значение имеют и более развитая транспортная сеть, наличие круглогодичного железнодорожного сообщения с другими регионами страны. Город Якутск, расположенный в Центральной Якутии, является столицей республики. Это один из старейших административных, политических, культурных, научно-образовательных центров на северо-востоке России. В данное время является одним из главных центров миграционных процессов в Якутии. Таким образом, география исследования позволяет продемонстрировать общественное мнение населения, проживающего в различных природно-климатических и экономических зонах Якутии.

В первую очередь нас интересовали представления респондентов о самом понятии «нация» и их отношение к государственной национальной политике, проводимой в стране. Для этого им было предложено ответить на вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли в России формирование единой российской нации?».

В результате опроса было выявлено, что число несогласных с идеей формирования единой российской нации (41,6%) заметно превышает число ее сторонников (24,5%); число затруднившихся с ответом составляет треть респондентов (33,9%). При этом следует отметить, что в группе затруднившихся ответить выявилась зависимость выбора данного варианта ответа от субъективного социально-экономического статуса опрашиваемого лица, уровня его образования, пола. Чем ниже был социально-экономический статус и уровень образования, тем чаще люди сообщали, что затрудняются ответить. Кроме того, чаще затруднялись ответить женщины. Выраженных статистически значимых зависимостей между этими факторами и выбором позитивного/негативного ответа выявлено не было.

По нашему мнению, полученное распределение мнений опрошенных лиц передает наличие определенных противоречий между стратегическим целеполаганием государственной национальной политики и массовыми представлениями о необходимости нациестроительства. Следовательно, понятие нации все еще воспринимается населением в качестве этнической общности, а не гражданского сообщества. Часть

респондентов напрямую выражала свое отрицательное отношение к необходимости формирования единой нации, подразумевая под этим создание одного суперэтноса. Идею российской нации поддерживают в среднем лишь 25% респондентов.

Как заключает В.А. Тишков, являющийся апологетом идеи гражданской нации в России, отрицание российского проекта происходит намеренно или по неведению, где российский народ (россиян) представляется противниками как антипод подлинно «национального (этнического) самоопределения» и «национальной государственности»⁸⁷. Действительно, при устных беседах с респондентами было выявлено, что многие из них понимают нацию именно как этнос и никак иначе, к тому же не хотят изменения привычного определения в пользу чего-то нового.

Наши данные можно сравнить с результатами масштабного социологического исследования (2008), когда в ходе опроса респонденты ответили на вопрос: составляют ли граждане страны российскую нацию? Были получены следующие данные: 38% опрошенных заявили, что в условиях России единая нация возникнуть не может; 15% – посчитали, что нация возможна, но для этого требуются десятилетия; 17% – воздержались от ответа; 8% – полагали, что нация может возникнуть через несколько лет; 23% – сказали однозначное «да» российской нации. Те, кто высказался против именования российских граждан нацией, составляют в разных регионах, видимо, устойчивую категорию. Их доля колеблется в диапазоне 5-7%, хотя имеются своеобразные «максимумы» и «минимумы»⁸⁸.

В исследовании отмечается, что те респонденты, которые согласны назвать россиян нацией, составляют в разных регионах 22-26%. Но варианты отклонений от средней величины в данном случае встречаются чаще: максимальная доля тех, кто согласен с тем, что россияне есть нация, отмечена в Сыктывкаре (31%) и Екатеринбурге (29%), а минимальная – в Грозном (10%), Якутске (11%) и Пятигорске (16%)⁸⁹. То есть можно говорить о том, что в разных регионах страны понимание самого термина не равнозначно. Результаты опроса в национальных республиках скорее подтверждают, что среди их жителей сохраняется понимание нации, прежде всего, как этнической общности.

Исходя из этого, некоторые исследователи делают вывод о том, что идея российской нации не выполняет свои интегрирующие функции и не укрепляет национальное согласие. Нам же представляется, что данные социологических опросов скорее являются отражением содержа-

⁸⁷ Степанов В.В., Тишков В.А. Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестник Российской нации. – 2010. – № 3. – С. 112–153.

⁸⁸ Тишков В.А. Национализм и выборные компании // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 72–90.

⁸⁹ Тишкова В.А. Там же.

тельной неоднозначности этого термина в политическом и общественном дискурсе. Кроме того, в данном случае мы говорим о проблеме нациестроительства лишь как о феномене политической речи.

На наш взгляд, такие проблемы, как внедрение терминов и понятий в информационное поле страны, а также формирование и развитие гражданского самосознания населения должны рассматриваться в разной плоскости. Поэтому мы задались вопросом о том, может ли одна идентичность, как часть социальной идентичности личности, препятствовать формированию или развитию другой? Иными словами, противоречат ли друг другу этничность и гражданственность. Данная проблематика рассматривалась в трудах Л.М. Дробижевой, Е.М. Арутюновой, В.А. Тишкова, которые считают, что одно нисколько не мешает второму. Тем не менее, обсуждение данного вопроса не снято с повестки дня, свидетельством чему являются регулярно появляющиеся публикации на эту тему.

По нашему мнению, основная идея, обосновывающая постановку вопроса о противостоянии гражданственности и этничности, связана с представлением о моноэтничности государств-наций. Но не нации создают государства, все происходит наоборот. Миф о моноэтничности таких государств-наций, как Франция, Великобритания или Испания, строился также во многом на заметной культурной оппозиции метрополии и колоний.

Но когда речь заходит о гражданской и этнической идентичностях в России, встречаются утверждения, что они конкурируют или даже противостоят друг другу. В этой связи в нашем исследовании была выдвинута рабочая гипотеза, согласно которой идея формирования российской нации особенно настороженно будет воспринята коренным населением. Такая позиция связывалась с доминированием роли гражданской идентичности в Стратегии государственной национальной политики, что может быть понято как угроза интересам этнических сообществ.

Таблица 2.1

Ответы на вопрос: «Необходимо ли в формирование единой российской нации» (этнический срез, в %)

	Русские	Саха	КМНС	Прочие	Смешанные
Да	25,2	23,9	21,5	22,2	28,6
Нет	40,4	44,5	39,6	40,7	28,6
Затрудняюсь ответить	34,4	31,4	38,9	37,0	42,9

Итоги исследования, рассмотренные в этническом разрезе, не выявили существенных различий в ответах респондентов разных национальностей (см. табл. 2.1). Получается, что этничность не является фак-

тором, определяющим утверждение или неприятие идеи гражданской нации. То есть представители разных этнических групп в той или иной мере разделяют общее представление о природе нации.

Таблица 2.2

Ответы на вопрос: «Необходимо ли в формирование единой российской нации» (территориальный срез, в %)

	Усть-Янский	Анабарский	Аллаиховский	г. Якутск	г. Нерюнгри	Олекминский
Да	28,4	20,5	24	26	31,2	13,3
Нет	33,3	40,2	42,3	39,7	43,7	48
Затрудняюсь ответить	38,2	39,3	33,7	34,2	25,1	38,7

С целью определения другого значимого фактора, влияющего на одобрение идеи единой российской нации, ответы опрошенного массива были рассмотрены в территориальном срезе. Как видно из данных таблицы 2.2, существуют определенные различия в объемах респондентских групп – сторонников и оппонентов идеи формирования российской нации.

Исследованием выявлено, что наибольшее число отрицающих данную идею людей живет в г. Олекминске, а в г. Нерюнгри, напротив, зафиксировано большее число ее приверженцев (в сравнении с другими районами опроса). Примечательно, что оба городских населенных пункта расположены в Южной Якутии, однако ответы их жителей существенно рознятся по числу положительных ответов. Можно предположить, что существуют значительные различия в самом восприятии термина нация. Если говорить о факторах, оказавших влияние на различие в результатах опроса, следует отметить, что доминирующим, по нашему мнению, является фактор пространственного опыта респондентов. Жители г. Нерюнгри в основном мигранты первого и второго поколения, прибывшие в Якутию со всех уголков страны. Для них является нормой наличие опыта, во-первых, изменения места жительства, приспособления к новому принимающему обществу, во-вторых, проживания в обществе, где почти все его члены не имеют длительных исторических связей с местом проживания. Жители г. Олекминска имеют как правило противоположный опыт. При этом объединяет и тех и других наличие довольно существенной прослойки лиц, давших отрицательный ответ. Соответственно наибольшее влияние на мнение жителей Якутии оказали общие факторы государственной институционализации этничности.

Таким образом, несмотря на то, что идея формирования единой российской нации рассматривается населением Якутии скорее отрицательно, за этим не стоит этнически окрашенного противостояния иден-

тичности. В то же время, ни русские, ни якуты, ни коренные малочисленные народы Севера не стремятся соединиться, как они понимают российскую нацию, в единый «суперэтнос».

Оставив вопросы утверждения термина «нация», представляется целесообразным обратиться к данным, которые проливают свет на лояльность населения республики к российскому государству как некоей политической общности посредством обращения к понятию «гражданское самосознание». В целях Стратегии национальной политики России гражданское самосознание определено как отраженное в сознании личности представление о себе как о гражданине государства и члене общества, а также о своей роли в их развитии и защите⁹⁰.

Отметим, что значимость гражданского самосознания в структуре других идентичностей оценивается экспертами как более позитивная. К примеру, по данным исследования «20 лет реформ», проведенного в 2011 г. институтом социологии РАН (руководитель – М. Горшков), 95% опрошенных лиц по всей стране при определении своей идентичности в той или иной степени отнесли себя к «гражданам России»⁹¹.

Мы предложили респондентам обозначить референтные для них группы, о которых они могли бы сказать «это – мы». Наше исследование показало, что наиболее значимой для жителей Якутии является группа «граждане России», с которой отождествляют себя 37,9% опрошенных лиц (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Референтные группы в территориальном разрезе

Варианты ответов	Ответы по РС(Я), %
Люди таких же взглядов на жизнь	18,8
Жители Севера, Арктики	18,7
Граждане России	37,9
Люди такой же национальности	14,2
Жители Якутии, якутяне	28,1
Люди той же профессии	8,0
Люди такой же веры	4,4

Вторым по частотности, среди всех предложенных ответов, стал вариант «жители Якутии». Предпочтительность регионально-территориальной («мы – якутяне») идентичности для респондентов связывает

⁹⁰ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года Система ГАРАНТ [Электронный документ] URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5n7wWY5CW>

⁹¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад [Электронный ресурс] URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf (Дата обращения: 22.08.2019).

ся, прежде всего, с ценностью регионального самосознания, актуальностью отношений в системе «центр-регион» и республиканским патриотизмом.

Соответственно результатам опроса, в структуре самосознания населения Якутии позицию аутсайдера занимают следующие идентичности:

– религиозная идентичность: число респондентов, готовых к объединению по признаку конфессии («люди такой же веры»), – 4,4%. С точки зрения социологии этот феномен можно связать с влиянием советского прошлого, в котором, во-первых, роль религии как общественного института была снижена; во-вторых, проводилась активная пропаганда атеизма. В постсоветское время, несмотря на возросшую потребность людей в новых смыслах, церковь не смогла восстановить былые позиции. В результате религия не имеет большой значимости в духовной жизни современного якутского общества.

– профессиональная идентичность, которая имеет высокую ценность лишь для 8% респондентов. Вероятно, это можно объяснить тем, что современные профсоюзы во многом утратили свою силу и влияние на общество. В настроениях населения также отражается размывание профессиональных групп, особенно на селе, а зачастую – несоответствие профессионального образования и занимаемой должности.

Таблица 2.4

Ответы на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – мы»? (в территориальном срезе, %)

Варианты ответов	Усть-Янский	Анабарский	Аллайховский	г. Якутск	г. Нерюнгри	Олекминский
Люди таких же взглядов на жизнь	8,9	10	15,1	28,4	26,4	7,9
Жители Севера, Арктики	30,7	30,9	45,3	7,2	3,6	7,3
Граждане России	39,6	31,8	32,1	35,3	35	57,6
Люди такой же национальности	8,9	8,2	3,8	25,3	23,4	2,6
Жители Якутии, якутяне	20,8	33,6	28,3	38,7	15,7	23,8
Люди той же профессии	2	0,9	4,7	15,8	9,1	5,3
Люди такой же веры	6,9	5,5	0,9	3,8	8,1	3,3

Табл. 2.4 демонстрирует наличие дифференциации в структуре многоуровневой идентичности, в частности, прямую корреляцию с местом поселения опрошенных лиц. Так, в трех арктических районах выявлена ценность локально-территориальной идентичности, основанной на принадлежности «Северу» и «Арктике», у значительного числа респондентов вне зависимости от их национальной принадлежности.

Как оказалось, характерный и для других трансполярных регионов мира феномен «северного самосознания», присущий жителям этого неинституционального географического пространства, способен конкурировать по значимости с солидаризацией людей по иным принципам, в т. ч. по региональному и гражданскому. Это является следствием многих процессов, о которых речь пойдет в гл. 3, но мы подчеркнем лишь тот факт, что здесь не последнюю роль играет формирование особой арктической политики Российской Федерации, направленной на развитие северных приграничных территорий страны.

В структуре социальной идентичности респондентов двух самых крупных городов республики (Якутск, Нерюнгри) доминирующей оказалась этническая идентификация. Высокая ценность этничности объясняется тем, что эти города находятся в эпицентре интенсивной как внешней, так и внутренней миграции в течение длительного времени. Кроме того, востребованными оказались и сообщества, сформированные по принципу объединения людей с общим миропониманием/мировоззрением («люди таких же взглядов на жизнь»). К слову, эта более характерная для жителей крупных городов ситуация выявлялась и другими исследователями⁹².

Таким образом, на осознанное отождествление себя с той или иной общностью/сообществом/пространством определенное воздействие оказывают такие факторы, как включенность людей в различные социально-территориальные группы, географические образы, урбанизированные ареалы, социальные группы и др.

Интерес представлял вопрос об этнических особенностях выбора референтной группы. Оказалось, что ценность арктической идентичности в большей мере велика для представителей коренных малочисленных народов Севера, а для респондентов-саха – региональной идентичности (см. табл. 2.5). Принадлежность к России и россиянам особенно значима для русских респондентов, а также для респондентов других национальностей. Таким образом, были выявлены довольно интересные закономерности пространственного восприятия референтных групп.

⁹² Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 259–272.

Таблица 2.5

Ответы на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «Это – мы»?» (в этническом срезе, %)

Варианты ответов	кмс	саха	русские	другие
Люди таких же взглядов на жизнь	10,4	19,2	22,0	7,4
Жители Севера, Арктики	38,9	17,8	13,3	13,0
Граждане России	36,1	32,2	44,6	48,1
Люди такой же национальности	9,0	14,3	15,7	11,1
Жители Якутии, якутяне	25,7	37,6	18,4	14,8
Люди той же профессии	2,1	7,6	9,9	11,1
Люди такой же веры	3,5	3,3	6,9	3,7

Следует отметить, что гражданская идентичность, выраженная в категории «мы – россияне, граждане России», оказалась не только одной из наиболее значимых для жителей Республики Саха, но и наиболее устойчивой вне зависимости от точки опроса и этнической принадлежности опрашиваемых. С ней может конкурировать лишь региональная идентичность; в остальных случаях в процессы самоидентификации включаются локальные особенности поселений, население которых участвовало в социологическом опросе.

В контексте выявленной исследованием проблемной ситуации (41,6% – отрицательно отнеслись к идее нациестроительства), несмотря на численное преобладание респондентов, солидарных с группой «россияне», рассмотрим основы и смыслы данной солидаризации (см

Таблица 2.6

Что Вас сближает или объединяет со всеми россиянами?

Варианты ответов	Частота ответов, в %
Общее государство	73,1
Родная земля, территория, природа	35,1
Язык	33,3
Историческое прошлое	19,8
Праздники, которые мы празднуем вместе	19,5
Общие перспективы будущего	18,7
Культура	18,6
Общие символы (флаг, герб, гимн)	14
Черты характера	4,6
Ничего не сближает	2

табл. 2.6). Ранжирование полученных ответов показало, что у 73,1% опрошенных самым важным элементом ощущения единства с россиянами является наличие *«общего государства/отечества»*, определяющее их консолидацию со своими согражданами/соотечественниками.

Ценностная сфера гражданского единения также оказывается тесно ассоциирована (по убыванию): с *«родной землей, территорией, природой»* – 35,1%, *«языком»* – 33,3% респондентов. Вероятно, сам факт того, что Россия является самой большой по территории страной в мире, представляет собой одну из базовых ценностей российского народа как многоэтнической гражданской нации. То есть ведущую роль в смысловом наполнении гражданской идентичности играют представления о государстве, его границах и обширных территориях, которые входят в его состав.

Комментируя столь высокое значение государства в процессах интеграции населения России, согласимся с мнением Э. Балибара и И. Валлерстайна о полном подчинении жизни индивидов их статусу гражданина государства, произошедшем в нынешнюю эпоху⁹³. Иными словами, принадлежность к государству становится частью индивидуальной самоидентификации, соответственно, идея о том, что именно государство формирует нацию, имеет место.

Эффект единства также создают такие категории, как *«праздники, которые мы празднуем все вместе»* (19,5%), *«культура»* (18,6%), *«историческое прошлое»* (19,8%), *«общие перспективы будущего»* (18,7%). Менее значимыми для респондентов оказались *«общие черты характера»*

Таблица 2.7

Что больше всего объединяет Вас со всеми россиянами?

	КМНС	Саха	Русские	Другие
Общее государство	81,9	77,8	66,3	64,9
Общие перспективы будущего	14,6	21,4	17,5	15,8
Историческое прошлое	13,2	17,5	26,9	19,3
Родная земля, территория, природа	21,5	35,5	39,9	31,6
Язык	21,5	25,1	45,4	54,4
Культура	13,9	18,3	22,6	17,5
Общие символы (флаг, герб)	10,4	15	11,9	24,6
Черты характера	2,8	4,3	5,9	3,5
Праздники, которые мы празднуем все вместе	25,7	18,5	18,1	19,3
Ничего не сближает	2,1	1,4	3	–

⁹³ Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – Москва: изд-во «Логос», 2004. – 288 с.

(4,6%), а также «общие символы (флаг, герб, гимн)» (14%). По всему видно, что символическая политика в России находится на таком уровне, когда она не в состоянии сформировать однородную общность. Если посмотреть на факторы интеграции гражданской идентичности в этническом разрезе, то выявляются определенные особенности (см. табл. 2.7).

Как оказалось, общее государство – важный интеграционный фактор для всех этнических общностей, но для коренных малочисленных народов Севера и якутов (саха) его значение много выше. Здесь можно усмотреть влияние искусственной реанимации «вертикали власти», предпринимаемой в России с 2000-х годов. Бюрократический аппарат и государственная машина становятся определяющими интеграторами. Показательно, что язык как интеграционный фактор гражданской идентичности отмечается русскими и представителями иных национальностей (не коренными народами) значительно чаще.

В связи с данными обстоятельствами мы решили установить особенности выбора интеграционных факторов для респондентов с актуализированной этнической идентичностью. Укажем, что выбор причин для консолидации по принципу этничности оказался шире, чем для гражданской идентификации (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8

Что больше всего роднит Вас со своим этносом, людьми одной с Вами национальности, в %

Факторы объединения	кмнс	саха	русские
Язык	51,0	71,9	71,9
Культура	35,0	43,8	43,2
Обычаи и обряды	52,4	38,6	24,9
Родная земля и природа	56,6	50,4	39,9
Черты характера	12,6	9,9	13,6
Верования	3,5	8,1	17,5
Историческое прошлое	17,6	18,0	21,0
Родственные связи	30,8	27,7	26,3
Черты внешнего облика	7,0	10,5	13,3

Важно отметить то, что значимость этноидентификационных факторов может корректироваться в силу различных обстоятельств. Одни характерные черты культуры, которые служат маркерами этнической границы, могут с течением времени заменяться другими, повышать или снижать свою значимость.

В Якутии одним из наиболее значимых этнических ресурсов является язык. Его часто указывают как один из главных атрибутов этнич-

ности. Действительно, в научной литературе подчеркивается, что идентичность и язык тесно связаны. По мнению Дж. Фишмана, пока существуют группы, языки будут символом этих коллективов и инструментом создания образов группы, антагонизма и кооперации с другими сообществами.

Необходимо сказать, что русская часть населения республики в основном одноязычна. Начиная с переписи 1989 г. число русских, владеющих якутским языком, колеблется в районе 1,5-2%. В процессе активной урбанизации саха и оседанию их в городах (преимущественно в столице Якутии) постепенно расширяется пространство якутского языка. Значимость языка как фактора идентификации растет за счет мигрантов из сельской местности. Однако, поддерживать якутский язык в новом поколении горожан становится все сложнее. Об этом свидетельствуют цифры статистики – число якутов, указавших на владение якутским языком, в межпереписной период (2002-2010) сократилось с 93,2 до 86%.

Особую значимость для якутов (саха) и коренных малочисленных народов Севера имеют родная земля (более подробно тема земли/территории рассмотрена в гл. 3), а также культура, которая оказалась более важным интегрирующим фактором, нежели для общегражданской идентичности. Следует отметить, что в глобальном сообществе рост значимости культуры национальных обществ стал заметен в 1970-е годы вследствие разрушения идеологемы «развития», предполагающей возможность экономического развития всех стран. Разочарование в этой идее вызвало утрату веры в государство и рост значимости иных групп. С этого момента культура, ранее рассматриваемая как препятствие для модернизации и развития, стала восприниматься как оплот, без которого невозможно противостоять вырождению, распаду, упадку экономики и политической жизни, являющимся следствием расширяющегося процесса превращения всего в товар⁹⁴. Этнические группы почувствовали, что отстаивая отличительные черты своей культуры они могут защитить себя, обеспечить свои права, требовать равенства и паритетных отношений.

Вышеуказанные тенденции отразились в том, что «по мере становления всемирного культурного рынка в капиталистической системе формируется запрос на различие. В результате на сцену выходят игроки, прежде не имевшие шансов быть замеченными. Более того, принадлежность меньшинству становится ценностью, а значит – культурным ресурсом...»⁹⁵. То, что прежде ассоциировалось с отсталостью, недостаточной модернизованностью, реакционностью и т. д., приобретает черты интересного и волнующего.

⁹⁴ Валлерстйн И. После либерализма. – М., 2003. – С. 158.

⁹⁵ Малахов В.С. Национальное государство, национальная культура и культурный суверенитет // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 87–94.

Причем к сохранению своеобразия и аутентичности этнические группы побуждаются не только внутренними, но и внешними мотивами (положительной оценкой со стороны туристов, различных сообществ и т. д.). В качестве примера можно привести тот факт, что комментарии так называемых лидеров мнения об этнической культуре производят большое впечатление на самих представителей данной культуры. Так, в 2019 г. в популярном мессенджере распространили текст, автором которого значится Ю. Грязнова, приглашенный гость Ысыаха – национального праздника народа саха. Далее приведем сам текст:

«У меня есть долг. Я должна вам рассказать про Якутию. Собираюсь уже две недели... И вот.

Начнем с того, что я не люблю Россию. Сорри, кого обидела. Россия ни при чем. Я так устроена. Не люблю. Мне нехорошо. Долго думала, почему? Мне кажется, что две вещи определяют. Первая – некрасиво. Дома, города, интерьеры внутри. Нет гармонии. Старого почти не осталось. Новодел ужасен. Поэтому Питер – единственный город, где можно жить. Второе – люди. В России у них (у нас) почти нет корней. Откуда бы им взяться? 70 лет советской власти убили все, что можно. И красоты тоже поэтому нет.

А теперь про Якутию. Она мне понравилась. Да нет, я просто в восторге. Именно потому, что там это все это есть. И красота, и корни.

В первый день мы поехали на Ысыах – якутский праздник встречи солнца. Понимаете, 200 тысяч человек в национальных костюмах. Семьями – и все в национальной одежде. И это не те национальные костюмы, которые берутся напрокат или достаются из пыльной кладовки Дома культуры, чтобы на сцену выйти. Нет – их шьют у портных: и мужские, и женские. Есть мода, она живая. Костюмы функциональны. В якутском платье халадай можно ходить хоть на работу, хоть на праздник. Мужские костюмы вполне можно надеть на официальную встречу. И главное, в этих костюмах люди выглядят фантастически. Я поймала себя на чувстве, что когда я смотрю на пожилую якутскую даму в национальном платье, шляпке и украшениях, я ощущаю в ней те же благородство и корни, которые чувствуются в парижской старушке. Кроме костюмов – они поют. Опять же – огромное количество певцов, огромное. И поют один другого лучше. То есть – массовая история»⁹⁶.

Это обширное цитирование приведено для демонстрации того, что туристы видят в проявлениях этничности в первую очередь глубокие корни, историю и память. В противоположность тому, что есть в современной российской действительности, лишенной этнического своеобразия.

Таким образом, национальное государство, предполагающее полное совпадение политических и культурных границ, остается в про-

⁹⁶ Грязнова Юлия (2019) Запись в VK: 17 июля 2019 в 11.00 (<https://vk.com/eigevk>)

шлом. Появляется такой феномен, когда либо этническая группа, либо отдельный регион, а не государство, частью которого этот регион является, выступает как самостоятельный бренд в глобальных символических обменах. По мнению исследователей, в рамках глобальной информационной экономики даже на территории одной страны сейчас просто не может быть гомогенной культуры. Благодаря интернету появляются сообщества идентичностей, альтернативные нациям, которые могут рекрутировать своих членов независимо от территориально-государственной принадлежности⁹⁷.

В связи с этим интересен взгляд В.Ю. Сухачева, который видит особую закономерность в том, что термин «этнические меньшинства» принял в России форму «национальных меньшинств». По его мнению, это не «дискурсивная оговорка», а «дискурсивная стратегия». Позиционируя себя именно как национальные, меньшинства получают возможность не только сохранять и развивать свою этничность, но в первую очередь стать актором политического процесса и обрести свои права⁹⁸. На наш взгляд, в данном мнении отражается вышеуказанный тренд, с другой стороны – опять проявляется содержательная неоднозначность термина нация в России.

Что нам сообщает все вышесказанное о перспективах формирования единой российской нации? Отметим, что проблемы нациестроительства в большей степени концентрируются в сфере общественно-политической речи. Терминологический разнобой, по всей видимости, сказывается на многих областях, в т. ч. в сопоставлении российского и международного права, при принятии политических решений, в самом социуме.

В этих условиях лишь четверть населения Якутии поддерживает идею строительства единой нации. Свои опасения люди связывают с потерей особенностей этнокультурного облика народов, что соотносится с примордиалистскими определениями нации. Обнаружены зональные различия по вопросу о формировании российской нации, при этом значимых отличий в ответах респондентов из разных этнических групп не выявлено.

Необходимо отметить, что гражданская идентичность, выражаемая в чувстве принадлежности к России, является одной из наиболее важных для опрошенных якутян. При этом респондентская группа, отождествляющая себя с «гражданами России», напрямую не конкурирует с этничностью и тем более не конфликтует с ней. Это говорит о том, что нельзя отрицать ресурсов и возможностей гражданской идентификации, по сути являющейся отражением принадлежности к граж-

⁹⁷ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 28.08.2019)

⁹⁸ *Сухачев В.Ю.* «Права народов», этнические меньшинства и я-идентичность // Национальный вопрос и права беженцев. – СПб., 1998. – С. 86.

данской общности. По всей видимости, интегрирующей основой гражданской идентичности должны являться позитивные практики взаимодействия людей в рамках единого правового поля. Имеющийся довольно высокий консолидационный потенциал, при внимательной реализации Стратегии национальной политики РФ, может быть развит в полной мере и использован для адаптации больших масс населения.

На основе иерархии идентичностей и значимости интеграционных факторов можно заключить о важности фактора территории, актуализированного как для гражданской, так и этнической идентичностей. В этническом срезе, для респондентов-саха наиболее значимой является региональная идентичность, потом – этническая и гражданская; для русских – гражданская, для КМНС – гражданская и северная идентичности.

В целом, несмотря на частое противопоставление этнического и гражданского в научной литературе и общественном дискурсе, в действительности этничность не оказывает серьезного влияния на отношение респондентов к идее формирования российской нации. Другими общностями, конкурирующими с гражданской, оказались якутяне как представители региона и северяне как жители особого геопространства. Следовательно, на формирование идентичностей влияют пространственные категории – административные границы региона, локальные границы районов и поселений.

Исследованием выявлена зависимость между этно-территориальной политикой государства, институциональной средой и проявлениями разноуровневой социальной идентичности. В качестве базовых основ гражданской идентичности выступают общая территория, государство. Этно-территориальная организация России оказывает влияние и на формирование этнической идентичности, связанной в сознании с определенными территориями. Земля, ее «наличие» у той или иной этнической общности выступает в качестве одного из наиболее значимых идентификационных факторов.

ГЛАВА 3.

«Мой дом, моя земля»: территории этнических групп

В условиях глобализации и усиливающейся территориальной мобильности людей можно поставить под сомнение целесообразность поиска связи между территорией и идентичностью.

Однако применительно к России следует отметить, что ее формирование, как одной из стран с наибольшей площадью, происходило в процессе имперской экспансии и колонизации обширных территорий Сибири и Севера – многочисленных ареалов расселения этнических сообществ, обладавших своими хозяйствами и культурами. При этом можно сказать, что до недавнего времени сохранялась их определенная территориальная обособленность внутри страны: большая часть представителей этих сообществ рождалась и умирала в границах собственных «этнических» территорий.

Нужно подчеркнуть, что коренные народы Якутии и сейчас отличаются довольно слабой территориальной мобильностью. К примеру, якуты, составляющие наиболее значительную часть населения Республики Саха, в территориальном отношении остаются компактной этнической группой. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из 478085 якутов, проживающих в России, 466492 чел. живут в пределах своей республики. Хотя пространственный опыт современного якута может быть достаточно широким, но место его постоянной жизни находится там же. Таким образом, место рождения оказывается и местом всей жизни человека, к которому он проявляет глубокую эмоциональную привязанность. Не удивительно, что связь с родной землей для 47,4% опрошенных в Якутии представляется существенной для их личного самоопределения.

Как написано ранее (гл. 1), в ходе исторического развития России в советский период сформировалась такая уникальная форма организации ее политического пространства, как «территориализация» этничности, основанная на принципе национального самоопределения. Определенные регионы страны были образованы как территории са-

моопределения отдельных этнических групп с их гарантированными законом языковыми и культурными правами. В результате «территориализация» этничности проявляется в восприятии отдельных российских регионов как территорий, «принадлежащих» тем или иным этническим группам, т. е. вопросы о территориях и этничности увязываются непосредственным образом.

Итак, для жителей Якутии характерным является наличие прямой связи между ответами на вопрос «кто мы» и «откуда мы». Следовательно, вполне правомерно задуматься о необходимости более глубокого исследования проблем, связанных с выражением принадлежности к определенным географическим местностям. Исследователи выделяют два типа такой принадлежности – пространственную идентичность и территориальную.

Территориальная идентичность основывается на свойствах физической территории, в рамках которой она формируется на индивидуальном уровне, и утверждается через социальную деятельность как коллективная. Напротив, пространственная идентичность вытекает не из свойств места, а из его положения в пространстве, из системы его связей относительно других объектов. Таким образом, она выражает появление устойчивых связей различного характера поверх свойств конкретного места и является проявлением социального пространства⁹⁹.

Интерес представляет вопрос о том, в какой мере значимы отдельные территориальные и пространственные идентичности для жителей определенного социогеографического пространства. Задаваясь данным вопросом, мы исходим из двух положений. Во-первых, из мысли, что на коллективном уровне всегда возникает понятие «территориальность», определяемое как система отношений, которые выстраивает социум с территорией: сложное переплетение индивидуальных жизненных пространств, территорий жизнедеятельности – и политико-административных территорий, границы которых всегда условны и часто изменчивы¹⁰⁰.

Во-вторых, из того, что одной из составных частей довольно широкой проблематики взаимодействия государства и населения является процесс соотнесения определенной территориально-политической структуры и этнических идентичностей населения. В этой связи важен вывод, сделанный Р. Брубейкером и Ф. Купером в работе «За пределами “идентичности”», о том, что «государственная власть располагает правом присваивать имя, квантифицировать, категоризировать, решать, что есть что и кто есть кто»¹⁰¹.

⁹⁹ Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – № 9 (1). – С. 18–25.

¹⁰⁰ Филитова Е. Территории идентичности в современной Франции. – М. 2010. – 300 с.

¹⁰¹ Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М., 2010. – С. 131–193.

В указанном контексте считаем необходимым рассмотреть эффекты политики идентичности, демонстрируемые через этнический срез исследования. В частности, в данной главе представлены результаты социологического анализа ответов на вопросы: а) какие территориальные идентичности актуальны для представителей разных этнических общностей; б) как связаны территориальные и пространственные идентичности; в) обязательно ли сопровождается территориальная идентичность чувством общности с людьми, проживающими в той же географической локации.

Для анализа были выбраны несколько территориально расширяющихся категорий (региональный, гражданский, макрорегиональный, мировой), совмещенные с данными о субъективном самоощущении людей о своей принадлежности к той или иной территории. Как можно заметить на рис. 3.1, наиболее значимой территориальной идентичностью для респондентов представляется идентичность на уровне государства. В высокой значимости российской идентичности заключено многое: от сакрализации огромного пространства России, которая стала национальной традицией в истории и экономической политике, до культурной гомогенизации населения страны в постсоветский период.

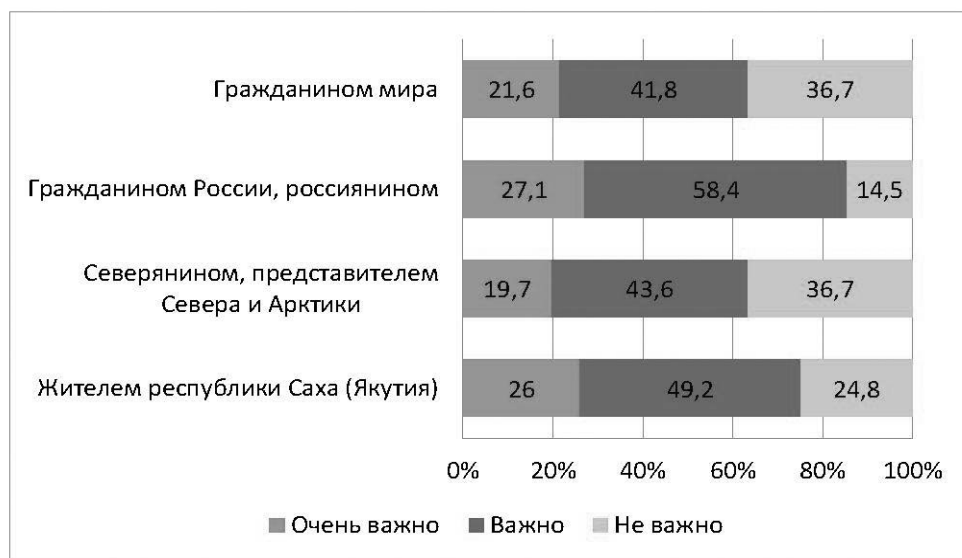

Рис. 3.1. Значимость территориальных идентичностей

Здесь также надо отметить, что государство, в силу монополизации возможности легитимного применения насилия и символической власти, является одним из важных субъектов формирования идентичностей, в том числе территориальных. Соответственно, более выражен-

ная лояльность людей именно этой идентичности показывает эффективность «политики принадлежности», проводимой государством.

Современная ситуация в других странах демонстрирует различные формы воздействия на идентичности своего населения, связанные с соперничеством образов государства в целом и отдельных его регионов. К примеру, Франция первоначально формировалась как конгломерат феодальных княжеств, которые уже с XVII в. начали терять свою автономию. К XIX в. Париж установил не только абсолютную политическую власть над всей территорией страны, но также идеологическое и культурное доминирование. В итоге французская конституция определяет французов как политическую нацию, без учета этнического происхождения своих граждан. Вместе с тем, такие представители национальных меньшинств, как бретонцы, корсиканцы, провансальцы или эльзасцы, отделяют свою этническую идентичность от французской, но это не позиция государства. Французское государство занимает жесткую позицию ко всем проявлениям автономизма, и в целом общественное мнение поддерживает позицию государства и относится к регионалистам с недоверием¹⁰².

В Великобритании Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия не рассматривались как этнические территории, за доминирующими группами которых признавались бы особые права. Наоборот, длительное время выстраивалась британская идентичность, строившаяся на оппозиции метрополии и колоний. Сегодня Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии переживает новую фазу самоопределения, что во многом связывается с наследием Британской Империи и политикой мультикультурализма, направленной на интеграцию иммигрантов в британское общество. По мнению экспертов, за последние полстолетия Великобритания прошла путь от «самой однородной из индустриально развитых стран» до общества «сверхмногообразия»¹⁰³. Об этом свидетельствует включение в опросный лист переписи населения, проведенной в 2011 г., пункта о «национальной идентичности», под которой «понимается не британская – гражданская идентичность, а принадлежность к одной из «внутренних наций»: Шотландии, Северной Ирландии, Англии или Уэльсу. Таким образом, серьезные изменения в составе британского населения в рамках мультикультурного проекта становятся причиной сдвигов в основах британской идентичности. За последние 10-15 лет общая британская идентичность, прежде главенствовавшая, отошла на второй план¹⁰⁴.

Как видим, современная социальная реальность в странах Европы демонстрирует, что действия государства играют большую роль в фор-

¹⁰² Филиппова Е. М.: 2010. Указ. соч. – С. 181.

¹⁰³ *Культурная сложность современных наций.* – М., 2016. – С. 24.

¹⁰⁴ Филиппова Е. Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. – 2014. – № 2. – С. 127-137.

мировании и реализации «политики принадлежности» – дискурсов и практик, устанавливающих и поддерживающих символические и материальные границы, которые соответствуют воображаемому географическому положению государства и пространствам, нормативно воплощающим государство.

В современной России в процессе реализации национальной политики государство не только наделяет разные общности, объединяемые теми или иными идентичностями, различными статусами (коренные и некоренные, малочисленные, титульные, государствообразующие и т. д.), но и определяет их место в социальном и физическом пространстве.

На основе этого положения была выдвинута гипотеза, предполагающая: во-первых, что категории этничности и территории связаны как между собой, так и с административной системой; во-вторых, что для людей, проживающих в одном социогеографическом пространстве, но разделяющих разные формы этнической идентификации, значимость имеют разные пространственные идентичности. Обозначенная гипотеза рассмотрена через принадлежность респондентов к тем или иным этническим категориям, имеющим разный статус в этнической классификации и проживающих в Саха (Якутии).

Далее обсудим вопросы, характерно ли для представителей различных этнических групп Якутии похожее отношение к тем или иным пространствам; как проявляется их соотношение у лиц, имеющих разный статус в государственной этнической номенклатуре.

Начать следует с предварительного замечания, что есть множество способов обозначения границ «своей территории»: от наиболее узких, таких как двери комнат, квартир домов, изгороди участков, до наиболее широких, таких как административные политические границы. Есть и разные способы преодоления границ и расширения «своего пространства». Среди наиболее эффективных на индивидуальном уровне – знания, талант, деньги¹⁰⁵. Для того, чтобы с легкостью менять места проживания и чувствовать себя комфортно при этом, надо обладать мощным культурным, социальным и финансовым капиталом¹⁰⁶. Однако как обстоят дела с ментальной стратегией освоения пространства?

Первое, на что мы хотели бы обратить внимание, – это отношение респондентов из числа коренных народов Севера к такой категории, как мировая идентичность. Почему они чувствуют себя гражданами мира в большей мере, чем остальные опрошенные (см. рис. 3.2). Представляется, что на это не в последнюю очередь повлиял глобальный рост значимости Арктики в мире, и они чувствуют свою принадлежность к арктическому макрорегиону, который объединяет множество стран и сообществ.

¹⁰⁵ Филиппова Е.И. М.: 2010. Указ. соч. – С.71/

¹⁰⁶ Филиппова Е.И. М.: 2010. Там же.

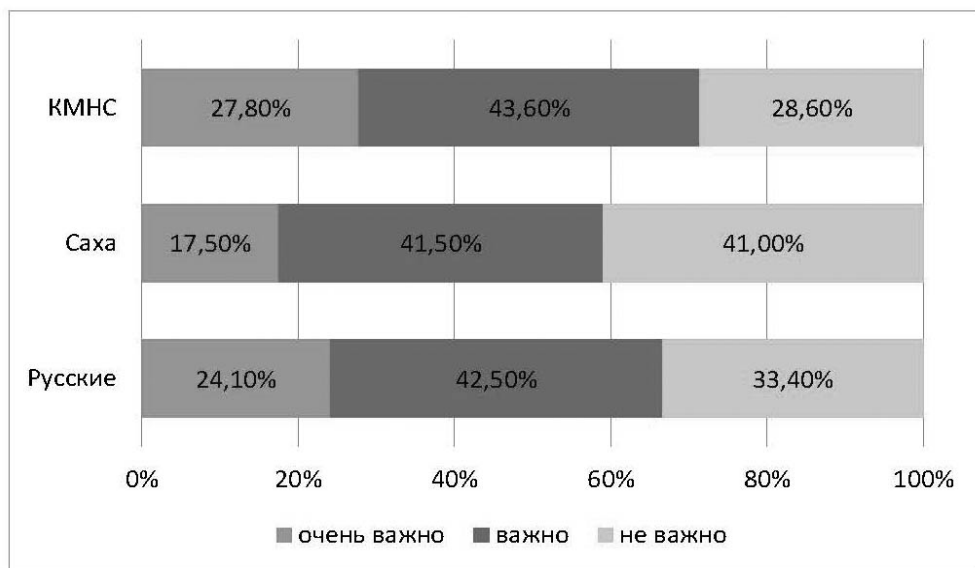

Рис.3.2. Значимость мировой идентичности

Напомню, что идея единого Арктического региона появилась еще в начале XX века. Известный исследователь-антрополог В. Стефансон впервые представил Арктику как единый регион, используя такое понятие, как «полярное Средиземноморье». С тех пор эта идея воплотилась во многих глобальных инициативах¹⁰⁷. Еще одним ее итогом можно считать и формирование особой арктической идентичности, с одной стороны – интернациональной, с другой – локальной.

Вероятно также, что значимость арктической идентичности для представителей коренных народов Севера отражает высокую оценку своей принадлежности не только к глобальной Арктике, но и к определенной территории Якутии, т. е. здесь речь идет и о локальной идентичности.

В этой связи хотелось бы затронуть тему «особой связи с землей» коренных народов, приведенной в Конвенции МОТ № 169. В частности, в ней указывается, что «...правительства учитывают особую важность для культуры и духовных ценностей соответствующих народов их связи с землями и территориями – или с тем и другим, в зависимости от обстоятельств, – которые они занимают или используют иным образом, и в особенности важность коллективных аспектов этой связи»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Бурнашева Д.В. Арктическая идентичность в контексте методологии конструктивизма // Theories and Problems of Political Studies. – 2017. – Vol. 6. P. 70–77.

¹⁰⁸ Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Заключена в г. Женеве 27.06.1989 URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=90

То есть утверждается тезис о том, что коренные народы не только проживают на определенных территориях, но и имеют с ними некую ментальную связь.

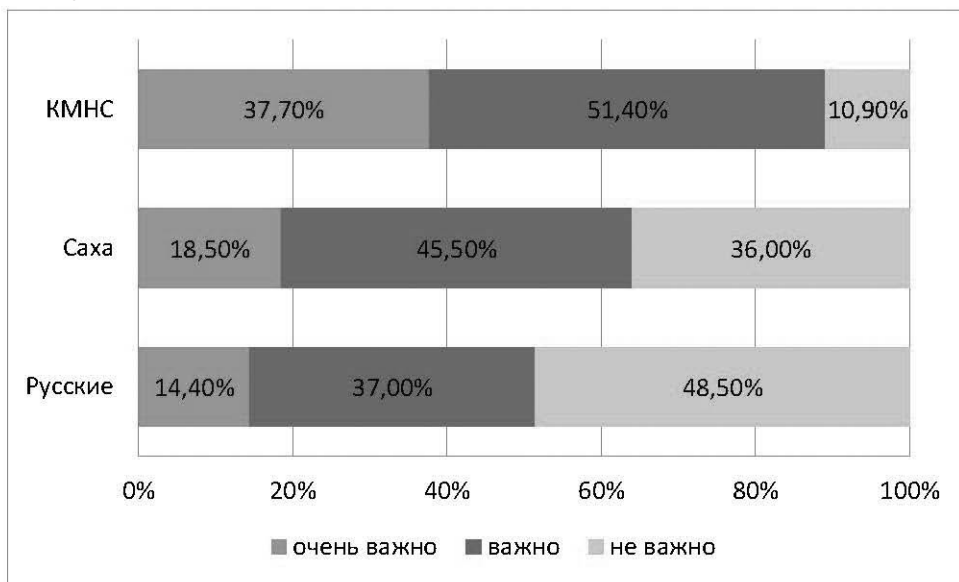

Рис. 3.3. Значимость арктической идентичности

В схожем ключе ведет исследовательскую работу британский антрополог Т. Ингольд. Он уверен в том, что привычная европейскому мышлению генеалогическая модель определения принадлежности к коренным народам подрывает их связь с землей, на которой они живут. Кроме того, генеалогическая модель фундаментально искажает те способы, которыми народы, определяемые как коренные, в действительности выстраивают свои идентичности, способность к познанию и среде, в которой они обитают¹⁰⁹.

Т. Ингольд предлагает альтернативный подход к определению принадлежности, который называет реляционным. Он считает, что генеалогическая модель с ее ветвящейся дендрограммой должна быть заменена на фигуру ризомы. Последняя представляется как плотный, спутанный пучок переплетенных нитей, любая точка в котором может быть соединена с любой другой. Здесь нет линий происхождения, связывающих последовательные «поколения» людей, все одновременно связаны друг с другом. Память, культура и язык не передаются как некая субстанция по линии родства, напротив, они идут из традиции проживания на земле. Сходство создает общая вовлеченность в процесс

¹⁰⁹ Ингольд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 76-101.

жизнеобеспечения. Таким образом, проживание на определенной земле не должно трактоваться как просто занятие места. В данной логике – быть размещенным в определенной среде и вовлеченным в вытекающие из этого обстоятельства отношения есть тождество самого существования. По всей видимости, позиция Т. Ингольда строится на подходе, основанном на уважении к выбору образа жизни. С этим принципом связан комплекс элементов, которые в совокупности можно обозначить как идеологию отказа от интеграции в доминирующее сообщество. К таким элементам могут быть отнесены:

- (а) тесная связь с территориями предков и расположенными на них природными ресурсами;
- (б) наличие традиционных социально-политических институтов;
- (в) экономические системы, в основном ориентированные на самообеспечение;
- (г) местный язык, часто отличающийся от основного языка страны; и
- (д) самоопределение и идентификация другими в качестве членов отдельной культурной группы¹¹⁰.

Вместе с тем в научном сообществе есть абсолютно противоположные взгляды на вопрос о наличии некой ментальной связи. В частности, один из основателей культурной географии американский исследователь Д. Харви утверждает, что все культуры строятся на непрерывном взаимодействии с природой, которое называется трудом. «Города возводятся из песка, леса, железа, камня, воды и прочих материалов, и потому они настолько же природны, насколько сельские идиллии культурны»¹¹¹. Сама идея, что место может обладать «памятью», неприемлема для Харви. Для него это образец неоправданной «фетишизации» объекта.

В целом необходимо отметить, что критика изоляционизма, в т. ч. представителями марксистской теоретической мысли, строится на том, что по большому счету нельзя какие-то группы человечества искусственно удерживать в состоянии, которое можно определить как «отсталость», изолируя их от достижений технического прогресса. Представители мир-системного анализа считают, что в этом кроются возможности для эксплуатации.

В свою очередь американский антрополог А. Аппандураи видит в придании мистических свойств связи коренных народов с землей, на которой они обитают, проявление колониальной идеологии центра в отношении окраин. В рамках этой идеологии одни люди рассматриваются в качестве «приписанных» к местам своего происхождения и жи-

¹¹⁰ Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур. Этнические категории и статистика. Дебаты в России и Франции. – М., 2008. – С. 58.

¹¹¹ Harvey D. Justice. Nature and Geography of Difference. – Oxford, 1996. – P. 186–188.

тельства «туземцев», а другие – как свободно перемещающиеся в пространстве представители метрополии. Особая, ментальная связь между этносом и территорией, природой складывается еще из не менее значимой составляющей – организации места обитания, досконального знания местности, ее ландшафтных, экологических и иных особенностей¹¹². Весь язык (экологических) ниш, собирательства, материальных умений, медленно эволюционировавших технологий в действительности является также языком заточения. Тем самым мыслительные операции туземцев также оказываются определенным образом привязанными к их нишам и их ситуациям: особенностям флоры, фауны, топологии, системы расселения и т. п.

Позиции Д. Харви и А. Аппандураи можно отнести к подходам, построенным на идеологии интеграции. В более ортодоксальных проявлениях она была характерна для политики Советского Союза в отношении коренных народов. Здесь распространенным было представление о том, что отсутствие «развитого взаимодействия с другими народами, т. е. относительно изолированное существование лишает общность возможности органично включать уже выработанный человечеством социальный опыт в содержание собственного развития и определяет задержку в их общественном прогрессе»¹¹³. В результате образ жизни коренных народов Севера изменился кардинальным образом в ходе социально-экономических трансформаций и проведения патерналистской политики. В массе своей они интегрированы в общественные отношения, и лишь малая часть занимается традиционными промыслами.

Материалы переписей населения России дают основания утверждать, что успехи советской интеграционистской политики были столь значительными, что в стране практически не осталось коренных народов в том смысле, который вкладывается в это понятие международным правом (в частности, Конвенцией МОТ № 169). В России есть лишь группы семей, семьи и отдельные люди, продолжающие заниматься тем, что именуется «традиционными промыслами», чей образ жизни этими формами хозяйства в основном определяется и чье выживание в значительной степени зависит именно от них¹¹⁴. И надо сказать, что не всегда эти люди относятся к категории коренных малочисленных народов Севера. В Якутии к ним можно отнести русских старожилов и северных якутов, которые федеральным центром не отнесены к особым группам, нуждающимся в поддержке их образа жизни.

¹¹² *Сподина В.И.* Ценностные характеристики «своей земли» в традиционной культуре коренных народов Югры как маркер этнической идентичности // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 328. – С. 77–80.

¹¹³ *Концепция* социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Материалы Всесоюз. конф. – Новосибирск, 1989. – 127 с.

¹¹⁴ *Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур.* Этнические категории и статистика. Дебаты в России и Франции. – М., 2008. – С. 65.

Если говорить конкретно о категории коренных малочисленных народов Севера, то следует отметить, что исследования психологов также позволяют говорить о том, что они довольно хорошо интегрированы в современное общество и лишь малая их часть сохраняет традиционное мышление. К таким выводам приводят результаты обследований представителей коренных малочисленных народов Севера, проведенные с применением теста культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л.Г. Почебут. Выяснилось, что три четверти обследованных лиц относятся к современному или динамично развивающемуся типу культуры и только 25% к традиционному¹¹⁵. Иными словами, сообщество коренных малочисленных народов дифференцировано.

По всей видимости, именно отсутствие учета гетерогенности этнической группы приводит к тому, что попытки поддержки и защиты их прав сталкиваются с проблемами. Дело в том, что сегодня значительная часть представителей коренных народов не связана непосредственно с присваивающей экономикой или традиционными промыслами. В то же время есть группы, сохраняющие традиционные занятия, что не позволяет говорить об общности их интересов в рамках даже одной этнической группы.

Тем не менее, в общественном дискурсе постоянно всплывает суждение о необходимости непосредственного общения с землей всех носителей этничности, особенно когда речь идет о жителях сельской местности. В нем кроется убеждение, что они будут этнически полноценными, только если будут поддерживаться крепкие и сочувственные отношения с миром природы. По всей видимости, данное обстоятельство проецируется в общественном мнении, в частности, в ответах наших респондентов о значимости для них арктической идентичности.

Отдельно стоит сказать о русском населении якутской Арктики. Арктическая идентичность оказалась характерна не только для коренных малочисленных народов Севера, но и для представителей такой группы населения Республики Саха (Якутия), как русские старожилы. К ним относятся в основном потомки приленских крестьян-ямщиков, обслуживавших Иркутско-Якутский почтовый тракт, служилых людей, а также северных промысловиков – русско-устыинцев, индигирщиков, походчан, колымчан и др., довольно однородных в этнографическом плане.

Они добились включения в качестве отдельной этнической группы в «Алфавитный перечень национальностей и языков в России», составленный Институтом этнологии и антропологии РАН им. М.М. Миклу-

¹¹⁵ Яницкий М.С. Особенности ценностных составляющих авто- и гетеростеротипов коренных народов Камчатки в зависимости от принадлежности к различным типам культуры // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 77–82.

хо-Маклая. По итогам ВПН-2002 они были представлены в «Перечне вариантов самоопределения национальностей России» в количестве: русскоустыинцы – 8 чел., индигирщики – 7 чел., походчане – 5 чел., колымчане – 46 чел., колымские – 15 чел.¹¹⁶

Русско-устыинцы и походчане – этнокультурные общности в составе населения Аллаиховского и Нижнеколымского улусов (районов), отнесенные в Якутии к коренным народам Севера, но не признанные на федеральном уровне как малочисленный народ Севера.¹¹⁷ Отметим, что в процессе адаптации к жизни в суровых условиях тундры и арктической пустыни Якутии они освоили это пространство территориально, хозяйственно и ментально. Наиболее яркий пример – русско-устыинцы, которые не только сохранили диалект древнерусского языка XVI века, но также создали собственную специфическую картину мира Арктики¹¹⁸.

Показательно, что современная мобилизация русского старожильческого населения Якутии также выстраивается на их специфической этно-территориальной идентичности, к примеру, сегодня автономно функционируют такие общественные организации, как «Потомки государевых ямщиков», «Русскоустыинцы» и др., что косвенно указывает на внутреннее этническое разделение.

Арктическая идентичность русского населения основана на концепции «чувства места» – привязанности к Арктике как к своей территориальной родине, с которой тесно связана судьба их предков и потомков¹¹⁹. Для них это также пространство «места памяти» (по П. Нора), окутанное многочисленными символическими образами и знаками, имеющими исторические корни. В частности, это запечатленные в на-

¹¹⁶ *Демоскоп Weekly*. Перечень вариантов самоопределения национальностей в переписи 2002 года // http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/alfavit_nac2002.html.

¹¹⁷ Закон РС(Я) «О распространении положений Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ на русских арктических старожилых Якутии (походчан и русскоустыинцев)» от 15 апреля 2004 г. 133-З № 269-III // Якутия. – 2004. – 12 мая.

¹¹⁸ *Лебедева Ж.К., Чарина О.И., Строгова Е.А.* Русские на историческом перекрестке культур: этнография и фольклор русских Северо-Востока Азии (Якутия, Чукотка) и Тихоокеанского региона (Камчатка) // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и русской Америки (XVII–XX вв.). – Якутск, 2004. – С. 238–248; Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. – М., 2004. – 400 с.; Башкиров М.Б. Геокультурный образ села Русское Устье: трансформация репрезентации и интерпретации // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М., 2017. – С. 418–433.

¹¹⁹ *Замятин Д.Н.* Геокультура и геокультурное пространство: ключевые положения и интерпретации // Культура Арктики. – Якутск, 2014. – С. 29–57.

званиях северных и арктических морей, проливов, островов, горных вершин и населенных пунктов имена первых русских землепроходцев и полярных исследователей: Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, братьев Дмитрия и Харитона Лаптевых, Василия Прончищева, Ивана Ляхова, Ивана Черского, Владимира Атласова, Якова Санникова и др. В этих географических образах воплотилась историческая память об освоении русскими огромных пространств Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки, в результате которого Россия приобрела Дальний Восток, Камчатку, Сахалин, Чукотку, Русскую Аляску и стала крупнейшей мультиэтнической евразийской державой¹²⁰. Безусловно, коллективная память и чувство «сопричастности» к эпохальным событиям отечественной истории являются одними из базовых в формировании арктической самоидентификации русских Якутии.

Вместе с тем, в арктической идентичности русского населения республики можно выделить 2 вида, связанных с разными стратегиями освоения Севера и Арктики и, соответственно, с существующими различиями в их воображении и включенности в арктическое пространство: а) русских старожилов, идентичность которых формировалась в ходе длительной адаптации и тесного взаимодействия с окружающей средой и разнообразными ландшафтами, сопровождавшегося созданием специфических хозяйственных практик и духовного мира; их идентичность и культура являются составной частью сообщества северян в широком смысле; б) русского населения промышленных поселений, возникших в процессе индустриализации Якутии в советский период; их идентичность формировалась в урбанистической среде и больше ассоциируется с локальным местом проживания, нежели непосредственно с самим пространством.

Интересно то, что якуты (саха), также сложившиеся как этническая группа на территории Якутии, в меньшей мере оказываются под влиянием арктического дискурса. Выяснилось, что респонденты-саха, проживающие в северных и арктических районах республики, как и опрошенные из числа коренных малочисленных народов Севера, в большей мере отождествляют себя с территорией региона, нежели русские (см. рис. 3.4).

Высокая значимость региональной идентичности, конкуренция идентичностей чаще всего иллюстрируются на примере электоральных практик. Главным образом, это более высокая явка на выборы федерального уровня (выборы президента России, депутатов в Совет Федерации и Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации) и более низкая явка на выборы регионального уровня (выборы президента/главы Якутии, депутатов Государственного Собра-

¹²⁰ *Игнатьева В.Б.* Республика Саха (Якутия): культурное многообразие и этническая политика // *Этнопопарама.* – 2013. – № 1(2). – С. 55–61.

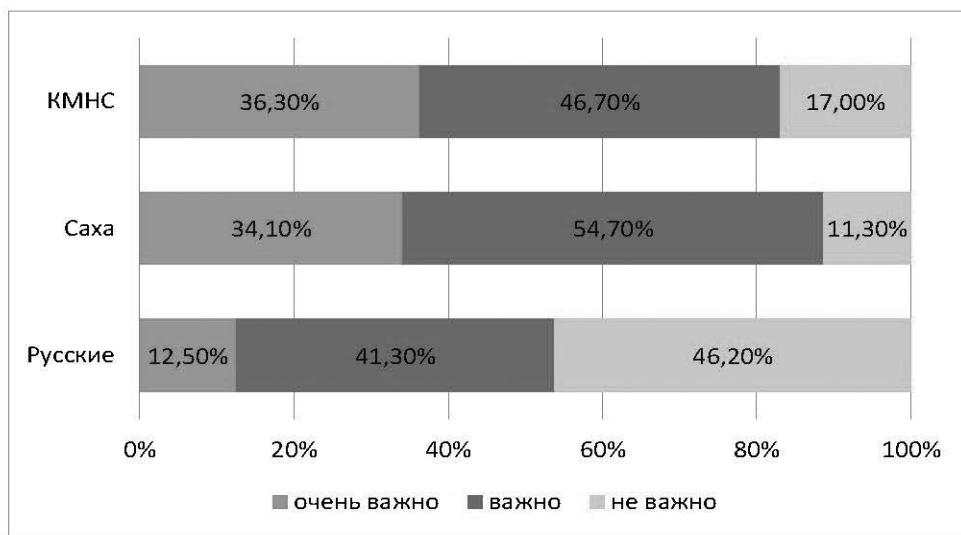

Рис.3.4. Значимость региональной идентичности

ния (Ил Тумэн) Республики Саха) русскоязычных избирателей, проживающих в основном в промышленных районах республики. В литературе отмечается, что такое электоральное поведение тесно связывается с имеющейся дифференциацией в уровне доверия (лояльности) русскоязычного и коренного населения Якутии к федеральной, региональной и местной власти. Так, по итогам этносоциологических исследований, саха (якуты) больше представлены в группе наиболее критично настроенных к федеральной власти респондентов, а русские – в группе опрошенных, имеющих наибольшие претензии к республиканской власти¹²¹.

Наиболее отчетливо конфликтные аспекты идентичностей проявились во время президентских выборов 2001-2002 гг., когда произошел очевидный раскол голосов избирателей Якутии по этническому принципу: русский кандидат получил преимущественную поддержку в промышленных районах и, соответственно, кандидат-саха – в сельскохозяйственных улусах республики. Этнизация электоральных предпочтений была спровоцирована беспрецедентным вмешательством ЦИК РФ, федеральных судов и прокуратуры в ход предвыборной кампании, стремлением центральных СМИ девальвировать авторитет региональной власти и личный авторитет первого президента Якутии М.Е. Николаева. Известный российский политолог Э. Паин по этому поводу заметил, что «...экстраординарное вмешательство Кремля в президентские

¹²¹ Опыт и практика демократических выборов в Республике Саха (Якутия). 1990–2002 гг. – Якутск, 2003. – 324 с.

выборы в Якутии в начале 2002 г. не прошло незамеченным и оставило свой негативный след в сознании якутов»¹²².

Высокая ценность региональной идентичности главным образом связывается с культурным присвоением географических мест и границ родины. Так, освоенное пространство в якутском языке представлено словами или комбинациями слов, транслирующих такие понятия, как «земля», «мир», «часть света», «страна», «территория», «местность», «родина» и т. д. Населенный людьми мир обозначается как «дойду» или словосочетаниями «орто дойду» – срединный мир, «сир-дойду» – земля, страна. Они являются неотъемлемым элементом самопрезентации якутов (саха): «орто дойду дьоно», что в широком значении означает «народ саха», в узком – жители речных долин, центральных районов Якутии. Среди терминов, репрезентирующих образ родины/родной земли, наиболее распространенными являются словосочетания: «ий-э-дойду» – мать-земля, Саха сирэ – земля саха, «төрөөбүт дойду» – страна/место рождения¹²³.

Следует сказать, что в языковой картине мира современных якутов (саха) произошел существенный сдвиг в представлениях о границах родной земли, которая сегодня чаще ассоциируется с территорией существующих административных улусов (районов), а также Республики Саха в целом.

Применительно к обсуждаемой теме надо также отметить, что в России нередки случаи, когда доминирующая этническая группа, давшая название региону, заявляет о своих исключительных правах на территорию. В Якутии это отчасти выразилось в определении групп, имеющих право называться коренными на территории республики.

В 2016 г. Конституционный суд РС(Я) принял постановление, провозглашающее всю территорию Якутии родной землей и исторической родиной якутского народа, источником его экономического благополучия, уникальной культурной и языковой идентичности. Данное постановление было сделано в результате рассмотрения запроса народного депутата республиканского парламента Ил Тумэн М. Габышева о внесении определенности в формулировку понятия «коренной народ», закрепленного в Конституции Якутии, гарантировавшей его права, но без указания, кто именно является коренным народом.

Данное постановление вызвало довольно бурную реакцию как в якутском, так и в российском обществе. В частности, за ним последовали обвинения в скрытом сепаратизме, а также призывы националистов

¹²² Паин Э. Новые административные реформы их влияние на этнополитические процессы в России // Казанский федералист. – Казань, 2002. – № 3, лето. – С. 72.

¹²³ Романова Е.Н., Игнатъева В.Б., Дьяконов В.М. Степная Арктика: «помнящая культура» номадов Севера // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М., 2017. – С. 305–306.

объявить территорию России родной землей и исторической родиной русского народа¹²⁴. Некоторые посчитали, что в данном конституционном определении кроются опасные юридические казусы, которые грозят созданием в многонациональной Якутии этнократического режима¹²⁵.

В этой связи отметим, что с понятием «коренной» в русском языке возникают определенные смысловые коллизии. В советское время официальная позиция власти была такова, что использование термина «коренные народы» считалось неуместным в отношении народов СССР, поскольку не признавался колониальный характер формирования государства. В стране активно осуществлялась интеграционная политика. В постсоветские годы появилось эклектичное понятие «коренные малочисленные народы». Конкретный термин «коренные народы» остался предметом международного права¹²⁶.

По словам заместителя председателя Конституционного суда РС(Я) Ю. Бацева, постановление по существу свелось к «разъяснению исторически сложившегося статуса якутов как коренного народа, проживающего на данной территории»¹²⁷. По мнению М. Христофоровой, генерального директора ООО «Медиагруппа «Ситим»», необходимость в данном постановлении была продиктована отсутствием возможности учитывать права якутов, занимающихся традиционными промыслами (табунное коневодство) в условиях промышленного освоения республики, а также прав якутского населения при активизации миграции в рамках реализации «Закона о Дальневосточном гектаре»¹²⁸.

Как нам кажется, данная позиция определена незащищенностью населения страны в целом от экономической деятельности промышленных компаний и властных структур: начиная от права на частную собственность и заканчивая правом на благоприятную окружающую среду. Современная Россия, к сожалению, дает множество примеров нарушения прав граждан, это – принудительное переселение при реновации в г. Москве; организация мусорных полигонов вблизи населенных

¹²⁴ *Святенков П.* Государь, сделайте меня якутом! // Вопросы национализма. – 2016. – № 4. (28). – С. 6–7.

¹²⁵ В Якутии будут считать коренными только якутов // Информ Полис online [Электронное издание] URL: <https://www.infpol.ru/119823-yakutiya-dlya-yakutov-russkie-i-chukchi-nekorennyye-narody/>

¹²⁶ *Конвенция № 169* Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Заключена в г. Женеве 27.06.1989 URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=90

¹²⁷ *Артюков О.* Республика есть, а статуса нет: зачем Якутии «коренной народ» // Правда.Ру [электронное издание] URL: <https://www.pravda.ru/politics/1316877-korennoy/>

¹²⁸ *Артюков О.* Там же.

пунктов в Архангельской области; снос официально оформленных в частную собственность домов в пригороде г. Якутска по причине того, что они находятся на охранной зоне магистрального газопровода. Таким образом, в процессах этнизации территории проявляются попытки найти возможность если не остановить воздействие/минимизировать действия экономических и властных субъектов, то хотя бы компенсировать ущерб от него. Представляется, однако, что это ошибочный путь и даже символическое присвоение статуса коренного народа якутам вряд ли отразится на жизни конкретных людей.

Кроме того, дискурс символического присвоения земли наиболее ярко выражен в общественно значимых темах, связанных с наплывом мигрантов. В качестве примера можно привести речь главы Якутии А.С. Николаева на антимигрантском митинге, прошедшем в марте 2019 г. В тексте приведен перевод на русский язык, опубликованный в СМИ:

«То, что случилось, нас всех взволновало. Мы, якуты, гостеприимные, мы всегда гостей привечаем. А если кто-то не будет с нами считаться, тот будет против нас, станет нашим врагом. Такого рода инцидента не должно быть. Мы на своей земле. И недопустимо, чтобы человек, который прибыл сюда несколькими месяцами ранее, вытворял подобное. Сюда я подошел с опозданием, потому как провел совещание с руководителями УФСБ, МВД, новым прокурором. Поручил в ближайшее время всех мигрантов проверить, тех, кто нарушает закон, депортировать, закрыть предприятия, нарушающие закон. Надеюсь, что вы поддержите. Они должны платить налоги, работать по закону и соблюдать порядок. Во-вторых, мы, местные жители, иногда сами ошибаемся. Покупаем у них дешевые фрукты. Ездим на их такси. Почему не спрашиваем, есть ли у них регистрация, платят ли они налоги? Трудоустраиваем их, потому что им можно меньше платить. Мы должны сплотиться: городская, республиканская власти, местное население. Только тогда мы на своей земле будем хозяевами. Только тогда нас будут уважать. По-моему, это решаемый вопрос. Мы, якуты, освоили эту огромную землю, бок о бок жили с русским народом. И дальше будем так жить. Но нами извне другие народы не должны командовать»¹²⁹.

Не претендуя на исчерпывающий анализ данного выступления, в особенности с культурологической, этнографической точки зрения, отметим отдельные его характеристики. Так, на наш взгляд, текст показывает, что Глава республики сначала определяет аудиторию и дает ей характеристику – «мы гостеприимные». Взаимоотношения местного населения и мигрантов он раскрывает через метафору отношений хозяина и гостя. Надо отметить, что это довольно распространенное дихотомическое сравнение и в русском дискурсе по проблемам межнационального взаимодействия. Считается, что оно относится к конфронтацион-

¹²⁹ *Ил Дархан* и мэр Якутска выступили перед разгневанными жителями Якутии // ООО «Интернет Медиа Сервис» URL: <https://news.ykt.ru/article/84479>

Рис. 3.5. Участники митинга против мигрантов в г. Якутске (март, 2019). Фото В. Скрыбина (ТАСС).

ной стратегии¹³⁰. Обозначается хозяин территории – народ саха, соответственно мигранты исполняют роль гостя. Подразумевается, что народу саха принадлежат права хозяина, следовательно, те, кто приехал, одинаковых прав с последним иметь не могут. Подтверждение этому видим непосредственно в тексте: «И недопустимо, чтобы человек, который прибыл сюда несколькими месяцами ранее, вытворял подобное».

Гость может пользоваться лишь гостеприимством в тех границах, которые обозначит хозяин. В то же время, глава взывает к традиционным культурным нормам, сформированным спецификой освоенного саха (якутами) пространства и его природно-климатическими условиями – взаимовыручке, поддержке, гостеприимству, важным для выживания на Севере.

Исследователями отмечается, что «общая территория» в национальных регионах чаще выступает в качестве этнического, а не гражданско-государственного идентификатора¹³¹. Так, в схожем ключе, на том же митинге, выступила мэр г. Якутска С.В. Авксентьева.

«Я, как женщина, восприняла произошедшее тяжело. Мы долго терпели, и вот сегодня всякое терпение иссякло. Объединившись, нам нужно навести

¹³⁰ Дулесов Е.П. «Народ свой отчий строил дом, /слагал Руси державной зданье»: метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX века. // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 273–279.

¹³¹ Арутюнова Е.М. Указ. соч. – С. 259–272.

порядок, показать, кто на нашей родине, в нашем городе настоящий хозяин. Мы, как умный, образованный и сплоченный народ, должны в соответствии с принятыми законами организовать правильное движение. Без подстрекательства друг друга на противоправные действия, уважая и поддерживая друг друга. Вы слышали, сегодня утром на городской планерке я заявила, что мы должны начать борьбу с нелегальным бизнесом. Надо призвать к ответственности тех, кто не хочет вести честный бизнес, платить налоги, кто занимает наши рабочие места. Вместе с координационным советом по предпринимательству, на котором будет принят план по проверке торговых точек, заведений общепита, водителей такси и маршрутных автобусов. Но хочу подчеркнуть, что все должно быть в рамках закона. Как глава города, как старшая и младшая сестра многим из вас, здесь собравшихся, прошу вас не поддаваться на провокации. Многие, наверняка, помнят, чем обернулись события 1986 года, когда многие молодые люди попали в плохую историю. Такое не должно повториться. Но и громко заявить о себе надо обязательно, равно как и быть услышанным. Вы это сейчас, дорогие горожане и жители близлежащих улусов, доказываете. Я вас призываю помочь мне. Особенно молодежь. Нам нужно действовать сообща. Малейшая наша ошибка может привести к печальным последствиям, поэтому давайте сохраним нашу молодежь, наших мужчин. Давайте быть все вместе»¹³².

В выступлении мэра г. Якутска затронута метафора семейных отношений для обозначения близкой дистанции с собравшимися и мобилизации для действий обозначенных властью. Обращение к метафорам обусловлено не просто потребностью сделать речь более яркой, дело в том, что понятийная система, в которой люди думают и действуют, по сути метафорична. Понятия и концепты, которые управляют нашим мышлением, структурируют наши ощущения, поведение, отношение к другим людям¹³³. Поэтому, как нам кажется, в тот момент власти республики должны были высказать и определенную позицию в контексте идеи принадлежности земли этнической общности саха, поскольку она глубоко укоренена в общественном сознании, и тем самым снять напряженность, дав понять участникам митинга, что их проблемы разделяются властью. В ином случае имелся риск эскалации конфликта и передачи верховенства над ситуацией группам, заинтересованным в его разрастании.

Тем не менее, символическое присвоение земли сопровождалось также призывами сохранять ситуацию в рамках правового поля. Однако часть аудитории, к которой были обращены речи, все-таки восприняла слова представителей власти как оправдание антимигрантских настроений и выражение одобрения в отношении дальнейших дей-

¹³² *Ил Дархан* и мэр Якутска выступили перед разгневанными жителями Якутии // ООО «Интернет Медиа Сервис» URL: <https://news.ykt.ru/article/84479>

¹³³ *Лакофф Дж. Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25

ствий против мигрантов. Это проявилось в одиночных актах насилия, причем жертвами стали случайные люди, квалифицируемые в качестве объекта для нападков на основании их «этнической» принадлежности¹³⁴.

В России в силу особенностей ее этнического развития, групповые требования в различных конфликтных ситуациях часто выражаются в этнической форме. При этом самопровозглашенные лидеры считают себя уполномоченными выступать от имени этнических групп с нечеткими границами и неявным членством, и тем не менее именно они зачастую становятся единственными переговорщиками с властью. Например, после указанного митинга в г. Якутске переговоры вели руководители национально-культурных объединений и национальных диаспор Якутии, а народ саха был представлен общественным движением «Ус түмсүү» в лице его лидера И. Макарова, хотя сложно сказать, в какой мере идеи этой организации отражают интересы якутского населения в целом. Существующие в обществе этнические противоречия и разногласия не всегда предполагают их фундаментальную тождественность «этническим группам в ситуации конфликта»¹³⁵.

Таким образом, символическое присвоение территории сказывается непосредственным образом на жизни населения. В нем необходимо видеть не только последствия советской национальной политики, но и попытки поиска защиты интересов людей в рамках современной политической и экономической ситуации в Якутии и России в целом. В то же время они формируют ситуацию потенциального конфликта интересов, поскольку для 46,2% русских респондентов региональная идентичность не имеет большой значимости (см. рис. 3.4). Это говорит о том, что на уровне республики мало оснований для интеграции по территориальному принципу. Вероятно, это связано с тем, что продуцируемые сегодня культурные бренды и образы территории Якутии направлены, прежде всего, на актуализацию этнической идентичности.

Территория России, населенная группой людей, образующих нацию в современном понимании этого слова, и зачастую характеризующаяся различиями в ландшафте и климате, была практически незнакома обычному человеку, ее узнавали только благодаря рассказам путешественников, но до эпохи национализма путешествия были доступны только очень малой части населения¹³⁶.

В настоящее время ситуация изменилась, но протяженность и непрерывность своей территории определяется не только пространственными перемещениями, но также плотностью и интенсивностью

¹³⁴ «Чтобы уезжал отсюда!»: в Якутске задержали мужчину, который вел мигранта под дулом пистолета. Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online» URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/417580>

¹³⁵ Брубейкер Р. Этничность без групп. – М., 2012. – 408 с.

¹³⁶ Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М., 2010. – С. 27–62.

социальных сетей и связей индивида. Если эти связи множественны, разнообразны и личностно-аффективны, то своя территория включает все пространство, покрытое данной сетью, и постепенно распространяется вширь по мере ее разветвления. Если исходить из того, что Россия состоит из разных, партикулярных политических, экономических, культурных сетей, то результаты нашего исследования демонстрируют высокую значимость российской идентичности для представителей всех этнических групп, участвовавших в опросе (см. рис. 3.6).

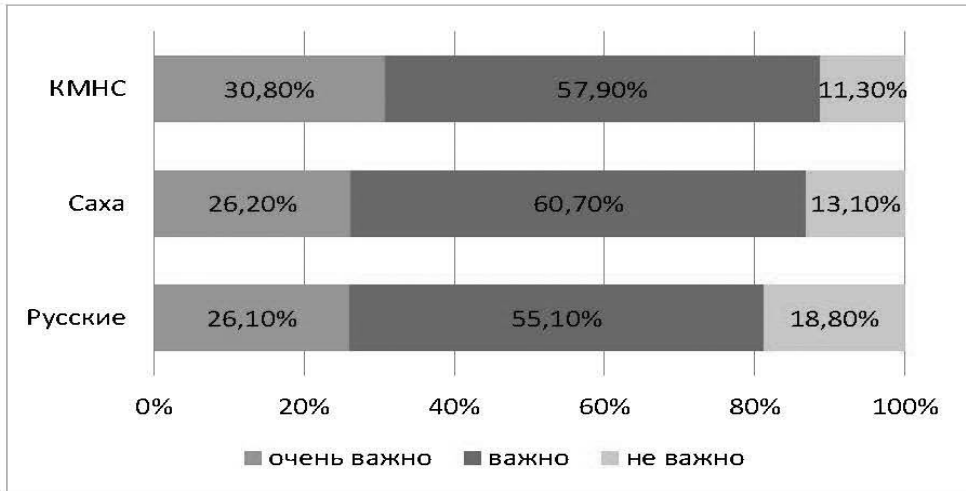

Рис. 3.6. Значимость российской идентичности в этническом срезе

Представление о том, как сегодня идет процесс формирования гражданской идентичности и российской нации, дает динамика субъективных оценок людей о близости к своей стране и чувств, которые при этом они испытывают. Еще недавно массовые опросы в России показывали, что для заметной части населения были характерны оценки, демонстрирующие отчуждение от государства, гражданами которого они являются. Так, по итогам социологического исследования «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (2007) среди опрошенного в Якутии населения, на сильную привязанность к России указывали 23,5% респондентов; 20,4%, напротив, сообщили об отсутствии у них чувства принадлежности к ней, а 40% – признались в том, что такое чувство возникает у них лишь в некоторых ситуациях¹³⁷.

Таким образом, наше исследование показывает позитивную картину восприятия российской идентичности населением Якутии, что мо-

¹³⁷ *Игнатьева В.Б.* Этнокультурная ситуация в г. Якутске // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. – М., 2008. – 308 с. – С. 231–251.

жет быть связано и с проведением государственной национальной политики Республики Саха (Якутия). Последняя основана на традиции толерантности и уважения к представителям другой культуры как важном факторе выживания на Севере, а также идеологии «*общего дома*» и согражданственности («*мы – россияне*»), общем историческом прошлом и коллективной памяти, системе базовых ценностей и символов¹³⁸.

Несмотря на то, что сама территория России продуцирует ценность российской идентичности для своих граждан, внутри страны выделяются разные географические локации этнических категорий, за которыми закреплены освоенные ими пространства. На протяжении имперского и советского периодов истории России формировалось представление о реальности этносов и координатах их размещения, которое имеет как свои минусы, так и плюсы. К последним можно отнести компактное расселение, что позволяет сохранить язык и культурное наследие этнических групп.

Таким образом, территория и этничность глубоко сплетены в сознании многих людей. Дополнительные стимулы к их актуализации видятся в незащищенности населения России в различных сферах жизнедеятельности общества, прежде всего, в вопросах сохранения земли, ее потенциала и ресурсов – главного источника его благосостояния.

¹³⁸ *Маклашова Е.Г.* Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе. – Якутск, 2018. – 226 с.

ГЛАВА 4.

Якутское общество в контексте проблемы интеграции мигрантов

Для современной России актуальными являются вызовы, складывающиеся под воздействием демографических процессов, это – малонаселенность отдельных территорий, старение населения, низкая рождаемость и высокая смертность. В литературе отмечается, что меры их преодоления должны быть комплексными, затрагивающими самые разные сферы жизнедеятельности общества, но наиболее широкие возможности видятся в сфере миграционной политики. Подчеркивается, что Россия объективно нуждается в мигрантах¹³⁹.

С учетом высокой значимости миграции интерес исследователей обращен на проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество, которую зачастую рассматривают как односторонний процесс и дело самих переселяющихся. Тем не менее, представляется, что необходимо обратить внимание и на адаптивную способность принимающего населения, поскольку низкая миграционная привлекательность связывается с высоким уровнем антимигрантских настроений в обществе. Многое в процессах интеграции зависит от уровня социальной депривации мигрантов. По мнению зарубежных ученых, отношение к мигрантам сказывается не только на размере их доходов, но и на качестве их жизни¹⁴⁰. В этой связи возникает вопрос: какие характеристики современного общества оказывают качественное влияние на формирование преимущественно негативных аттитудов и тем самым определяют «интеграционную емкость» принимающего общества.

Обычно указанная проблематика рассматривается в свете культурных различий, но мы, прежде всего, обратимся к такому аспекту формирования антимигрантских настроений, как социально-экономический статус представителя принимающего сообщества и его отношение к мигрантам. Начнем с того, что вопросы влияния социально-эконо-

¹³⁹ *Демографические вызовы России* Экспертно-аналитический доклад Центра стратегических разработок. – М., 2017. – С. 70.

¹⁴⁰ *Waisman G., Larsen B. (2016) Income, amenities and negative attitudes //Journal of Migration. <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-016-0056-0> просмотрено 21.10.2018*

мического положения человека на формирование его взглядов рассматривались, главным образом, в рамках марксистской идеологии и теории борьбы классов. Согласно данной методологии, за любым этническим конфликтом стоят интересы социальных классов. При растущем неравенстве и сопряженном с ним ухудшении социально-экономического положения отдельных групп населения происходит не только снижение интеграционных возможностей общества, но также и трансформация социальной напряженности в этническую. Существуют различные мнения по этому вопросу.

К примеру, И. Валлерстайн и Э. Балибар считают, что ксенофобия является проявлением неорасизма, направленного на рабочий класс, иными словами, происходит своего рода расизация социальных групп. Анти-иммигрантские настроения, прежде всего, максимально реализуют отождествление этнического происхождения (соотносимого с культурой) и социально-экономического положения. Исследователи заявляют о том, что расизм в отношении мигрантов является выражением, механизмом и последствием географического закрепления разделения труда на центр и периферию, а современные потоки миграции сложились под влиянием прошлых взаимодействий стран в рамках колониальной системы¹⁴¹.

В целом этот подход кажется обоснованным, учитывая то, что так называемые культурные различия между мигрантами и людьми из принимающего сообщества зачастую являются скорее дистанцией между людьми с разным уровнем образования и профессиональной компетенции и, в конечном счете, с разным уровнем благосостояния. В контексте данной идеи проблемы культурной дистанции между местными и приезжими должны концентрироваться между состоятельным местным населением и бедными приезжими. Представляется, что это актуально для стран Европы.

По результатам современных европейских исследований, ключевыми предикторами анти-иммиграционных отношений являются региональное и национальное межличностное доверие, уровень образования, прямые иностранные инвестиции и политические переменные¹⁴². В свою очередь негативное отношение к мигрантам зависит от того, какова профессиональная квалификация последних и благосостояние страны их исхода. Кроме того, указывают на то, что высокая профессиональная квалификация нивелирует фактор происхождения¹⁴³.

¹⁴¹ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М., 2004. – С. 240.

¹⁴² Rustenbach E. Sources of Negative Attitudes toward Immigrants in Europe: A Multi-Level Analysis // The International Migration Review. – 2010. – Vol. 44. – № 1. – Pp. 53–77.

¹⁴³ Ford R. Three things I have learned about immigration attitudes // Attitudes towards immigration in Europe: myths and realities. European social survey (2017) https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/IE_Handout_FINAL.pdf

Г. Стендинг сообщает, что демонизация мигрантов стала частью популистской реакции на незащищенность в процессе роста глобального класса – прекариата. Политика государств приводит к тому, что мигранты вынуждены соглашаться на нелегальную работу и заработок без каких-либо социальных гарантий, тем самым пополняя ряды прекариата и подрывая переговорные возможности молодых местных работников¹⁴⁴. При этом именно мигрантов, а не политику гибкости трудовых ресурсов и сокращения социального обеспечения принято винить в бедственном положении местных рабочих.

Отечественные ученые считают, что формирование нового класса активно идет и в России¹⁴⁵. В связи с чем можно предположить и обострение отношений между местными и приезжими.

Россия, несмотря на вовлеченность в глобальные экономические процессы, демонстрирует некоторые особенности, сложившиеся в ходе формирования этнической структуры страны. Актуализация этнических идентичностей, обусловленная национальной политикой государства, приводит к высокой значимости дискурсов, акцентирующих внимание на этнических различиях, а не на социальном неравенстве в обществе. По всей видимости, в условиях неолиберальной политики государства и экономической стагнации страны эти дискурсы призваны частично снижать социальную напряженность за счет роста этнической.

Неравенство оказывается увязанным с межэтническим взаимодействием и иным образом. По данным М.Ф. Черныша, оно оказывается негативным фактором, влияющим на установки общественного сознания, в том случае, когда его характер представляется большинству населения неоправданным, а масштабы – превосходящими допустимые с точки зрения справедливости. Возникающая напряженность формирует протестные установки, которые, соединяясь с представлениями о «чужаках», приводят к формированию этнических конфликтов¹⁴⁶.

Таким образом, предиктором межэтнических конфликтов является не только видимое для людей социально-экономическое неравенство, но и неравенство в распределении властного ресурса, а также в возможности влиять на ситуацию.

Корреляцию между межэтнической напряженностью и незащищенностью населения перед властными структурами зафиксировали и результаты опроса «Левада-центра». Они выявили следующую зависи-

¹⁴⁴ Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М., 2014. – С. 176.

¹⁴⁵ Шкаратан О.И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. 2015, Тощенко Ж.Т. Прекариат теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 99–110.

¹⁴⁶ Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования [электронное издание]. – М., 2016. – С. 34.

мость: обращение коллективного гнева на приезжих тем сильнее, чем слабее чувствуют себя горожане перед лицом своей собственной бюрократии, ее произвола. Социолог А. Левинсон отмечает: «Недовольство “мигалками” и недовольство “приезжими” не случайное совпадение, между ними незримая, но прочная связь... Наши исследования показали, как только возникла надежда, что общество сможет обуздать произвол бюрократии, как только стал виден ее испуг, претензии к приезжим отошли на четвертый-пятый план»¹⁴⁷.

Таким образом, в современных исследованиях подчеркивается наличие связи между социально-экономическим статусом человека, демонстрирующим его размещение в иерархически организованном социальном пространстве, и формированием его антимигрантских и ксенофобских взглядов. Однако их следует рассматривать в контексте политики государства, влияния дискурсов и иных факторов. Также отмечается, что важны не только объективно измеряемые показатели социально-экономического благополучия, но и субъективные оценки состояния и динамики материального положения, влияющих на отношение населения к мигрантам.

Следует отметить, что одной из особенностей расселения населения России является слабая заселенность ее восточных территорий. Начиная с имперского периода не раз возникали проекты решения этой проблемы. Так, на протяжении XIX в. шел регулируемый поток переселенцев в северо-восточную часть страны. В постсоветский период начался обратный процесс – исход населения с северо-востока в юго-западном направлении. При этом наблюдается почти полное совпадение вектора внутренней и внешней миграции: на Москву и Санкт-Петербург (вместе с областями) приходится 80% иммиграционного притока¹⁴⁸.

В результате демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока оказывается явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры¹⁴⁹. Кроме того, многолетняя динамика убыли населения восточных территорий страны, в сочетании с его низкой плотностью, на фоне стремительно растущего населения зарубежной Азии порождает ряд вопросов к возможности удержания занимаемого геополитического пространства.

Одной из наиболее малонаселенных территорий страны является Республика Саха, где плотность населения составляет всего 0,3 чел. на км², тогда как среднероссийский показатель – 8,4 чел. на км². К сегод-

¹⁴⁷ Левинсон. А. Откуда гнев на приезжих // Левада-центр. 2012. 25 июня [<http://www.levada.ru/25-07-2012/otkudagnev-na-priezzhikh>].

¹⁴⁸ Малахов В.С., Симон М.Е., 2017. – С. 22.

¹⁴⁹ Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Щербакова Е.М. Демографические вызовы России. Часть первая – население и пространство <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php> просмотрено 10.12.2018

няшним задачам развития человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе российская власть относит переселение 853,750 тыс. чел.¹⁵⁰ Считается, что на фоне непрекращающегося оттока населения именно на Дальнем Востоке иностранная рабочая сила должна стать постоянным и неотъемлемым элементом экономики.

Как известно, миграция и раньше оказывала влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Якутии. Наибольший прирост численности населения здесь наблюдался в период с 1959 г. по 1989 г., когда население Якутской АССР увеличилось на 121,9%. Среднегодовые темпы прироста населения в этот период составили 4,1%, в то время как в более ранние периоды они были значительно меньше: в 1897-1926 гг. – 0,2%, 1926-1959 гг. – 2,1%¹⁵¹. Этот бурный рост населения был связан с реализацией экономической доктрины ускоренного промышленного освоения Якутии, возникновением алмазодобывающей промышленности на западе республики, а также промышленным освоением Крайнего Севера. Миграция тогда внесла значительные коррективы в этническую структуру городского населения, прежде всего, за счет роста доли русских. Однако, помимо русских и саха, пятую часть всех городских жителей Якутии составляли представители иных этнических общностей.

В 1990-е годы переход к рыночной экономике и начало коренных социально-экономических преобразований в условиях гиперинфляции привели к тому, что северные и другие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов. Последовал значительный отток населения, который в меньшей мере продолжается и сейчас. В этот период происходит постепенное выравнивание этнодемографического веса якутов (саха) и русских.

В 2000-е годы была разработана «Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Якутии до 2020 года», в рамках которой планировалось создание многоотраслевого промышленного района, основанного на природно-ресурсном потенциале Южной Якутии, а также на развитии транспортной и электросетевой инфраструктуры этого региона¹⁵². Усилия власти были направлены также на создание в регионе Территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). По сути, объявлен новый виток промышленной модернизации, вновь потребовавший привлечения большой массы рабочей силы.

¹⁵⁰ *Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (2017)*. Утверждена распоряжением Правительства РФ 20 июня 2017 г. № 1298-р.

¹⁵¹ *Игнатьева В.Б.* Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. – Новосибирск, 1999. – С. 27.

¹⁵² «Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Якутии до 2020 года».

Отметим, что в ходе реализации индустриальных проектов республиканские власти столкнулись с проблемами. В частности, в 2014 г. глава РС(Я) Е.А. Борисов заявил: «Когда мы начали заниматься освоением территории в рамках наших крупных проектов, то сразу ощутили, что не хватает рабочей силы. В свое время были установлены лимиты с нашей стороны – до 40 тыс. чел. в год. Когда массово стали привлекаться рабочие силы из Средней Азии, начались проблемы. Эти люди не знают культуры, языков, традиций наших народов – и в результате наступают определенные противоречия. Они доходят порой до криминальных разборок. Мы стали сокращать лимит. Сейчас в год приезжает 8 тыс. чел. Этого мало»¹⁵³.

В последние годы в связи со снижением темпов экономического развития в России миграция в Россию пошла на спад. За последние несколько лет наблюдалась и тенденция сокращения числа мигрантов в Якутии, однако это не снижает тревожности общества относительно данного вопроса. Об этом свидетельствуют антимигрантские митинги, прошедшие в Якутии весной 2019 года.

В связи с этим возникает вопрос: в какой мере культурные противоречия определяют антимигрантские настроения в обществе, которое само во многом состоит из внутренних мигрантов? Он стимулирует поиск факторов, оказывающих неблагоприятное воздействие на привлечение и удержание населения на Дальнем Востоке. С учетом серьезных перемен в экономической и социальной жизни россиян, произошедших в постсоветский период, представляется целесообразным обратить внимание на проблему интеграционной емкости принимающего сообщества в социально-экономическом контексте. Можно предположить, что качественные изменения в социальной структуре российского общества и социальном статусе большинства его членов оказывают влияние на отношение принимающего сообщества к мигрантам.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить наличие связи между субъективными оценками респондентов собственного социально-экономического статуса и их отношением к мигрантам на северо-востоке России. Рабочая гипотеза строится на том, что антимигрантские настроения максимально реализуют отождествление этнического происхождения и социально-экономического положения. В связи с чем были поставлены следующие задачи: во-первых, определить наличие связей между социально-экономическим статусом опрашиваемых лиц и: а) отношением к мигрантам и миграции; б) отношением к представителям этнических общностей, мигрирующих в Якутию. Во-вторых, определить социальные и демографические особенности групп с разным социально-экономическим статусом и обозначить связи между ними и отношением к мигрантам.

¹⁵³ Мы предлагаем не ограничиваться Китаем. https://www.eastrussia.ru/material/my_predlagaem_ne_ogranichivatsya_kitaem/ просмотрено 11.12.2018

Географические точки исследования составили населенные пункты республики, где наиболее заметны процессы миграции и изменения в этнической структуре общества. Это г. Якутск, административно-политический центр Якутии, в черте которого планируется строительство ТОСЭР «Индустриальный парк “Кангалассы”»; п. Нижний Бестях – наиболее привлекательный для мигрантов населенный пункт в Центральной Якутии, расположенный недалеко от столицы республики; г. Нерюнгри – город-участник инвестиционного проекта «Комплексное развитие Южной Якутии».

Исследование было проведено методом анкетного опроса населения в возрасте 18 лет и старше. Общий объем выборки респондентов насчитывает 654 наблюдений: в г. Якутске (n=300), Нижнем Бестяхе (n=104), г. Нерюнгри (n=250). Социально-демографические характеристики опрошенных лиц соответствуют генеральной совокупности: а) по полу: мужчины – 46,5%, женщины – 53,5%; б) по возрасту: 18-22 года – 12,7%, 23-34 года – 28,6%, 35-44 года – 18,8%, 45-54 года – 19,3%, 55-64 года – 13,5%, старше 65 лет – 7,2%.

Исходя из фокуса исследования необходимо было определить некоторые координаты, определяющие статус человека в иерархически организованном социальном пространстве. Предложенная вертикально ранжированная система координат построена на основе самооценки респондентами своего социально-экономического статуса. Это социологическое измерение субъективных оценок на вопрос: «Укажите, пожалуйста, к какому социальному слою населения Вы себя относите?». На выбор респондентов были предложены следующие варианты ответов:

- 1 – «Не можем обеспечить себя питанием, одеждой и жильем»;
- 2 – «Живем от зарплаты до зарплаты. Иногда приходится заниматься»;
- 3 – «В основном денег хватает, но при покупке товаров длительного пользования (крупная бытовая техника, мебель, зимняя одежда) наших сбережений не всегда достаточно, приходится копить»;
- 4 – «Покупка товаров длительного пользования не вызывает у нас особых затруднений, однако денег на покупку квартиры, автомашины не хватает»;
- 5 – «Мы можем позволить себе любые дорогостоящие покупки, ни в чем себе не отказываем».

С помощью процедуры перекодировки крайние позиции «1», «2» и «4», «5» были сложены. В итоге варианты ответов были сведены к трем значениям таким образом, чтобы выделить три условные группы, отличающиеся социально-экономическим статусом их членов. 26,7% респондентов, выбравших 1-2 варианты ответов, означающих оценку своего материального положения как «ниже среднего», вошли в первую

группу – «малообеспеченных». 46,2% респондентов, оценивших свое положение «как среднее», соответствующее 3 варианту ответа, образовали вторую, самую многочисленную группу – «среднеобеспеченных». 27% респондентов, материальная жизнь которых была оценена ими как «выше среднего» (4-5 варианты ответов), составили третью группу – «высокообеспеченных».

Прежде чем приступить к описанию и верификации выявленных связей между социально-экономическим статусом респондентов и их отношением к мигрантам, представим общие итоги исследования, касающиеся тенденций изменения отношения к мигрантам и миграции в целом.

Начнем с того, что в Якутии, как и в России в целом, распространены изоляционистские настроения. Об этом говорит распределение ответов на вопрос о том, нуждается ли Республика Саха в трудовых мигрантах: 24,6% респондентов дали утвердительный ответ, 50,9% – отрицательный, 24,5% – затруднились ответить. То есть лишь четверть опрошенного населения, проживающего непосредственно в местах наиболее активного миграционного движения, относится положительно к идее притока трудовых мигрантов.

Далее рассмотрим вопрос о необходимости миграции в разрезе социально-экономического статуса респондентов. При построении комбинационной таблицы выявилось разное отношение респондентов из трех выделенных групп к данному вопросу. Так, высокообеспеченные респонденты чаще давали положительный ответ (36,8%), нежели респонденты из малообеспеченных (18,3%) и среднеобеспеченных (21,6%) групп. Отметим, что процент негативных ответов не имел такого разброса. Таким образом, вектор оттока позитивных ответов в направлении лиц с низкой оценкой своего материального положения образует «зону неопределенности» (затруднившиеся ответить).

Важным фактом, выявленным в ходе опроса, стало подтверждение тезиса о влиянии субъективной оценки респондентом своего социально-экономического статуса на его отношение к мигрантам.

В частности, на вопрос «Как Вы относитесь к мигрантам из дальнего и ближнего зарубежья, а также к приезжим из регионов России?» высокообеспеченные респонденты реже давали негативные варианты ответов – «с раздражением и неприязнью» или «с недоверием и страхом» (см. табл. 4.1).

Отношение респондентов к мигрантам, в %

Как Вы относитесь к приезжим из дальнего зарубежья?						
Группа*	Позитивно	Спокойно	С раздражением, неприязнью	С недоверием, страхом	Затрудняюсь ответить	Всего
1	7,7	45,2	11,9	7,1	28,0	100,0
2	12,4	55,3	9,3	6,5	16,5	100,0
3	20,1	58,6	7,7	2,4	11,2	100,0
Как Вы относитесь к приезжим из ближнего зарубежья?						
1	9,5	43,5	18,5	8,3	20,2	100,0
2	12,0	56,2	16,4	6,8	8,6	100,0
3	16,0	64,5	10,1	3,0	6,5	100,0
Как Вы относитесь к мигрантам из других регионов России?						
1	17,1	64,7	4,1	1,8	12,4	100,0
2	23,0	67,7	4,1	0,7	4,5	100,0
3	23,4	71,3	1,8	0,6	2,9	100,0

*Группа: 1 – малообеспеченные, 2 – среднеобеспеченные, 3 – высокообеспеченные

Отметим, что с 2000 по 2014 гг. в Республике Саха существенно возрос вклад мигрантов в формирование региональных трудовых ресурсов. Количество иностранных трудовых мигрантов увеличилось в 8 раз – с 3 до 23,8 тыс. чел.¹⁵⁴, затем последовал значительный спад, связанный с девальвацией рубля по отношению к доллару. В настоящее время основную часть мигрантов составляют представители ближнего зарубежья – Армении, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и т. д. В связи с этим мы решили проверить гипотезу о том, что представители разных социально-экономических групп будут неодинаково оценивать количество уже прибывших мигрантов. При этом учитывалось то, что миграция является более заметным явлением для оппонентов, чем для сторонников этой идеи, которые не склонны считать мигрантов проблемой и сосредоточены на других вопросах.

Действительно, данные таблицы 4.2 показывают, что респонденты с низкой и средней оценкой своего социально-экономического статуса больше недовольны количеством приезжих, а также чаще затрудняются ответить.

¹⁵⁴ Мостахова Т.С. Социально-демографические проблемы в Арктических районах Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2016. – С. 76.

Оценки респондентов о количестве мигрантов, проживающих в их населенном пункте, в %

Группа	Очень много	Много	Мало	Совсем мало	Нет	Затрудняюсь ответить
1	14,2	36,1	18,9	6,5	7,7	16,6
2	12,4	40,5	22,0	4,5	4,1	16,5
3	7,1	38,7	32,7	9,5	3,0	8,9

*Группа: 1 – малообеспеченные, 2 – среднеобеспеченные, 3 – высокообеспеченные

Анализ состава мигрантов в трудоспособном возрасте по образовательному уровню свидетельствует о том, что в республику стало больше прибывать работников низкой квалификации. Среди прибывших трудовых мигрантов в первой половине 2018 г. лишь около одной трети имеют специальное профессиональное образование. Две трети имеют среднее общее или образование еще более низкого уровня¹⁵⁵.

В этой связи полезным представлялся вопрос о том, рабочая сила какой квалификации главным образом востребована для нужд реальной экономики Якутии. Респондентам был задан вопрос «В каких работах из числа трудовых мигрантов нуждается республика?», на который были предложены следующие варианты: 1) руководители высшего и среднего звена; 2) специалисты с высшим образованием; 3) служащие и технический персонал без высшего образования; 4) рабочие.

Простые частоты показали убежденность многих людей в том, что в первую очередь республике нужны низкоквалифицированные рабочие – подобным образом ответили 45,3% респондентов; 23,9% опрошенных указали на необходимость заполнения вакансий по категории «служащие», 17,7% – отметили «специалистов», 7% – «руководителей». Оказалось, что среди приверженцев преимущественного найма рабочих преобладают респонденты из группы «малообеспеченных» (53%) и «среднеобеспеченных» (50%). Только 35% «высокообеспеченных» респондентов выбрали данный ответ, значительно чаще они заявляли о необходимости для республики квалифицированных кадров – специалистов и служащих. Таким образом установлено, что представители разных социальных слоев и групп в качестве трудовых мигрантов готовы принять людей разного уровня образования, квалификации и материального достатка.

Мигранты действительно не являются однородной группой, и отношение к различным их группам может очень сильно различаться. Исходя из этого складываются и представления о том, где проходят соци-

¹⁵⁵ *Миграция населения Республики Саха (Якутия) за январь-март 2018 года: Статистический бюллетень № 128/226. – Якутск, 2018. – С. 19.*

альные границы взаимодействия с трудовыми мигрантами. Так, потенциального мигранта из государств ближнего зарубежья рассматривают как возможного коллегу 22,4% респондентов из группы «малообеспеченных», 34,8% – из «среднеобеспеченных» и 47,7% лиц с высокими доходами. Принять его как друга готовы 15,9% «малообеспеченных», 25,9% «среднеобеспеченных» и 35,5% «высокообеспеченных» респондентов. Стать супругом или иным членом семьи мигранта согласны 8,2% «малообеспеченных», 11,6% «среднеобеспеченных» и 16,9% «высокообеспеченных» опрошенных. Таким образом, как бы не изменялись границы взаимодействия, люди с низкой оценкой своего материального положения значительно чаще настроены отрицательно.

Распределение мигрантов, прибывших в Якутию в 2017 г. из иностранных государств на длительный срок (от 9 месяцев), показывает, что в абсолютном большинстве они прибывают из стран ближнего зарубежья: из Киргизии (40%), Украины (17,85), Таджикистана (13,7%), Армении (12,7%)¹⁵⁶. Мигрантами из дальнего зарубежья в Якутии являются преимущественно китайцы. И хотя совокупная доля мигрантов в общем составе населения республики невелика, в масштабе отдельных поселений и улусов (районов) происходят заметные изменения в их этносоциальной структуре, что влияет на отношение общества к миграции.

В связи с этим рассмотрим отношение опрошенных лиц к мигрантам – представителям различных этнических групп и более широких обобщенных категорий, в зависимости от их социально-экономического статуса (см. табл. 4.3.).

Общей тенденцией следует назвать то, что уровень негативного отношения к ним снижается по мере повышения социально-экономического статуса респондента. Наиболее негативное отношение выявилось в отношении народов Кавказа и Средней Азии. Причем, если в отношении к первым преобладает страх и недоверие, то ко вторым больше относятся с раздражением и неприязнью.

Несмотря на более позитивное отношение респондентов к украинцам в сравнении с другими этническими группами, отметим, что негативные чувства в отношении мигрантов из Украины – это сравнительно новое явление. Представляется, что существующая в целом по России неприязнь к украинцам связана в первую очередь с текущей информационной повесткой федеральных СМИ. В общем массиве выборки это больше характерно для настроений мало- и среднеобеспеченных опрошенных.

¹⁵⁶ *Международная миграция (2017) Официальная статистика. Портал государственного комитета статистики по РС(Я) http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/resources/d3b11480450e024c9b17bfde4cdebdf4/d17_052017.doc просмотрено 17.11.2018*

Таблица 4.3.

Отношение респондентов к представителям различных этнических групп, в %

Как Вы относитесь к представителям народов Кавказа?						
Группа*	Позитивно	Спокойно	С раздражением, неприязнью	С недоверием, страхом	Затрудняюсь ответить	Всего
1	10,70	43,50	20,80	16,10	8,90	100,0
2	15,50	50,00	17,90	10,30	6,20	100,0
3	20,90	55,80	13,40	5,20	4,70	100,0
Как Вы относитесь к представителям народов Средней Азии?						
1	8,90	45,20	24,40	10,70	10,70	100,0
2	15,80	53,10	15,10	7,90	8,20	100,0
3	19,40	58,80	12,40	2,90	6,50	100,0
Как Вы относитесь к украинцам?						
1	15,10	53,60	12,70	6,60	12,00	100,0
2	23,60	52,70	12,70	3,10	7,90	100,0
3	27,60	55,30	8,80	2,40	5,90	100,0
Как Вы относитесь к китайцам?						
1	8,90	50,60	17,90	11,90	10,70	100,0
2	16,60	56,40	13,50	6,20	7,30	100,0
3	24,70	54,70	11,80	2,90	5,90	100,0

*Группа: 1 – малообеспеченные, 2 – среднеобеспеченные, 3 – высокообеспеченные

Интересными представляются результаты исследования в отношении китайских мигрантов. Известно, что пик общественного страха перед «желтой угрозой» пришелся на середину 1990-х годов. Позже опасения, связанные с китайской экспансией, ушли из перечня наиболее муссируемых информационных поводов. Однако, как показывает практика на Дальнем Востоке, в т. ч. и в Якутии, определенный негатив в отношении мигрантов из Китая все-таки остался.

В исследовании также ставилась задача выявить оценки состояния межнациональных отношений в общественном мнении. Респондентам было предложено оценить их на уровне своего трудового коллектива, населенного пункта проживания, региона (Якутия) и страны (Россия), выбирая такие варианты ответов: 1 – «благоприятные», 2 – «стабильные», 3 – «напряженные», 4 – «критические», 5 – «затрудняюсь ответить».

Полученные данные свидетельствуют о достаточно благополучной ситуации в области межэтнических отношений на уровне поселе-

ний республики: 22,6% из числа респондентов, ответивших на этот вопрос, оценили их как «благоприятные», 62,1% – как «стабильные», 9,3% – как «напряженные», 0,9% – как «критические»; 5,1% – затруднились ответить.

Дальше была составлена таблица сопряженности, показывающая распределение полученных оценок состояния межнациональных отношений в месте проживания респондентов в соответствии с числом выделенных социальных групп, а также проведен тест χ^2 . Были сформулированы нулевая и альтернативная гипотезы и задан уровень значимости 0,05. Нулевая гипотеза предполагала, что респонденты с разным материальным статусом оценивают состояние межнациональных отношений по выделенным уровням одинаковым образом. Альтернативная гипотеза исходила из того, что представители трех выделенных социальных групп по-разному оценивают состояние межнациональных отношений. В результате проведенного измерения была подтверждена альтернативная гипотеза. Эмпирическое значение для теста χ^2 составило 29,748, уровень значимости 0,000.

Таблица 4.4

**Оценки состояния межнациональных отношений
в населенных пунктах проживания респондентов, в %**

Группа	Благоприятное	Стабильное	Напряженное	Критическое	Затрудняюсь ответить
1	18,5	56,5	13,1	2,4	9,5
2	20,6	67,7	8,2	0,7	2,7
3	30,2	59,3	7,6		2,9
Всего	22,7	62,4	9,4	1,0	4,6

**Группа: 1 – малообеспеченные, 2 – среднеобеспеченные, 3 – высокообеспеченные*

Установлено, что на уровне места жительства респондентов существует значимая связь между их материальным положением и оценками состояния межнациональных отношений в месте проживания (см. табл. 4.4). Чем ниже социально-экономический статус опрошенных лиц, тем негативнее оценки существующих отношений в своем населенном пункте – от «напряженных» до «конфликтных».

Далее была рассмотрена гипотеза, согласно которой люди, не удовлетворенные своим материальным положением, чаще склонны оценивать состояние межнациональных отношений на уровне страны как «напряженные» или «критические», чем респонденты с большим достатком. Приведем простые частоты по данному уровню: 9,2% опрошенных оценили их как «благоприятное», 47,5% – как «стабильное»,

25,2% – как «напряженное», 6,2% – как «критическое»; 12% – затруднились ответить. Заметим, что состояние межнациональных отношений в России в целом опрошенным населением оценивается существенно хуже.

Таблица 4.5

Оценка состояния межнациональных отношений в России, в %

Группа	Благоприятное	Стабильное	Напряженное	Критическое	Затрудняюсь ответить
1	6,5	42,3	27,4	6,0	17,9
2	8,9	44,9	28,8	5,1	12,3
3	11,8	57,6	18,2	8,2	4,1
Всего	9,0	47,6	25,6	6,2	11,6

**Группа: 1 – малообеспеченные, 2 – среднеобеспеченные, 3 – высокообеспеченные*

Как показали результаты опроса, вышеуказанная гипотеза также подтверждается (см. табл. 4.5). Стоит отметить, что число респондентов, оценивших существующие межэтнические отношения в стране как «напряженные», в первую очередь умножается за счет лиц, причисливших себя к социальному слою со средними доходами. Таким образом, на основе итогов исследования можно сделать вывод о более негативном отношении людей с низким социально-экономическим статусом к мигрантам.

В связи с этим возникает вопрос, какими характеристиками и особенностями обладают представители рассматриваемых социальных групп, помимо дифференцированной оценки уровня своего благосостояния. Выяснилось, что каждая из выделенных трех групп обладает специфическим социальным профилем. Были построены таблицы сопряжения и рассчитаны статистики хи-квадрат по таким категориям, как возраст, пол и образование опрошенного контингента.

Таблица 4.6

Особенности социально-экономических групп (объективные факторы)

Признак	Критерий хи квадрат Пирсона	Степени свободы	Асимптотическая значимость
Возраст	14,183	10	0,165
Пол	0,084	2	0,959
Образование	60,623	8	0,000
Тип поселения	3,442	2	0,179

Уровень значимости критерия хи квадрат показывает, что статистически связанными с социально-экономическим самоопределением оказываются возраст и образование респондента, тип поселения. Гендерные характеристики не актуализированы.

Повышение возраста наблюдается при переходе от 1 к 3 группе и сопровождается более толерантным отношением к мигрантам. Указанную тенденцию исследователи склонны объяснять тем, что люди старших поколений, ностальгирующие по советскому обществу с его интернационализмом и «дружбой народов», не склонны считать национальные различия серьезной угрозой, так как их личный жизненный опыт имел практику мирного сосуществования и дружеских отношений с людьми других национальностей¹⁵⁷

Другой тенденцией, оказывающей влияние на сложившуюся ситуацию, является рост предложения рабочей силы при одновременном уменьшении спроса на нее на республиканском рынке труда и омоложении контингента безработных. При высоком уровне общей безработицы в Якутии (7,6% против 6,1% по России, по методике МОТ), каждый пятый безработный республики – моложе 25 лет¹⁵⁸. По данным статистики, наиболее высокий уровень безработицы – на уровне 14,9% – наблюдается в группе лиц от 20 до 30 лет¹⁵⁹.

По нашему мнению, нужно учитывать тот факт, что молодые люди только вступают в трудовые отношения, как правило, не имея большого опыта работы и соответствующей квалификации, часто предлагая на рынке труда просто свою способность к труду. Мигранты, предлагая демпинговые цены на ту же простую способность к труду, не только формируют повышенную конкуренцию, но и существенно подрывают переговорные возможности молодых.

Вторым фактором разделения групп является образование. Согласно данным европейских исследований, с наличием образования тесно связано отношение к мигрантам: чем выше его уровень, тем более толерантное отношение респондентов. Результаты межстранового анализа, проведенного В.А. Прохойкой показывают противоположную ситуацию. Так, в России, в отличие от стран Европы, нет значимой прямой корреляционной связи между уровнем образования респондентов и их отношением к мигрантам. Он это связывает с тем, что национальная система образования не производит в достаточной степени социокультур-

¹⁵⁷ *Межэтническая* напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования [Электронное издание] / [М. Ф. Черныш и др.]; – М., 2017. – С. 35.

¹⁵⁸ *Ермолаев Т.С.* Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов [Электронный ресурс]. – Якутск, 2018. – С. 58.

¹⁵⁹ *Обследование* рабочей силы в Республике Саха (Якутия) (январь-сентябрь 2018): Статистический бюллетень №289/533. – Якутск, 2018 – С. 29.

ные образцы поведения, способствующие формированию толерантного отношения к мигрантам.¹⁶⁰

Другое объяснение этому обстоятельству предлагает О.И. Шкаратан, по мнению которого в России образование как составляющая человеческого капитала может совмещаться как с высоким, так и с низким доходом, т. е. связь между двумя категориями неоднозначна. В то же время в развитых странах в среднем чем значительнее человеческий капитал, тем более высоки доходы его носителя.¹⁶¹

Итогами нашего исследования подтверждена связь между социально-экономическим статусом и уровнем образования респондента. Далее проверялось наличие зависимостей между «уровнем образования» и «отношением к мигрантам» непосредственно в самих выделенных группах. Для установления связи между этими категориями в срезе трех социально-экономических групп был применен тест χ^2 . Он показал, что респонденты с разным уровнем образования из «малообеспеченных» и «среднеобеспеченных» групп в целом относятся к мигрантам одинаково. Значимая связь была выявлена лишь в группе «высокообеспеченных» в отношении мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Установлено, что люди с разным уровнем образования проявляют неодинаковое отношение к мигрантам. Высокая оценка респондентом своего материального положения, сочетающаяся с его более высоким уровнем образования, как правило, проецируется в более позитивные установки относительно мигрантов.

Таким образом, несмотря на важную роль образования респондентов в формировании отношения населения к мигрантам, их социально-экономический статус оказался более влиятельным фактором. Малообеспеченные люди с высшим образованием в своих оценках ближе к представителям своей группы, нежели к лицам с высшим образованием в других социально-экономических группах. В свою очередь, высокообеспеченные респонденты с низким уровнем образования оказались ближе в своих оценках к представителям более низких статусов.

Для объяснения этого вывода обратимся к работам Н.Е. Тихоновой, которая считает, что следует учитывать не просто уровень формального образования, а включенность в процесс непрерывного образования и повышения качества своего человеческого капитала. Именно эти характеристики являются одними из наиболее характерных особенностей, отличающих жизнь различных слоев российского общества. Внимание к этой стороне своей деятельности отсутствует у большинства

¹⁶⁰ Прохода В.А. Отношение к мигрантам и уровень образования жителей европейских стран // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. – Екатеринбург, 2018. – С. 334.

¹⁶¹ Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. – 2008. – № 4. – С. 65.

работающих представителей нижних страт, но достаточно выражено у верхних¹⁶². Исходя из этого можно сделать вывод, что благополучное социально-экономическое положение дает возможность для повышения качества своего человеческого капитала, что в свою очередь сказывается на отношении к мигрантам. В группах малообеспеченных и среднеобеспеченных респондентов возможностей для наращивания человеческого капитала, по всей видимости, значительно меньше. Возможно и то, что при нынешних профессиональных позициях, занимаемых представителями этих групп, подобная деятельность оказывается просто неэффективной.

Тип поселения тоже влияет на формирование социально-экономических групп. Так, в п. Нижний Бестях значительно меньше опрошенных лиц отнесли себя к группе «высокообеспеченных»; более широко представлена группа «среднеобеспеченных». Объемы «малообеспеченных» респондентских групп как в городе, так и в сельском населенном пункте в целом были одинаковыми.

Таблица 4.7

Особенности социально-экономических групп (субъективные факторы)

Признак	Критерий хи квадрат Пирсона	Степени свободы	Асимптотическая значимость	Коэффициент Фи
Удовлетворенность работой	52,779	8	,000	,309
Удовлетворенность социальной сферой	11,456	4	,020	,134
Удовлетворенность жилищными условиями	62,476	6	,000	,314
Уверенность в будущем	51,032	8	,000	,284
Можете ли Вы повлиять на принятие общественно значимых решений в Вашем населенном пункте	38,376	4	,000	,247
Считаете ли Вы справедливой современную социально-экономическую структуру общества	28,949	8	,000	,214

¹⁶² Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М., 2014. – С. 147.

Также выявлены иные особенности выделенных трех групп (см. табл. 4.7). Как оказалось, в разных социально-экономических группах имеются различные представления об удовлетворенности жизнью. По коэффициенту Фи, теснота связи между двумя переменными не такая высокая. Тем не менее укажем на то, что низкие доходы ассоциируются с общей неудовлетворенностью жизнью и неуверенностью в будущем.

Кроме того, высокий социально-экономический статус респондента коррелирует с оценкой социально-экономической структуры общества как справедливой. Представители «высокообеспеченной» группы лучше адаптированы к ней. Среди респондентов, кто причислил себя к малообеспеченным слоям населения, больше тех, кто не может приспособиться и, соответственно, считает существующую ситуацию несправедливой.

Немаловажную роль имеет и властный ресурс, которым располагают представители разных социальных групп. Данный индикатор рассчитан на основе ответов респондентов на вопрос о наличии возможности оказать какое-либо влияние на принятие общественно значимых решений в населенном пункте их проживания. Респонденты, лишенные данного ресурса, концентрируются в группе «малообеспеченных».

На подготовительном этапе полевых работ мы полагали, что основная линия раздела между местными и приезжими будет проходить там, где накладываются друг на друга социально-экономические и этнокультурные границы, следовательно, мигранты будут восприниматься как представители низшего класса. Однако, это оказалось не совсем так. Выяснилось, что наиболее негативное отношение к мигрантам испытывают малообеспеченные члены общества, характеризующиеся более низким уровнем образования и отсутствием властного ресурса. Интересно, что это происходит на фоне улучшения межнациональных отношений между двумя доминирующими этническими группами – русскими и саха¹⁶³.

Для интерпретации полученных результатов мы обратились к итогам исследований социальной структуры российского общества. Полезным представился ресурсный подход, разрабатываемый Н.Е. Тихоновой¹⁶⁴. В рамках данного подхода социальная стратификация общества отражает такую ситуацию, когда значительная часть населения страны имеет низкие социальные, властные ресурсы и человеческий капитал, что, по сути, уравнивает их положение с мигрантами.

Наше исследование подтверждает этот вывод. На республиканском рынке труда и занятости представители малообеспеченных групп на-

¹⁶³ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2019. – № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – 89 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

¹⁶⁴ Тихонова Н.Е. Указ. соч. – С. 147.

селения Якутии зачастую предлагают лишь свою способность к труду. В свою очередь, мигрирующая рабочая сила в основном претендует на занятость в тех же сегментах региональной экономики, на которые ориентированы внутренние трудовые ресурсы. В результате возникает конкурентная среда за изначально ограниченные рабочие места с невысокой квалификацией, определяющая развитие «антимигрантских» настроений. Соперничество на рынке рабочей силы по демпинговым ценам усиливает напряженность в принимающем обществе.

Важную роль в этой ситуации играют экономические интересы крупных корпораций России, участвующих в промышленном освоении территории Якутии. К примеру, после приобретения компании «Якутуголь» глобальная горнодобывающая и металлургическая компания «Мечел» провела массовые сокращения работников, что создало напряженную ситуацию в г. Нерюнгри, где основная часть трудоспособного населения была занята в угольной промышленности. Нерюнгринцы также рассчитывали, что их привлекут к строительству нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Однако их надежды не оправдались, т. к. компания «Транснефть» привлекла к его строительству около 800 китайских рабочих фирмы СРР¹⁶⁵.

Меры, предпринятые региональной властью, в частности указ главы Якутии А. Николаева «Об установлении на 2019 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» можно назвать отчасти популистскими, направленными на снижение народного недовольства. Известно, что с 2015 г. граждане стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не нуждаются в оформлении разрешения на работу или покупку патента. К ним относятся граждане Киргизии и Армении, составляющие большинство трудовых мигрантов в Якутии. Иными словами, ситуация на региональном рынке труда принципиально не меняется.

Таким образом, в условиях глобального отказа от решения проблемы устойчивой занятости, «незащищенного труда» масштабы негарантированной занятости получают все большее и быстрое распространение¹⁶⁶. По всей видимости, малообеспеченные люди уже сейчас вовлечены в такие трудовые отношения, которые не только не позволяют им оценить свое материальное состояние как благополучное, но и порождают у них чувство неудовлетворенности жизнью и неуверенности в

¹⁶⁵ *Егоров П.М.* Отношение рабочих промышленных предприятий Республики Саха (Якутия) к труду в условиях промышленного освоения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 17. – С. 75.

¹⁶⁶ *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. – М., 2018. – С. 65.

будущем. Исследования сотрудников Института социологии ФНИСЦ РАН по Якутии также подтверждают эти тенденции.¹⁶⁷

Действительность такова, что индивидуализация жизненных планов и стратегий взваливает ответственность за отсутствие восходящей вертикальной мобильности на плечи самих людей. В то время как предпринимаемая активность по повышению своего статуса протекает в очень узком коридоре возможностей, где решающую роль играют структурные ограничения. Ощущая свою незащищенность в сложившихся реалиях жизни, люди чаще выражают негативное отношение к мигрантам и ко всем иным, «другим». Кроме того, полученные данные свидетельствуют о расширении нового класса – прекариата, характеризующегося неустойчивой занятостью.

В рамках ресурсного подхода необходимо учитывать особенности социально-экономических групп. Согласно выводу Н.Е. Тихоновой, низкие доходы в России ассоциированы с низким уровнем человеческого и культурного капиталов¹⁶⁸. Исходя из этого формируются жизненные установки и определенные поведенческие модели, в т. ч. и отношение к иноэтническим общностям.

Заметную роль здесь может играть и подверженность медийным манипуляциям. Именно благодаря медиа, в частности, формируются представления людей о том, какая ситуация в сфере межнациональных отношений складывается на республиканском и федеральном уровне. В текущей ситуации дискурс этнизации миграции также оказывается значимым фактором формирования межэтнической напряженности, в первую очередь в отношении той части населения, которая находится на негативном полюсе социально-экономического поля и уже вовлечена в отношения неравенства в качестве ущемленной категории населения. Однако доля респондентов, готовых солидаризироваться с крайними антимигрантскими высказываниями, сильно колеблется в зависимости от того, какую линию избрали в тот или иной момент центральные телеканалы¹⁶⁹.

Итоги европейских исследований оказались важными для интерпретации данных нашего опроса, касающихся отношения к мигрантам представителей «высокообеспеченных» слоев населения. Хотя они допускают возможность дружбы и родственных отношений с мигрантами, скорее всего, здесь имеются в виду люди с более высоким уровнем

¹⁶⁷ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2019. – № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – 89 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

¹⁶⁸ Тихонова Н.Е. Указ. соч. – С. 88.

¹⁶⁹ Малахов В.С., Симон М.Е. Миграционная политика в условиях экономических турбулентностей: опыт Европейского союза и перспективы России. <https://ssrn.com/abstract=2980789> просмотрено 08.12.2018

благополучия и трудовой квалификации. В данном случае замечание Р. Форда о том, что квалификация нивелирует фактор происхождения при формировании отношения к мигрантам, можно назвать применимым и к отечественным реалиям.

Тезис Ф.М. Черныша о том, что неравенство оказывает особенно негативное влияние на формирование социальной напряженности, тоже находит подтверждение. Действительно, малообеспеченные респонденты, недовольные уровнем и качеством своей жизни, чаще оценивают социальную структуру российского общества как несправедливую, что стимулирует их негативное отношение к мигрантам.

Итоги исследования в целом позволяют заключить, что благополучная на первый взгляд межэтническая обстановка в Якутии может кардинально измениться. Здесь мы также учитываем данные российских ученых, которые демонстрируют наличие социальной напряженности, связанной с маргинализацией части населения страны. В указанном контексте следует интерпретировать результаты нашего опроса, согласно которым жители Якутии опасаются конкуренции со стороны приезжих, что и влияет на их ответы о необходимости привлечения республикой внешней рабочей силы с определенным уровнем квалификации. По данным «Левада-центр», за последние годы в России увеличилась доля опрошенных (с 57 до 64%), кто считает, что «мои родственники и знакомые готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты» (противоположной точки зрения придерживается четверть респондентов), т. е. низкоквалифицированная работа рассматривается местным населением как привлекательная¹⁷⁰.

Обыденный взгляд на мигрантов как на источник всех бед, поскольку они якобы не исполняют своих обязанностей перед принимающим населением и являются главным источником роста преступности, обуславливает поиск внешних причин и игнорирование проблем самого принимающего общества, его социальных трудностей и экономической маргинализации. Статистика МВД сообщает, что мигрантами совершается лишь 3,3% от числа совершенных и расследованных преступлений в России. В то же время доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода, среди тех, кто совершил преступления, в 2019 г. составила 63,8%¹⁷¹.

Между тем, в условиях роста масштабов негарантированной занятости можно ожидать расширения численности группы малообеспеченных людей за счет включения в нее части населения, относящегося сегодня к более обеспеченным слоям общества. По данным исследова-

¹⁷⁰ *Мониторинг ксенофобских настроений 2019.* Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/>

¹⁷¹ *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года.* Официальная статистика МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>

ний Игнатъевой В.Б., оценка местным населением перспектив своего заработка на ближайшие годы показала, что лишь 25% опрошенных считают, что все будет хорошо, а 56,5% оценили свои перспективы как «неопределенные»¹⁷².

Негативное отношение к мигрантам аккумулирует более глубокое и фундаментальное недовольство населения страны дифференциацией российского общества и сложившимися социально-экономическими отношениями. Ксенофобские настроения имеют свои корни в социальной структуре общества, где значительная часть населения характеризуется отсутствием экономического, властного и квалификационного ресурса. Соответственно, нельзя исключать того, что люди с низкими доходами и уровнем образования, прежде всего молодежь, могут быть использованы деструктивными силами для нагнетания напряженности или вовлечены в искусственно создаваемые межэтнические конфликты. В настоящее время агрессия исключенной молодежи проявляется в актах бессмысленного вандализма и хулиганства.

Кроме того, высокая актуализация этничности, особенно молодежи-саха, фиксируемая многими исследованиями¹⁷³, может обернуться этнической мобилизацией при эскалации конфликтов и совершенных преступлений.

Таким образом, политика привлечения мигрантов на Дальний Восток, составной частью которого является и Республика Саха (Якутия), не будет эффективна до той поры, пока не будут решены проблемы самого принимающего сообщества. Основные из них кроются в маргинализации российского общества, закупорке социальных лифтов, узком рынке труда при высоком уровне кумовства и коррупции. Это вызывает не всегда осознанное раздражение населения, трансформирующееся в поиски виновных и межнациональные конфликты с мигрантами, спусковым крючком которых может стать любой бытовой конфликт.

¹⁷² *Игнатъева В.Б.* Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 90.

¹⁷³ *Осипова О.В.* Идентичности населения Якутии в контексте национальной политики Российской Федерации // Этносоциологические исследования в Республике Саха Якутия Сб. научных статей. – Якутск, 2016. – С. 73–91; *Маклашова Е.Г.* Этнос и политика: границы политических ориентаций населения Республики Саха (Якутия) // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 3 (52). – С. 116–123; *Дробижева Л.М.* Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2019. – № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). 89 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

ГЛАВА 5.

Этничность и проблемы равенства в образовании

Одним из основных источников социальной напряженности в любом обществе является дифференциация его членов по уровню благосостояния, т. е. экономическое неравенство. Наиболее эффективным средством борьбы с подобным видом неравенства считается повышение уровня квалификации людей с ее наименьшим уровнем¹⁷⁴.

В отечественной и зарубежной литературе также подчеркивается зависимость между уровнями образования и благосостояния¹⁷⁵. Согласно исследованиям, человеческий капитал, частью которого являются образование и уровень квалификации, есть важный фактор формирования доходов и в нашей стране. В подтверждение данного тезиса скажем, что в современной России отсутствие высшего образования с большой долей вероятности определяет отсутствие возможности получения доходов выше среднего и высоких. При этом наличие высшего образования отнюдь не предполагает автоматического обладания большими доходами, хотя практически гарантирует получение средних по меркам региона доходов. С точки зрения носителя человеческого капитала целесообразность вложений в высшее образование также состоит в том, что обладатели вузовского диплома приобретают не только экономические, но еще и социальные выгоды, например, в виде престижа профессии или более комфортных условий (характера) труда¹⁷⁶.

Отметим, что рост численности населения с высшим образованием является общемировым трендом современности. Вместе с тем, повыше-

¹⁷⁴ *Maskin E.* Why Haven't Global Markets Reduced Inequality in Emerging Economies? // The world bank economic review. – 2015. – Vol. 29, supplement. – Pp. S48–S52.

¹⁷⁵ *Еделев Д.А., Майорова Н.В.* Дифференциация населения по уровням доходов и образования // Современная научная мысль. – 2013. – № 6. – С. 119–129; *Корицкий А.В.* Оценка влияния уровня образования работников, занятых в экономике регионов России, на их доходы // Прикладная эконометрика. – 2008. – № 2(10). – С. 65–74; *Клячко Т.Л., Мау В.А.* Будущее университетов. Статья 2. Российские тенденции // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 5–25.

¹⁷⁶ *Антоненко В.В. Караулова Н.М.* Статистический анализ «поперечных» эффектов зависимости дохода от уровня образования // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 472–487.

ние уровня образованности общества ведет к инфляции дипломов и квалификации. Ценность того или иного аттестата/диплома становится тем ниже, чем больше людей им обладает, что в свою очередь стимулирует процесс непрерывного образования. Однако доступность образования дифференцирована в зависимости от места проживания человека и его принадлежности к той или иной социальной группе. Даже в наш век стремительного развития технологий дети из обеспеченных семей имеют больший доступ к качественному образованию, чем школьники из более уязвимых социальных групп¹⁷⁷, что по сути закрепляет существующее социально-экономическое неравенство.

В этой главе проанализируем проблему неравенства через призму образовательного уровня представителей различных этнических общностей, проживающих в Якутии, а также его социальных последствий. В начале отметим тот факт, что тема неравенства этнических групп в сфере образования не часто становится предметом исследований в России. Значимым для целей нашей работы представляется монографический труд А.Г. Осипова, где он приходит к выводу, что равенство может пониматься двояко: как нормативное требование, т. е. как принцип отношения к людям, или эмпирически, как фактическое сходство социальных позиций. При этом вторая позиция является по настоящему справедливой, поскольку люди изначально не могут быть равны по многим характеристикам¹⁷⁸. Мы полностью разделяем данный тезис.

В коллективной монографии «Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность» представлен анализ данных прикладных исследований в национальных республиках России, в т. ч. динамики образовательного уровня численно доминирующих этнических групп. Применительно к Республике Саха указывается, что среди так называемых «титульных» национальностей якуты (саха) еще в советское время выделялись заметным ростом образовательного уровня и численности высококвалифицированных кадров¹⁷⁹.

В коллективной монографии «Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета» рассмотрены проблемы развития образовательного статуса коренных народов Сибири¹⁸⁰. Примечательно, что здесь предпринята

¹⁷⁷ Лукша П., Кубиста Дж., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образование для сложного общества: аналитический доклад. – М. 2018. – 212 с.

¹⁷⁸ Осипов А.Г. Этничность и равенство в России: особенности восприятия. – М., 2012. – 200 с.

¹⁷⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002. 480 с.

¹⁸⁰ Диканский Н. С., Попков Ю. В., Радченко В. В., Свиридов И. В., Тюгашев Е. А., Шатрова В. Я. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2005. – 360 с.

попытка первичного обобщения факторов устремленности якутов (саха) к получению высшего образования.

В работах Е.П. Антонова¹⁸¹, Р.А. Кузьминой¹⁸², И.И. Подойницыной¹⁸³, Л.И. Винокуровой¹⁸⁴, А.Г. Томаска¹⁸⁵ раскрываются различные аспекты социального и образовательного неравенства в Якутии. Краткий обзор литературы свидетельствует о явной недостаточности фундаментальных и прикладных работ по изучаемой проблематике и необходимости проведения специальных исследований и восполнения существующих лакун.

Краткий исторический экскурс. Важную роль в распространении и развитии образования в Якутии сыграли миссионерская деятельность православной церкви и политическая ссылка. Многие священнослужители и ссыльные обучали детей и взрослых грамоте. Политические ссыльные также занимались изучением истории, этнографии, верований, языка и юридических отношений жителей Якутского края¹⁸⁶.

Тем не менее массовое просвещение в Якутской области начало развиваться под влиянием Великих реформ 1860-х гг. В результате к 1900 г. насчитывалось 18 начальных училищ Министерства народного образования, к 1917 г. их было уже 74. Возросло и количество учащихся: если в 1900 г. во всех учебных заведениях области обучалось 1912 учеников, то в 1917 г. – 4660. В якутском обществе и особенно в его более состоятельной части росло понимание значимости образования. Знание русского языка, грамоты открывало доступ к высшим должностным позициям в якутском обществе¹⁸⁷. Если в начале XX в. грамотные составляли лишь 2% населения, то в 1917 г. – от 5 до 10%¹⁸⁸.

Гражданская война нанесла огромный ущерб сфере образования, но после ее окончания с 1923 г. до 1927 г. количество школ выросло с 132

¹⁸¹ Антонов Е.П. Изменение интеллектуального потенциала Якутии в контексте экономического развития // Наука и образование. 2007. № 3. С. 134–136.

¹⁸² Социальное расслоение якутского общества. Под ред. Подойницына И.И., Луковцев В.С., Кузьмина Р.А. Якутск: Якутский государственный университет. 2000. С. 84.

¹⁸³ Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. Новосибирск: Наука. 1999. 176 с.

¹⁸⁴ Винокурова Л.И. Север: общество, этносы, человек. – Якутск, 2003. – 100 с.

¹⁸⁵ Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск. 2012. 363 с.

¹⁸⁶ Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966. – 344 с.

¹⁸⁷ Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: Наука. 2002. С. 40

¹⁸⁸ См. Борисов А. А. Исторический опыт нациестроительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 214–232.

до 240, а численность учащихся – с 6,4 до 13,7 тыс. чел. В 1926 г. грамотность среди якутов составляла 5,7%, народностей Севера – 1,8%, русских – 48%, по ЯАССР в целом – 15,6% (РСФСР – 58,8%). Значительную роль сыграла политика государства, направленная одновременно на индустриализацию, а также на политику коренизации в национальных регионах, давшую импульс развитию массового образования в Якутии. Государство нуждалось в большом количестве высококвалифицированных кадров. С лета 1922 г. началась плановая подготовка специалистов в центральных вузах страны: если в 1922 г. в них обучалось 63 студента-якутянина, то в 1931-1932 гг. – 786 чел.¹⁸⁹.

В 1929-1939 гг. количество школ выросло с 241 до 477, а численность учащихся – с 16 до 60 тыс. чел., еще 246 тыс. чел. прошли курсы ликбеза. К 1938 г. уровень грамотности населения составлял 85%¹⁹⁰. В 1934 г. был открыт первый вуз республики – педагогический институт с отделениями языка и литературы, истории, физики и математики.

По данным переписи 1939 г., удельный вес русского населения Якутии, занятого квалифицированным умственным и инженерно-техническим трудом, был выше, чем в среднем по СССР¹⁹¹. Отметим, что административно-территориальное деление республики и размещение городского и сельского населения способствовали формированию обособленных анклавов расселения русскоязычных новоселов и коренных народов Якутии. Это было тесным образом связано с советской моделью освоения природных ресурсов и созданием промышленных очагов/районов, оказавших огромное влияние на структуру занятости и профессиональных ориентаций населения республики.

С окончанием Великой Отечественной войны в рамках политики постепенного перехода к всеобщему обязательному семилетнему образованию началось плановое расширение сети средних школ республики. В 1945/1946–1960/1961 учебных годах число общеобразовательных школ всех форм обучения выросло с 558 до 668, а численность учащихся – с 60,66 до 97,4 тыс. чел. Также расширилась сеть среднего специального образования. Была отменена плата за обучение в старших классах и вузе. В 1956 г. открылся Якутский государственный университет. В первое время в его стенах обучались 1,2 тыс. студентов, а к середине 1960-х – уже 4 тыс.¹⁹²

В конце 1950-х годов, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., доля якутов с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием как среди городского, так и сельского насе-

¹⁸⁹ *Сорошева С.В.* Истоки развития высшего педагогического образования в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. – 2009. – № 2. – С. 43.

¹⁹⁰ Якуты (Саха). – М., 2012. – С. 450–451.

¹⁹¹ См. *Аргунов И.А.* Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. – Якутск, 1988. – С. 60.

¹⁹² *Якуты (Саха).* – М., 2012. – С. 450–451.

ления была в 1,5-2 раза больше, чем у других титульных национальностей автономных республик РСФСР. За два последующих десятилетия доля якутов с дипломами высших и средних специальных учебных заведений в городском населении выросла более чем вдвое, а на селе – в 5 раз. Значительно пополнились отряды интеллигенции, особенно заметен численный прирост группы специалистов высокой квалификации и руководителей высшего звена, увеличившийся в 1989 г. в 2,7 раза по сравнению с 1959 г.¹⁹³

В постсоветский период началась перестройка всей системы образования Республики Саха по трем направлениям: обновление и развитие национальной школы, реорганизация системы высшего и среднего профессионального образования, подготовка научных кадров. Происходило это на фоне деиндустриализации страны, а также зарождения и роста так называемой сервисной экономики.

За период с 2000 по 2010 гг. число организаций высшего профессионального образования выросло с 5 до 9, а численность студентов возросла с 21,3 тыс. чел. в 2000 г. до 47,2 тыс. чел. в 2010 г. Однако, в 2010-2017 гг. произошел значительный спад численности студентов вузов – до 23,9 тыс. чел. (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

Подготовка специалистов и квалифицированных рабочих в образовательных организациях Республики Саха (Якутия), чел.**

Группа*	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	21316	46714	47152	41808	37893	35108	30422	26851	24335	23868
2	11926	17381	18344	18032	17739	10873	15316	19686	21094	20946
3	7393	7035	6744	6068	6035	5513	6052	5584	5134	5371

* 1. В образовательных организациях, осуществляющих подготовку по образовательным программам высшего образования; 2. В образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования; 3. В профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих, служащих.

** Составлено на основе данных статистического ежегодника Республики Саха Якутия, 2018. Официальные публикации Саха(Якутия)стата. URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2018/god/10.2.01/01/i107520118020.pdf?3a2ae528-b1d2-4359-8899-aec1e2a69648>

В 2000-2010 гг. количество организаций среднего профессионального образования выросло с 22 до 31, а численность студентов возросла

¹⁹³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. – С. 28.

с 11,9 до 18,3 тыс. чел. В 2017 гг. в 44-х учебных заведениях обучалось уже 20,9 тыс. студентов.

* * *

Итак, в истории развития образования в Якутии выделяется ряд особенностей, одной из которых является интерес и активность якутов (саха) в получении образования в течение всего XX столетия. Л.М. Дробужева указывает на их очень высокий образовательный потенциал: уровень образования у них в 2 раза выше, чем у русских; у якутов также самое большое число докторов наук на 1000 населения в России¹⁹⁴.

Исследователи выдвигают различные точки зрения на то, с чем может быть связан этот феномен. Одни предполагают, что это может быть сопряжено с этническими установками на сохранение и развитие национальной интеллигенции. Л.И. Винокурова объясняет это тем, что общероссийский пиетет к академическим званиям в Якутии усилен историческим дефицитом образования. Кроме того, в условиях частых политических перемен наличие ученой степени дает дополнительные статусные преимущества и стабилизирует карьеру¹⁹⁵.

Мы полагаем, что это обусловлено целым рядом факторов. Одним из них было то, что в советское время у множества молодых людей появилась реальная возможность улучшить свою жизнь благодаря профессиональному образованию и политике коренизации. Они на своем опыте могли увидеть, что образование вкупе с этничностью дает реальную возможность для вертикальной социальной мобильности в рамках своей национальной республики. Следует отметить, что вышеуказанный импульс имел очень длительный инерционный след, который лишь в настоящее время начинает перекрываться иными трендами развития общества.

Кроме того, татары, башкиры и якуты чаще, чем русские, наследовали интеллектуальный потенциал своей семьи. Большинство детей якутов-горожан, независимо от социального происхождения, были ориентированы на профессии квалифицированного умственного труда. Среди якутов, «отцы» которых были заняты физическим трудом, треть вошла в состав специалистов и руководителей высшего звена, что в 1,5 раза больше, нежели у русских Якутии и татарского населения Татарстана. Якутская молодежь чаще, чем русская, сразу после окончания школы поступала учиться в высшие учебные заведения и уже в начале своего трудового пути нередко «обгоняла» родителей по социальному положению¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Там же. – С.65.

¹⁹⁵ Винокурова Л.И. Север: общество, этносы, человек. – Якутск, 2003. – С. 27.

¹⁹⁶ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. – С. 65.

С ростом численности якутского городского населения у них более быстрыми темпами, по сравнению с русскими, увеличивалась численность интеллигенции. Так, доля лиц с высшим образованием у горожан-саха составляла: в 1970 г. – 8,7% (у русских – 5,3%), 1979 г. – 13,8% (8,5%), 1989 г. – 21% (11,7%), 2002 г. – 26% (14%), 2010 г. – 34,3% (20,4%). Якутское сельское население отличалось видимым социальным расслоением за счет наличия значительных объемов «крайних» страт, каждая из которых составляла более трети работающих. При этом численность и ранее немногочисленной группы квалифицированных работников физического труда стала еще меньше, что частично можно объяснить переездом из села в город в поисках более высокооплачиваемой работы, в т. ч. в индустриальных отраслях¹⁹⁷.

По доле интеллигенции в своем составе русское сельское население Якутии стало еще заметнее отставать от якутов (саха), разрыв возрос в 2,5 раза. Среди сельских русских стало больше людей занятых мало- и неквалифицированным физическим трудом¹⁹⁸.

В целом, для якутов (саха) характерна более высокая доля специалистов и руководителей (и в городе, и в селе), а также работников, занятых в сферах управления, просвещения, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Другой особенностью является крайне низкий удельный вес квалифицированных рабочих, в т. ч. в промышленности.

По мнению В.Б. Игнатъевой, основной причиной быстрой «коренизации» отдельных профессий были особенности исторической ситуации и национальных интересов в начале XX в. Для сохранения и поддержания жизнедеятельности коренных народов Якутии были нужны, прежде всего, специалисты гуманитарного и сельскохозяйственного профиля. Тогда же сформировался целый ряд «профильных» для них профессий, который наложил отпечаток на современную картину распределения специалистов по отдельным отраслям народного хозяйства¹⁹⁹.

По данным Е.П. Антонова, в 1958 г. удельный вес якутов в золотодобывающей промышленности составил 1,3%, оловодобывающей – 4,8%, слюдяной – 0,9%, угольной – 5,1%, лесозаготовительной и лесоперерабатывающей – 10,1%, алмазодобывающей – 26,1%. Значительное участие местных кадров в алмазодобывающей промышленности обуславливалось близким расположением мест добычи алмазов от сельских районов, имевших сравнительно избыточные трудовые ресурсы²⁰⁰.

¹⁹⁷ Указ соч. – С. 286.

¹⁹⁸ Указ соч. – С. 83.

¹⁹⁹ *Игнатъева В.Б.* Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). – Якутск, 1994. – С. 100.

²⁰⁰ *Антонов Е.П.* Изменение интеллектуального потенциала Якутии в контексте экономического развития // Наука и образование. – 2007. – № 3. – С. 134–136.

Исторически сформировавшийся «перекося» в структуре занятости якутов (саха) имел и негативные последствия, т. к. в материальном производстве, от которого зависело функционирование других сфер экономики республики, трудились люди других национальностей, преимущественно русские. Этническая ориентация присутствовала в образовательной политике, она выражалась, прежде всего, в отраслевой структуре специального и высшего профессионального образования, приобретение которого поддерживалось государством²⁰¹.

Таким образом, Якутская АССР отличалась наиболее заметной дистанцией в хозяйственной деятельности якутов и русских. Якуты (саха) имели в своем составе более высокий удельный вес интеллигенции, населения с высшим образованием, в то время как на местных русских приходилась более значительная доля рабочих и меньшая доля специалистов и руководителей не только по сравнению с якутами, но и с русскими, живущими в Башкирской и Татарской АССР²⁰².

Модель экономики, ориентированной на экспорт ресурсов, определила ситуацию массового исхода русского населения из Якутии в постсоветский период. В условиях спада деятельности/закрытия промышленных предприятий резко сократилось количество рабочих мест и спрос на работников и специалистов индустриального производства.

Сложившаяся в советское время в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока система воспитания, образования и профессиональной подготовки была ориентирована, прежде всего, на их приобщение к советской культуре. Это объяснялось большей включенностью этих народов в традиционный образ жизни, не требующий современного образования. В частности, в литературе отмечается, что образовательная политика СССР решала задачу профессиональной ориентации юношей аборигенов на традиционные сферы хозяйства, для которых даже среднее образование при существующих технологиях не было необходимым²⁰³.

В связи с этим следует сказать, что неравенство в области образования в отношении коренных малочисленных народов Севера зачастую рассматривалось как следствие их природной предрасположенности к традиционному хозяйству. Считается, что они обладают специфическим социально-психологическим профилем, не подходящим для овла-

²⁰¹ Диканский Н. С., Попков Ю. В., Радченко В. В., Свиридов И. В., Тюгашев Е. А., Шатрова В. Я. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2005. – 360 с.

²⁰² Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. – С. 47.

²⁰³ Бурькин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода. Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. 2002. № 28. – С. 195.

дения образованием и занятия систематическим трудом в рамках привычного европейскому мышлению графика работы²⁰⁴.

Таблица 5.2

**Уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше
у коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока
(по данным переписи 1989 г., %)²⁰⁵**

	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Общее среднее	Неполное среднее	Начальное	Прочие
Эвены	4,7	1,4	15,2	32,7	25,7	7,2	13,1
Эвенки	5,7	1,6	13,6	34,6	24,7	12,5	7,3
Юкагиры	2,5	0,9	7,9	14,9	11,3	4,1	1,9
Долганы	4,8	1,0	15,4	35,9	23,3	11,6	8,0
Чукчи	3,4	1,3	11,4	36,7	25,0	13,2	9,0

Несмотря на это, рост уровня образования коренных малочисленных народов страны продолжался в течение 1970-1980-х годов XX в. (см. табл. 5.2)²⁰⁶. По отношению к коренным народам Севера, проживающим в Якутии, констатировалось практически полное отсутствие отряда инженерно-технических работников. Состав национальной интеллигенции, как и у якутов (саха), был представлен в основном работниками народного образования, здравоохранения, культуры, науки и управления. Численность специалистов материального производства, хозяйственных руководителей, инженеров, экономистов, технических работников была относительно невелика²⁰⁷. В целом, советское государство

²⁰⁴ Харамзин Т.Г. Изюмов И.В. Трансформация традиционных форм занятости коренных малочисленных народов севера // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 12. С. 1068

²⁰⁵ Диканский Н. С., Попков Ю. В., Радченко В. В., Свиридов И. В., Тюгашев Е. А., Шатрова В. Я. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2005. – 360 с.

²⁰⁶ Фрумак И.В. История образования у коренных народов Дальнего Востока в современной отечественной историографии // *Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории*. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвуз. сб. науч. тр. –Новосибирск, 2002. – С. 211–233.

²⁰⁷ Цит. по Диканский Н. С., Попков Ю. В., Радченко В. В., Свиридов И. В., Тюгашев Е. А., Шатрова В. Я. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2005. – 360 с., Мартынов М.Ю., Дорогонько Е.В., Ненашев М.А., Шадрин В.В. Особенности подготовки и ценностных представлений учащихся этнонациональных школ Севера // *Социологические исследования*. 2004. № 3. С. 66–72.

многое сделало для повышения образовательного уровня своего населения, в т. ч. коренных народов Севера. В результате в постсоветский период они оказались хорошо встроены в рыночные отношения и на уровне социальных практик мало чем отличаются от остального населения России²⁰⁸.

В 1990-е годы положение в сфере образования в сельской местности Якутии существенно осложнилось, особенно в районах проживания коренных малочисленных народов Севера вследствие ликвидации многих поселков и части образовательной инфраструктуры. То есть социальные возможности для получения высшего образования значительно сузились. Учет интересов детей и молодежи – особенно уязвимых социальных групп общества – воплотился в законах «Об образовании» (1995)²⁰⁹ и «О целевой контрактной подготовке специалистов с начальным, средним и высшим профессиональным образованием в Республике Саха (Якутия)» (1996)²¹⁰, стимулировавших молодых людей в обязательном порядке получать общее среднее или начальное профессионально-техническое образование. Законами было установлено бесплатное общее среднее образование (с 1 по 11 классы), получение на конкурсной основе бесплатного высшего профессионального образования.

Еще в конце 1980-х отмечалось, что молодежь неохотно идет работать в традиционные сферы хозяйственной деятельности. Анализ профессиональных ориентаций школьников Якутии, проведенный Р.А. Кузьминой, выявил гендерные особенности этого явления. Оказалось, что юноши-северяне связывали свое будущее со специальностями в сфере традиционных занятий чаще, нежели девушки. Примечательно, что для юношей наиболее значимым фактором выбора профессии стало производственное обучение. В большинстве школ в районах проживания малочисленных народов Севера учащихся 9-10 классов обучали профессиям, связанным с традиционным хозяйством, – оленеводством, охотничьим промыслом и звероводством. В Анабарском, Булунском и Нижнеколымском районах более 80% старшеклассников вместе с родителями работали в оленеводческих бригадах, принимали участие в корализации оленей, проведении зооветеринарных мероприятий, заготовке кормов. Кроме того, в республике также имелись профессионально-технические училища, где юноши могли получить специальность оленевода и охотника, в то время как традиционным занятиям женщин

²⁰⁸ Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур// Этнические категории и статистика. Дебаты в России и Франции. – М., 2008. – С. 65.

²⁰⁹ Сборник законов Республики Саха (Якутия). – Т. 3. 1994–1995. – Якутск, 2001. – С. 353–388.

²¹⁰ Сборник законов Республики Саха (Якутия). – Т. 4. 1996–1998. – Якутск, 2001. – С. 176–183.

Севера (обработка меха и шитье меховых изделий, вышивание и т. п.) ни в одном ПТУ не обучали²¹¹. Таким образом, девушки-северянки не могли получить какого-либо профессионального образования, связанного с традиционными отраслями, чаще выбирали другие профессии.

Сейчас большая часть детей-северян обучается в поселковых школах в местах традиционного природопользования и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Однако законодательное признание их кочевого образа жизни, связанного с ведением традиционной хозяйственной деятельности, поставило в необходимость создание в Якутии кочевых школ, реализующих основные общеобразовательные программы. Организация и деятельность кочевых школ регулируется федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»²¹² (2012) и республиканским законом «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)»²¹³ (2008). Примечательно, что образовательный процесс в кочевых школах осуществляется в условиях постоянных перемещений в пределах маршрута кочевания без строгой привязанности к определенному пункту и месту жительства.

В настоящее время, согласно действующему законодательству Республики Саха, представители коренных малочисленных народов Севера поступают в профессиональные образовательные организации Якутии, в т. ч. высшего образования, на общих основаниях; в виде исключения для них могут выделяться целевые места. Динамика показателей государственного заказа на целевые места в вузах в последние годы характеризовалась трендом к снижению, а с 2019 г. Якутия прекратила практику целевого обучения за счет средств республиканского бюджета. Таким образом, сегодня нет каких-либо специальных программ государства, направленных на выравнивание доступа к качественному образованию (в т. ч. высшей квалификации) молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера.

В связи с этим обратимся к данным последних Всероссийских переписей населения, которые объективно отражают динамику современного образовательного статуса населения Якутии. Но прежде следует отметить высокую социальную значимость республиканских законов в

²¹¹ Кузьмина Р.А. Традиционное и новое в профессиональных ориентациях молодежи у народов Северо-Востока // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации. – Якутск, 1992. – С. 47.

²¹² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Российская газета – Федеральный выпуск № 303(5976). Полоса 2.

²¹³ Закон Республики Саха (Якутия) от 22.07.2008 591-3 № 73-IV (ред. от 30.01.2019) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 22.07.2008 3 № 74-IV) электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819062058>

области образования, принятых в 1990-х годах. Это рост численности лиц с профессиональным (с 51% в 1989 г. до 59% в 2002 г.) и высшим профессиональным (с 11,3% до 14,3%) образованием; снижение численности лиц с начальным общим образованием – с 64 чел. до 46 чел. на 1000 населения (по России – 77 чел.). Вместе с тем, по доле лиц с высшим образованием (144 чел. на 1000 населения) Якутия существенно отставала от России в целом (157 чел.)²¹⁴.

Таблица 5.3

Образовательный уровень населения Якутии в возрасте от 15 лет и старше в этническом разрезе (по данным ВПН-2002)

	Численность	Послевуз.	Высшее	Неполное высшее	Среднее профес- сиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	310182	940	48936	10812	76878	35727	78380	35357	17530	5091
Русские	306567	538	41294	9080	102222	35312	64337	39981	11625	1264
Долганы	771	2	56	27	162	54	235	166	62	5
Эвенки	12487	15	1080	332	2791	1213	3766	2268	859	154
Эвены	8083	13	697	257	1742	719	2438	1494	596	120
Юкагиры	741	5	85	31	170	41	207	141	53	7
Чукчи			-	-	-	-	-	-	-	-

Составлено по: Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам РФ <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

Период между переписями 2002 и 2010 годов также был благоприятным для сферы образования Республики Саха. Численность студентов, как и число вузов, находилась на историческом максимуме; существенно вырос уровень образования населения Якутии. Однако представители разных этнических групп, сельские и городские жители располагали разными возможностями доступа к образованию и мотивацией к ее получению. Они достаточно четко отразились в официальной статистике (см. табл. 5.3-5.4).

За рассматриваемое время численность людей с высшим образованием выросла во всех этнических группах. Однако наибольшим приростом данной группы образованных выделяются саха (на 7,8%) и русские (на 6%), намного опережая эвенков (на 4,8%) и долган (4,5%); сведения по чукчам отсутствуют. Число лиц, получивших среднее специальное

²¹⁴ *Игнатьева В.Б., Антонов Е.П.* 25 лет Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2019. – С. 39.

образование, возросло как среди саха, так и русских. Сократилась численность населения без профессионального образования: у якутов (саха) – на 7%, долган – на 6,2%, у русских – на 4,3%; у эвенков –4,35, у эвенов на 2,37% и юкагиров на 1,15%. Расширились возможности доступа к высшему образованию у всех этнических групп.

Таблица 5.4

Образовательный уровень населения Якутии в возрасте от 15 лет и старше в этническом разрезе (по данным ВПН-2010)

	Численность	Послевуз	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	352664	3713	83170	20593	92533	22371	80916	34292	12202	2869
Русские	284027	2799	55356	13188	105684	10707	57233	29835	8153	1053
Долганы	1281	9	150	54	216	154	356	243	86	13
Эвенки	14938	115	1997	642	3396	1008	4598	2284	763	135
Эвены	10850	49	1274	501	2421	623	3629	1747	508	98
Юкагиры	870	12	116	48	189	36	260	170	38	1
Чукчи	477	1	27	12	102	22	139	145	27	2

Составлено по: Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам РФ https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

По данным переписи населения 2010 г., не имеют профессионального образования 65,6% чукчей, 52,08% эвенков, по 53,91% юкагиров и 55,13% эвенов, 54,49% долган, **36,9%** саха, **33,9 %** русских.

Далее рассмотрим динамику образовательного статуса городского и сельского населения Якутии. Как известно, отличительную особенность Якутии от других регионов России, в т. ч. северных и арктических, составляет значительный удельный вес сельских жителей в составе всего населения: в 2002 г. – 35,7% и в 2010 г. – 35,4%. При этом в сельской местности в основном проживают коренные народы Якутии. Если в 2002 г. это было характерно для 80,4% долган, то в 2010 г. для 87,7%, соответственно, для 70,4% (72,6%) чукчей, 66% (76,9%) эвенков, 59,4% (69,4%) эвенов, 63,7% (61,2%) юкагиров, а также для 65,3% (64,3%) саха. Русское население сосредоточено в городах и рабочих поселках республики (93,2%).

Таблица 5.5

**Уровень образования городского населения Якутии
в этническом разрезе (по данным ВПН-2002)**

	Численность	Послевуз.	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	115027	793	29915	6089	29271	7466	27833	9033	3361	958
Русские	285968	528	40148	8814	96645	32484	59872	35897	9678	1049
Долганы	125	2	24	10	21	6	50	10	2	-
Эвенки	3196	12	531	173	767	252	962	379	95	23
Эвены	2712	10	419	147	682	212	752	333	121	34
Юкагиры	313	4	65	17	79	18	83	30	13	3
Чукчи	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 5.6

**Уровень образования городского населения Якутии
в этническом разрезе (по данным ВПН-2010)**

	Численность	Послевуз	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	145145	2990	49827	12422	36656	3075	27098	9531	2820	723
Русские	262989	2721	53767	12641	99624	9042	51757	25753	6842	823
Долганы	209	8	47	24	43	8	57	21	1	-
Эвенки	4221	76	906	318	1071	141	1118	470	97	24
Эвены	3909	38	754	288	1019	127	1086	448	118	31
Юкагиры	389	9	83	32	104	6	102	50	3	-
Чукчи	198	1	18	5	52	9	63	45	4	1

Как видно из представленных таблиц, в городских поселениях Якутии численность якутов (саха) с высшим образованием возросла на 8,3%, соответственно, у русских – на 6,4%, эвенков – на 4,9%, эвенов – на 3,8%, долган – на 3,3%, юкагиров – на 0,5%. Число лиц, получивших среднее специально профессиональное образование, возросло среди русских, долган и эвенков. Численность населения с начальным профессиональным образованием уменьшилась во всех этнических груп-

пах, проживающих в городской местности Якутии. Число людей, не имеющих профессионального образования, снизилось среди всех групп, однако у эвенков и юкагиров незначительно. В переписной период возросло количество долган, что сказалось и на числе лиц без профессионального образования – их стало меньше.

Не имеют профессионального образования 27% горожан-сахы, 32,3% русских, 37,8% долган, 40,4% эвенков, 43,05% эвенков, 39,8% юкагиров и 57,0% чукчей. При этом нельзя говорить о том, что отдельные этнические группы имеют принципиально иную от прочего населения республики возрастную (молодую или старую) структуру.

В сельской местности Якутии людей с высшим образованием также стало больше (см. табл. 5.7-5.8). Наибольший прирост отмечается у якутов (сахы) – на 6,3%, соответственно, у долган – на 4,6%, эвенков – на 4,3%, эвенков – на 2,3%, юкагиров – на 2,2%. Число населения со средним профессиональным образованием выросло среди саха, русских и эвенков; однако прирост невысокий. Доля лиц, получивших начальное профессиональное образование, возросла среди долган и юкагиров. В межпереписной период среди русских и юкагиров увеличилась доля лиц, не имеющих профессионального образования.

Таблица 5.7

**Уровень образования сельского населения Якутии
в этническом разрезе (по данным ВПН-2002)**

	Численность	Послевуз	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	195155	147	19021	4723	47607	28261	50547	26324	14169	4133
Русские	20599	10	1146	266	5577	2828	4465	4084	1947	215
Долганы	646	-	32	17	141	48	185	156	60	5
Эвенки	9291	3	549	159	2024	961	2804	1889	764	131
Эвены	5371	3	278	110	1060	507	1686	1161	475	86
Юкагиры	428	1	20	14	91	23	124	111	40	4
Чукчи	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

**Уровень образования сельского населения Якутии
в этническом разрезе (по данным ВПН-2010)**

	Численность	Послевуз	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	Начальное проф.	Общее среднее	Основное	Начальное	Прочие
Саха	207519	723	33343	8171	55877	19296	53818	24761	9382	2146
Русские	21038	78	1589	547	6060	1665	5476	4082	1311	230
Долганы	1072	1	103	30	173	146	299	222	85	13
Эвенки	10717	39	1091	324	2325	867	3480	1814	666	111
Эвены	6941	11	520	213	1402	496	2543	1299	390	67
Юкагиры	481	3	33	16	85	30	158	120	35	1
Чукчи	279	-	9	7	50	13	76	100	23	1

Неоднозначной предстает динамика численности лиц, не имеющих профессионального образования. В частности, среди одних этнических групп фиксируется тренд ее снижения: у якутов (саха) – с 48,7% в 2002 г. до 43,4% в 2010 г., соответственно, у эвенков – с 60,1% до 56,6%, долган – с 62,8% до 57,7%, эвенов – с 63,45% до 61,94%; в то же время наблюдается их рост: у юкагиров – с 65,19% до 65,28%, русских – с 52% до 52,8%. По данным последней Всероссийской переписи населения, в сельской местности республики не имеют профессионального образования 71,7% чукчей. Таким образом, можно констатировать наличие диспропорций в образовательном уровне представителей разных этнических групп Якутии. В наиболее неблагоприятном положении находятся коренные малочисленные народы Севера.

В этой связи интерес представляют данные аналитического доклада «Доступность высшего образования в регионах России»²¹⁵, где Якутия оказалась на 63 месте (см. табл. 5.9). В настоящее время общероссийский показатель охвата молодежи программами высшего образования составляет 33%, однако ситуации в отдельных регионах страны сильно различаются. Почти в половине российских регионов охват населения в возрасте 17-25 лет местами в вузах составляет менее 28%. Наибольшими показателями выделяются Курская область (49,6%), Московский регион (49,2%) и Томская область (46,4%). В Ненецком автономном округе, где вузы отсутствуют, а также в Чукотском автономном округе возможности получить высшее образование практически нет.

²¹⁵ Доступность высшего образования в регионах России. – М., 2016. – 32 с. (Современная аналитика образования. № 8).

Высокий охват молодежи высшим образованием в Курской области, где обучается примерно 1% всех студентов России, объясняется сравнительно большой сетью вузов с учетом общей численности ее населения. Здесь функционируют 14 высших учебных заведений, контингент которых варьируется от 380 до 6100 студентов.

Таблица 5.9

Место Якутии в ранжированном списке региональных систем высшего образования по уровню обеспеченности местами*

	Количество мест	Численность населения 17-25 лет, чел.	Охват, %	Место
Российская Федерация	5 209 019	15 854 942	32,9	-
Курская область	55 736	112 258	49,6	1
Московский регион	935117	199725	49,2	2
Томская область	65115	140431	46,4	3
Республика Саха (Якутия)	30 422	124 869	24,4	63-64
Ямало-Ненецкий автономный округ	5602	53121	10,5	80
Чукотский автономный округ	478	4690	10,2	81
Ненецкий автономный округ	0	4 320	0,0	82

В аналитическом докладе отмечается, что в Республике Саха реализуется инициативный проект поддержки целевого набора в лучшие вузы страны и других российских регионов. Так, в 2016-2107 гг. осуществлен набор в более 140 высших учебных заведений на более чем 900 мест, расположенных в основном в регионах, с которыми республика поддерживает воздушное сообщение²¹⁶. По мнению экспертов, такая политика несколько компенсирует довольно низкий уровень образования в вузах Якутии. Данное заключение основано на том, что республика входит в число регионов, где нет вузов, в которых средний показатель ЕГЭ зачисленных на первый курс студентов превышал бы 70 баллов. По данным Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова – ведущего вуза Республики Саха (Якутия), – вступительный средний балл ЕГЭ возрос с 53,86 в 2009 г. до 64,37 в 2018 г.

При оценке доступности образования в России эксперты указывают на необходимость учета двух важных факторов. Одним из них является территориальная «плотность» сети высшего образования (расстояние до университета/института), влияющая на охват высшим образованием. Территориальная доступность рассматривается в двух аспектах: а) издержки, связанные с перемещением (стоимость переезда, аренда жилья), издержки, связанные с разделением семьи на два домо-

²¹⁶ Там же.

хозяйства, затраты на поездки домой и пр.); б) «эффекты соседства» (влияние наличия университета на среду, социальные связи, информатизация и пр.).²¹⁷

Финансовая доступность высшего образования предполагает учет не только стоимости обучения, но и всего комплекса сопровождающих его затрат, в т. ч. и для бюджетных студентов. Отсутствие финансовой поддержки, слабо развитая инфраструктура вузов, ограниченное количество бюджетных мест в регионе и непосредственно дороговизна обучения ограничивают доступ к образованию абитуриентов из семей с низкими доходами. Недооценка этого фактора имеет существенные риски, так как прямая корреляция возможности получения высшего образования с уровнем доходов может привести к маргинализации целых групп населения и деградации территорий.

В целом, несмотря на значительное изменение конкурсной ситуации в лучшую для выпускников школ сторону, социальное неравенство при поступлении в вузы страны сохранилось²¹⁸. В научной литературе также отмечается, что в России низкий уровень образовательного и квалификационного капиталов ассоциирован с низкими доходами населения. В связи с этим мы бы хотели проследить параллели между образовательным уровнем респондентов и их оценкой своего материального статуса, обращаясь к результатам социологического исследования «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия). Было опрошено 1073 респондента: в г. Якутске (n=402), Нерюнгринский район (n=199), Олекминский район (n=152), Аллаиховский район (n=106), Усть-Янский (n=102), Анабарский (n=112). Из них 53% женщин и 47% мужчин. По возрасту: 18-22 года – 13,1%, 23-34 года – 28,4%, 35-44 года – 20,1%, 45-54 года – 19,7%, 55-64 года – 12,6%, старше 65 лет – 6,1%.

Респондентам было предложено ответить на вопрос «Укажите, пожалуйста, к какому социальному слою населения Вы себя относите?», к которому прилагались следующие варианты ответов на их выбор:

- 1 – «Не можем обеспечить себя питанием, одеждой и жильем»;
- 2 – «Хватает только на еду и необходимую одежду»;
- 3 – «Хватает на еду и одежду, но приобрести товары длительного пользования и бытовую технику для нас затруднительно»;
- 4 – «Хватает на еду, одежду, предметы длительного пользования и транспорт»;
- 5 – «Хватает на жизненные и культурные потребности»;

²¹⁷ *Доступность высшего образования в регионах России.* – М., 2016. – 32 с. (Современная аналитика образования. № 8).

²¹⁸ Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015. С. 184–209.

6 – «Хватает на все потребности (недвижимость, транспорт, отдых за границей)».

Крайние позиции в ответах «1-2» и «5-6» были сложены, в итоге образовались четыре условные группы респондентов, отличающиеся социально-экономическим статусом их членов: «бедствующие» – 20,2% «малообеспеченные» – 26,3%, «среднеобеспеченные» – 30,9%, «обеспеченные» – 22,5% от общей выборки.

Как представлено на рис. 5.1, в группе «обеспеченных» 57,10% респондентов имеют высшее образование. В данной группе меньше всего лиц с неоконченным высшим, средним специальным и средним общим образованием. Разница между ответами носит не случайный характер. То есть более высокий уровень образования дает возможность подняться по ступенькам социальной иерархии, но не гарантирует высокие доходы.

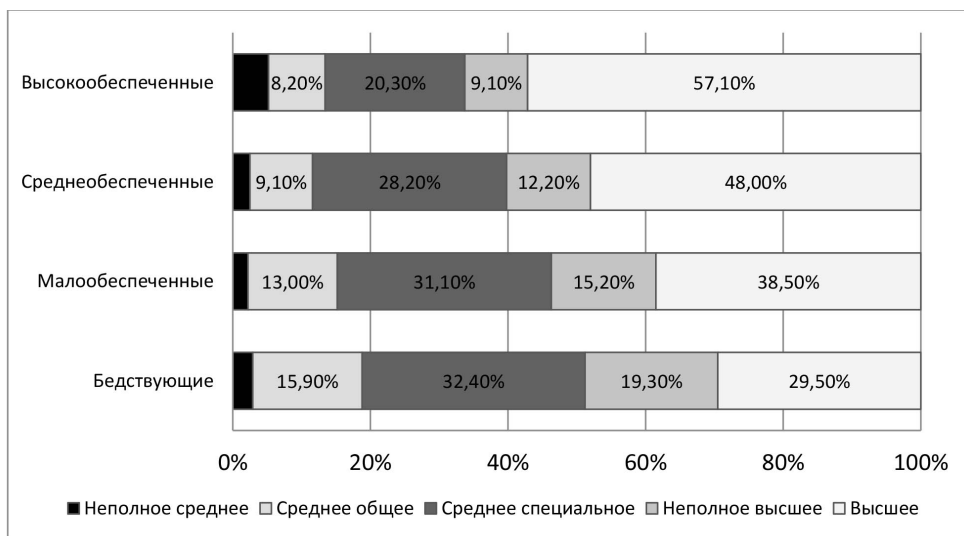

Рис. 5.1. Образовательный статус опрошенного населения по 4 группам

Бедствующие, напротив, демонстрируют наиболее низкие показатели по числу лиц с высшим образованием. Для этой группы характерен высокий уровень лиц со средним специальным и неоконченным высшим образованием. По всей видимости, неоконченное высшее образование является определенным маркером отсутствия у человека качеств востребованных современным рынком труда. С этим соотносятся идеи, высказанные А.Г. Левинсоном. По данным его исследований, работодатель, выбирая работника из нескольких кандидатов, отдавал предпочтение тому, кто окончил вуз, прежде всего потому, что, во-первых, такой человек более дисциплинирован и ответственен, более обучаем.

Во-вторых, если речь идет о работе на «первой линии», предполагающей общение с покупателями, клиентами, партнерами, выпускник вуза тем более предпочтителен, поскольку он, как правило, лучше воспитан, способен вести беседу, объяснять и убеждать.

То есть важной оказывается сама учеба как процедура, навыки общения с текстами, атмосфера вуза, субкультура преподавателей как образец. Перечисленные факторы, побочные и контекстуальные относительно любого специального образования как раз оказались главными, поскольку формировали востребованные рынком, выстроенным преимущественно сферой услуг, качества работников. Падение качества образования в вузах явилось лишь отражением объективного процесса приспособления высшей школы к рынку труда, не нуждавшегося в специализированных знаниях работников.

В связке с вышеуказанными процессами следует рассматривать тренд, сложившийся в среде самозанятых, когда одним из индивидуальных решений становится выбывание из образовательной гонки, которая стимулирует людей к тому, чтобы учиться дольше и получить образование наиболее высокой квалификации.

Однако большинство тех, кто не находится на ведущих позициях в конкурентной борьбе и не имеет связей, не приближаются при этом к элитарным рабочим местам. В этой ситуации часть молодежи уходит в сферы занятости, связанные с неквалифицированным и низкоквалифицированным трудом. Иными словами, имея возможность напрямую – посредством информационных технологий – продавать услуги, не требующие высокой квалификации, они оказываются в ситуации, когда становится очевидным отсутствие необходимости в высшем образовании. Общий тренд, однако, от этого пока не поменял своего вектора.

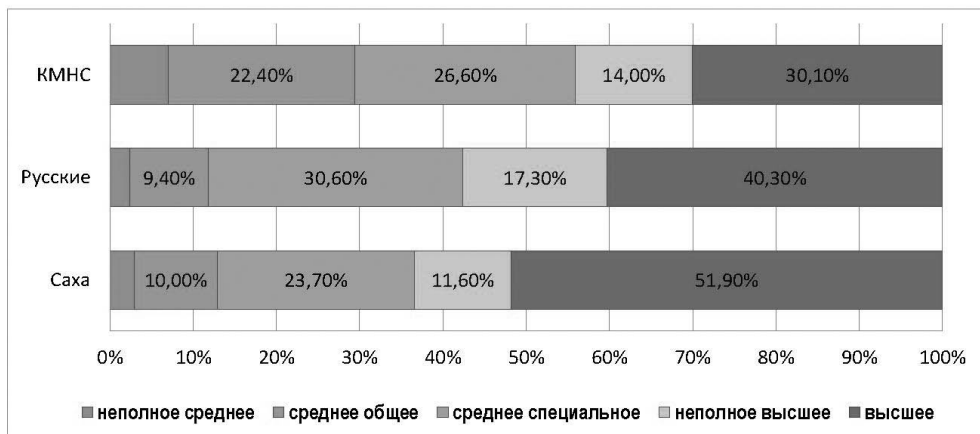

Рис.5.2. Уровень образования респондентов в этническом разрезе

Как можно заметить из рис. 5.2, существует заметный разрыв в образовательном уровне представителей различных этнических общностей. Наиболее высоким уровнем образования отличаются якуты (саха) – более половины опрошенных указали на наличие высшего образования. По всей видимости, в высоком уровне образованности данной группы мы видим инерционные последствия тренда, заложенного в советское время.

Среди КМНС больше лиц с неполным средним и средним общим образованием и меньше людей с высшим образованием. Схожие данные были опубликованы в работе сотрудников ФНИСЦ РАН Маркина В.В., Силина А.Н., Воронова В.В.²¹⁹. Они установили, что для населения КМНС высшее образование не носит массового характера. Однако его наличие кардинально меняет привлекательность тех или иных сфер деятельности.

У русского населения, в сравнении с саха и КМНС, значительную часть составляют люди со средним специальным образованием, также в этой группе наблюдается большое число лиц, указавших на наличие неполного высшего образования.

Рис.5.3. Социально-экономический статус респондентов в разрезе указанной этнической принадлежности.

Далее рассмотрим, имеется ли зависимость между этнической принадлежностью и социально-экономическим статусом. На рис. 5.3 заметно, что наибольшие различия между этническими группами наблюдаются в группах «малообеспеченных» и «среднеобеспеченных» респон-

²¹⁹ Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154.

дентов. Среди представителей КМНС больше всего бедных, малообеспеченных людей, в то время как у саха преобладают среднеобеспеченные и высокообеспеченные. Русские занимают промежуточную позицию.

Как демонстрирует табл. 5.10, социально-экономический статус во многом сопряжен с имеющимся образовательным уровнем. Так, основную группу «бедствующих» русских респондентов составляют лица со средним специальным образованием, тогда как их наиболее зажиточная часть имеет высшее образование. Подавляющее большинство обеспеченных и высокообеспеченных среди респондентов-КМНС и якутов (саха) также являются выпускниками вузов.

Таблица 5.10

**Образовательный уровень представителей этнических групп
в зависимости от социально-экономического статуса**

	Социально-экономический статус	неполное среднее	среднее общее	среднее специальное	неполное высшее	высшее
Русские	бедствующие	6,70	8,30	50,00	16,70	18,30
	малообеспеченные	0,0	12,90	28,00	22,60	36,60
	среднеобеспеченные	1,10	5,30	31,90	13,80	47,90
	обеспеченные	1,40	6,80	20,30	16,20	55,40
Саха	бедствующие	1,10	15,70	22,50	21,30	39,30
	малообеспеченные	5,40	9,00	31,50	8,10	45,90
	среднеобеспеченные	1,20	8,60	25,8	9,20	55,20
	обеспеченные	3,70	8,40	15,90	6,50	65,40
КМНС	бедствующие	0,00	40,70	22,20	7,40	29,60
	малообеспеченные	0,00	22,40	32,70	14,30	30,60
	среднеобеспеченные	13,90	13,90	25,00	25,00	22,20
	обеспеченные	17,20	17,20	24,10	0,00	41,40

Вместе с тем, высшее образование не всем дает возможности для достижения высокого благосостояния. В частности, об этом свидетельствует тот факт, что у респондентов-КМНС больше всего лиц с неполным средним, средним общим и средним специальным образованием, по сравнению с русскими и саха, заявивших о своих средних и высоких доходах. Именно у них не наблюдается прямой зависимости между уровнем образования респондентов и ростом их материального достатка.

Пищу для серьезных размышлений дает выявленный исследованием состав группы «бедствующих» респондентов в зависимости уров-

ня образования. Так, согласно результатам массового опроса, наиболее высокий уровень бедности характерен для представителей КМНС со средним общим образованием, соответственно, русских – со средним специальным образованием, якутов (саха) – с высшим образованием.

В качестве комментария укажем на то, что еще к концу 1980-х годов повсеместно сложилась ситуация, когда далеко не все обладатели дипломов высших или средних специальных учебных заведений выполняли трудовые функции, соответствующие их образовательному уровню. В Якутской АССР в конце 1950-х годов кадры якутской интеллигенции в городах во многом комплектовались из людей, не имеющих высокой образовательной подготовки. К концу же 1980-х гг. уже далеко не все якуты с высшим образованием могли найти для себя соответствующую работу²²⁰.

На сегодняшний момент довольно узкий бюджетный рынок труда Республики Саха не может предложить всем людям, получившим высшее образование, рабочее место с соответствующей квалификацией. Большое воздействие оказывают влиятельные земельно-территориальные и родственные связи, канализирующие доступ к ограниченным экономическим и социальным ресурсам общества: бизнесу, служебной карьере, престижному образованию, профессиональным позициям и т. д. Исследователи отмечают амбивалентность таких социальных сетей: позитивные коннотации связываются с моральной и материальной поддержкой, негативные – со случаями нескрываемого лоббирования и nepoтизма при найме на выгодную работу или при назначении на должность, принимающими порой ошеломляющие масштабы²²¹.

Итоги многих исследований показывают, что социализация в семье прямо влияет не только на уровень образования и квалификации человека, но и на мобильность его психики, тип локус-контроля, а также его включенность в процесс непрерывного образования²²².

Следует принять во внимание и такие мировые тренды в сфере высшего образования, как его девальвация и рост значимости престижа учебного заведения. Известно, что современные университеты, которые активно трансформируются, становятся все более ориентиро-

²²⁰ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. – С. 47.

²²¹ *Игнатьева В.Б.* Этничность как идеология потребительства: антропологический анализ повседневности саха // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. – Барнаул, 2012. – С. 82–90; *Mandelstam Balzer, M.* Whose Homeland Is It? Shifting Boundaries and Multiple Identities in the Russian Federation North // Properties of Culture-Culture as Property: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. – Berlin, 2004. – Pp. 233–256

²²² *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. – М., 2014. *Бурдые П., Пассрон Ж.К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования. – М., 2007. – 267 с.

ванными на диверсификацию доходов, включая продажу своих компетенций. Для примера приведем ситуацию в сфере британского образования, описанную Т. Иглтоном: «Как только студенты оказываются в их руках, вузы начинают давить на преподавателей, чтобы те не ставили плохих оценок, ведь это риск потерять деньги. Общая идея состоит в том, что провал студента – это вина педагога, точно так же как в больницах ответственность за смерть пациента возлагают на медицинский персонал»²²³. Схожую тенденцию отмечают и российские исследователи²²⁴. Сегодня диплом о высшем образовании может получить почти каждый, у кого есть деньги, в этой ситуации гораздо большее значение приобретают дипломы престижных учебных заведений.

Социально-экономическое положение и образование родителей в современной России являются ведущими факторами, определяющими достижения ученика, а следовательно, его дальнейшую образовательную и жизненную траекторию²²⁵. Следовательно, дальнейшее углубление неравенства в образовании будет стимулировать снижение социально-экономического статуса отдельных людей/групп.

Несмотря на повсеместное ухудшение социально-экономического положения населения Якутии, особенно проживающего в отдаленных и труднодоступных сельских населенных пунктах республики, выбор объектов патерналистской политики государства²²⁶ поднимает более широкие вопросы. При этом обращает на себя внимание чрезмерный упор на проблемы социальной маргинализации коренных малочисленных народов Севера, описываемых как продукт культурной специфики, которую невозможно модифицировать. Довольно странно, что при описании аналогичных проблем других этнических групп, как правило, указываются иные факторы.

Имеющиеся многочисленные фреймы по вопросам доступа к образованию и участия в экономике народов Севера искусственно сводятся к культурализации этничности, которая выглядит как средство ее деполитизации, а понятие «культурное» нередко используется как синоним неполитического. Только такая активность меньшинств, которая связана с культурой (часто в фольклорно-этнографическом понима-

²²³ *Иглтон Т.* Медленная смерть университета // Совет ректоров. – 2015. – № 4. – С. 19–26.

²²⁴ *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. – 2019. – № 2. – С. 98–124.

²²⁵ *Фрумлин И.Д., Пинская М.А., Косарецкий С.Г.* Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 17–24.

²²⁶ *Тишков В.А.* Современное положение и перспективы развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Независимый экспертный доклад. – Новосибирск, 2003. – С. 5–13.

нии), признается и поощряется государством. Политикой и экономикой распоряжаются другие; при этом другие их проблемы, как дискриминация и социальная маргинализация, обходятся молчанием или описываются как продукт культурной специфики²²⁷.

Пример культурализации государственной национальной политики России демонстрирует план мероприятий по реализации в 2016-2025 гг. «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В нем указано, что государство окажет содействие исключительно активности этнических меньшинств в области культуры и традиционных хозяйств, представленных в данном документе в рамках «мероприятий в сфере образования, направленных на повышение качества их жизни». Кроме того, будут поддерживаться организации этнокультурной направленности и мероприятия, призванные содействовать «межкультурному диалогу». Таким образом, вопросы, относящиеся непосредственно к повседневной жизни людей, к росту качества их жизни, в значительной степени остаются риторическими. По мнению А.Г. Осипова, с связи с этим возникает необходимость изменить всю систему сложившихся отношений, создать условия для большей социальной мобильности ущемленных групп и сократить неравенство²²⁸.

В целом, обсуждение проблемы равенства в образовании выводит на плоскость наиболее актуальных вопросов современного этносоциального развития народов Республики Саха (Якутия). Главным образом, это разрыв в социально-экономическом развитии улусов (районов) республики, различия в доходах, уровне и качестве жизни городских и сельских домохозяйств, трансформация института семьи и др. В условиях недостаточного развития транспортной схемы и системы коммуникаций они самым неблагоприятным образом экстраполируются в область образования, не позволяя многим молодым людям, особенно из отдаленных северных и арктических районов Якутии, продолжить свое образование²²⁹.

Дождаться часа, когда республика сумеет трансформировать свой богатейший ресурсный потенциал в долгосрочную финансово-экономическую стабильность и высокий уровень жизни своего населения, молодежь Якутии не должна. Принципы социального государства диктуют необходимость проведения в республике дифференцированной образовательной политики, выработки преференциального подхода в

²²⁷ *Осипов А.Г.* Этничность и равенство в России: особенности восприятия. – М., 2012. – 200 с.

²²⁸ *Осипов А.Г.* Этничность и равенство в России: особенности восприятия. М., 2012. – С.37.

²²⁹ *Васильева О.В., Маклашова Е.Г.* Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. – Якутск, 2018.

области образования детей и молодежи, нацеленного на выравнивание не только условий их стартовой мобильности, а также и социальных позиций этнических групп Якутии.

ГЛАВА 6.

Социальный капитал общества и проблема межэтнической напряженности

Эта глава посвящена роли социального капитала в условиях, когда базовым основанием для интеграции является этническая идентичность. Показательно, что ученые-исследователи все больше склоняются к идее, что в процессе интеграции общества важную роль играет социальный капитал. Социальный капитал – это термин, характеризующий качество социальных связей, в т. ч. семейных уз и тесных межличностных контактов внутри профессионального, религиозного или иного локального сообщества²³⁰. Хотя в научном сообществе нет единого мнения по поводу содержания данного термина, в него часто включают следующие характеристики:

- 1) уровень доверия (межличностного и межгруппового);
- 2) количество и качество межличностных связей в социуме;
- 3) социальных ценностей и норм, способствующих (препятствующих) добрососедским взаимоотношениям между людьми.

По мнению Р. Патнэма, доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений²³¹. Соответственно, чем выше уровень доверия, проявляемого людьми друг к другу, тем проще происходит формирование социальных связей.

Рост недоверия между представителями различных социальных слоев и групп населения влечет за собой высокий градус напряженности в обществе. Следовательно, можно предположить рост напряжения и в межнациональной сфере общественных отношений. Понятно, что учет социального капитала как группового ресурса стимулировал по всему миру умножение исследований проблемных зон глобальных и локальных этносоциальных процессов, в т. ч. существующих и потенциальных барьеров интеграции.

²³⁰ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.

²³¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996. – С. 214–215.

В указанном контексте представилось интересным изучить и обсудить тему доверия к различным институтам и структурам общества применительно к социологическим реалиям Республики Саха (Якутия). При этом мы исходим из того, что доверие к таким абстрактным системам представляет тот тип доверия, который обеспечивает ощущение надежности повседневных отношений²³². Институциональное, или системное, доверие редуцирует растущую неопределенность и сложность современного общества, аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики²³³.

Таблица 6.1.

Уровень доверия институтам и структурам общества, в %

	Доверие в полной мере	Доверие в некоторой мере	Отсутствие доверия
Соседи	58,5	31	10,4
Коллеги	36,4	51,9	11,6
СМИ	19,5	52,1	28,4
Гос. органы власти РС(Я)	13,6	50,5	35,9
Гос. органы власти РФ	14,4	53,9	31,7
Органы местного самоуправления	13,6	57,5	28,8
Церковь	17,3	43	39,8
Общественные организации	18,7	50,1	31,3
Полиция	19,1	54,6	26,3

В нашем исследовании респондентам было предложено оценить свое доверие к соседям, коллегам по работе, средствам массовой информации, общественным организациям, полиции, церкви, органам власти регионального и федерального уровня, органам местного самоуправления в трех вариантах: «доверяю в полной мере», «доверяю в той или иной мере», «не доверяю». Далее полученные оценки переформатировались в дихотомическую шкалу «доверяю» – «не доверяю». Была создана переменная «индекс доверия институтам и структурам в Республике Саха (Якутия)» (далее – индекс доверия) по шкале, где 0 означает полное отсутствие доверия; 9 – абсолютное доверие.

²³² Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. – Stanford, 1991. – P.256.

²³³ Трофимова И.Н. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // *Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 168–187.*

Как можно заметить, самый высокий уровень доверия люди выражают в отношении своего непосредственного окружения (см. табл. 6.1). Наиболее низким уровнем доверия респондентов характеризуются такие институты, как церковь и государственные органы власти Республики Саха. Наиболее высокий совокупный уровень доверия получили полиция (73,7), средства массовой информации (71,6) и органы местного самоуправления (71,1); наиболее низкий – церковь (60,3).

Сравнение полученных данных с результатами социологических исследований по России в целом выявило специфическую ситуацию. Так, наибольшее доверие россиян в октябре 2016 г., по данным Института социологии РАН, получила так называемая державная триада – президент России, российская армия и православная церковь, а наименьшее доверие они выразили представительным институтам: Совету Федерации, Государственной думе, органам местного самоуправления, политическим партиям²³⁴. Также интересно, что церковь, занимающая высокие позиции в общероссийском массовом сознании, в Якутии не имеет особой поддержки.

Генерализация всех оценок вывела средний уровень доверия респондентов, равный 6,4, т. е. сравнительно высокий показатель. Также была построена диаграмма рассеяния, раскрывающая связь между категориями «индекс доверия» институтам и структурам общества и «оценка состояния межнациональных отношений». Для наглядности на ней проведена линия интерполяции, которая демонстрирует их корреляцию (см. рис. 6.1). Как оказалось, чем выше уровень доверия ре-

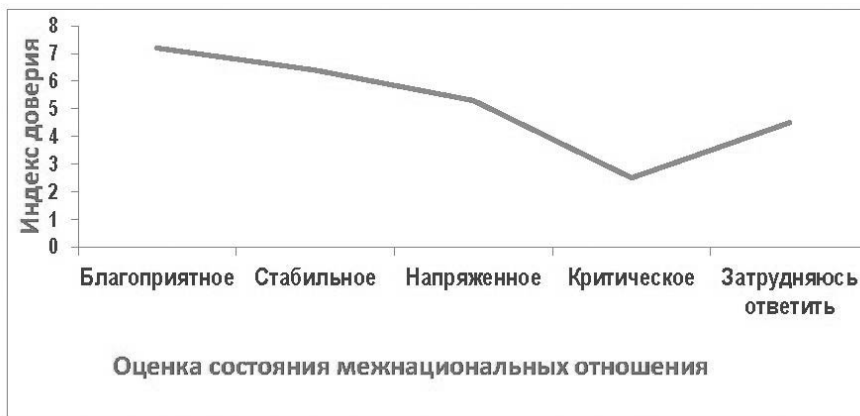

Рис.6.1. Индекс доверия в зависимости от оценки состояния межнациональных отношений в населенном пункте

²³⁴ Трофимова И.Н. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. – М., 2017. – С. 169.

спондента, тем благоприятнее его оценка межнациональных отношений в своем населенном пункте. Отметим, что обобщенное доверие отражает готовность к сотрудничеству, формированию общих интересов и способность к конструктивному взаимодействию.

Далее рассмотрим связь оценки межнациональных отношений с рядом предикторов, включающих следующие переменные: индекс доверия, социально-экономическое положение респондентов, образование, возраст. Полученные оценки межнациональных отношений по 5 предложенным вариантам был перекодированы и сведены к двум значениям: оценки «1 – благоприятные» и «2 – стабильные» показывают «благоприятные отношения»; оценки «3 – напряженные» и «4 – критические» означают «напряженные, конфликтные отношения»; оценка «5 – затрудняюсь ответить» была исключена из анализа. Произведенные по данной шкале расчеты выявили следующую картину: 89,2% респондентов оценивают состояние межнациональных отношений в своем населенном пункте как «благоприятные»; 10,2% – как «напряженные и конфликтные».

Для более детального анализа социологических данных был использован метод бинарной логистической регрессии, где зависимой переменной является оценка межнациональных отношений, принимающая лишь одно из двух значений: «1 – благоприятные» или «2 – напряженные, конфликтные».

Таблица 6.2

**Результаты бинарной логистической регрессии
с зависимой переменной
«оценка межнациональных отношений»**

Независимые переменные	B	Стандартная ошибка	Вальд	Значимость
Индекс доверия	-,214	,052	17,092	,000
Принадлежность социально-экономическим группам	-,452	,191	5,625	,018
Возраст	-,351	,103	11,621	,001
Constant	1,017	,532	3,650	,056

Визуализация проведенной логит-регрессии обнаруживает наличие связи между возрастом респондентов и их оценкой состояния межнациональных отношений в своем населенном пункте (см. табл. 6.2). Обратный знак значений сообщает о том, что по мере их взросления снижается вероятность оценок межэтнических отношений как «напряженных, конфликтных». Значимость также имеет такой предиктор, как экономический статус респондентов. Чем выше оценка своего матери-

ального достатка, тем ниже вероятность негативных оценок состояния межнациональных отношений. Таким образом можно предположить, что наиболее критические оценки дают молодые люди с низким уровнем доходов.

Немаловажным оказался фактор уровня доверия и оценки состояния межнациональных отношений. Так, с ростом доверия социальным институтам происходит снижение числа респондентов, оценивающих состояние межнациональных отношений как «напряженных, конфликтных». Напротив, среди тех, кто мало доверяет социальным институтам, чаще встречаются негативные оценки.

Во многих работах приводятся данные массовых социологических опросов, посвященных отношению принимающего населения к миграции рабочей силы в регионах России. Применительно к Якутии наше внимание привлекли результаты общенационального исследования, проведенного в рамках проекта «Общественное мнение о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе» (руководитель – акад. В.А. Тишков). По вопросу о необходимости ограничения въезда в Россию трудовых мигрантов из других государств здесь выявилось наличие заметной социальной напряженности, связанной с выходцами из Таджикистана (84,5% респондентов за ограничение), Кыргызстана (83%), Узбекистана (82%), Китая (82%), Армении (74,5%), Азербайджана (73,5%), Абхазии (69%), Южной Осетии (63,5%), Грузии (57,5%) и Украины (48%). Наиболее желательными были признаны приезд в Якутию трудовых мигрантов из Белоруссии (75%), Казахстана (66,5%), Прибалтийских государств (60%), Молдовы (59,5%)²³⁵.

Не трудно заметить, что подавляющее большинство опрошенного населения Якутии включает в потенциальное «поле конфликта» выходцев из Средней Азии и Кавказа. В связи с этим интересным представилось выявить отношение к данным группам мигрантов наших респондентов.

Отметим, что полученные от респондентов ответы были перекодированы и сведены к двум значениям: ответы «1 – позитивно» и «2 – спокойно» выказывают «позитивно-нейтральное отношение»; ответы «3 – с раздражением, неприязнью» и «4 – с недоверием, страхом» означают «негативное отношение»; ответ «5 – затрудняюсь ответить» исключен из анализа.

Проведенный анализ установил наличие связи с двумя переменными: индексом доверия и принадлежностью респондента к определенной социально-экономической группе. Возраст и образование опрошенных лиц в данном случае не являются значимым фактором (см. табл. 6.3). Фиксируется снижение численности людей, имеющих негативное

²³⁵ *Игнатьева В.Б.* Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 86–95.

отношение к приезжим, по мере роста индекса доверия. Также, чем выше оценка респондентом своего материального положения, тем меньше он склонен относиться к приезжим с Кавказа и Средней Азии негативно.

Таблица 6.3

Результаты бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «отношение к приезжим с Кавказа и Средней Азии»

Независимые переменные	В		Стандартная ошибка		Вальд		Значимость	
	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия
Индекс доверия	-,180	-,132	,037	,039	23,265	11,475	,000	,001
Принадлежность социально-экономическим группам	-,506	-,624	,134	,141	14,316	19,571	,000	,000
Возраст	-,015	,068	,063	,066	,058	1,069	,810	,301
Образование	-,010	,067	,081	,084	,016	,632	,899	,427
Constant	1,278	,547	,460	,481	7,731	1,297	0,005	,255

Прямая корреляционная связь между доверием и отношением к «чужим» имеет несколько объяснений. Считается, что люди, обладающие большими ресурсами, будут более доверчивыми; особое значение имеет индивидуальный капитал. Действительно, по данным российских исследований, успешные россияне демонстрируют более высокий уровень доверия практически всем институтам.

Кроме того, доверие рассматривается как значимая степень уверенности человека в завтрашнем дне. Уверенность и высокий уровень имеющихся ресурсов делают его склонным к принятию риска, связанного с отношением к «чужим».

Для сравнения приведем данные об отношении респондентов к русским и якутам (саха), которым главным образом и составляют основную часть принимающего населения Якутии. Из табл. 6.4 видно, что значимым в обоих случаях оказывается лишь такой предиктор, как индекс доверия. Таким образом, как и в иных исследованиях, проведенных в России²³⁶, показатели позитивно-нейтрального отношения к представителям численно доминирующих этнических групп республики оказались выше среди тех лиц, кто в целом доверяет людям, чем среди тех, кто в целом не доверяет.

²³⁶ Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс]. – М., 2014. URL: [http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2(1).pdf) (дата обращения: 12.11. 2015).

**Результаты бинарной логистической регрессии
с зависимой переменной «отношение якутам (саха) и русским»**

Независимые переменные	B	Стандартная ошибка	Вальд	Значимость
Отношение к якутам (саха)				
Индекс доверия	-,350	,077	20,551	,000
Constant	-1,257	,392	10,312	,001
Отношение к русским				
Индекс доверия	-,273	,139	3,856	,050
Constant	-2,966	,746	15,805	,000

Доверие формируется на основе определенных норм и правил, относительно которых сложился социальный консенсус, и выступает неизменным условием длительных и стабильных социальных отношений.

В свою очередь, в оценке отношения к этническим группам инонационального населения Якутии влияет социально-экономический статус респондентов. Своё негативное отношение к ним чаще высказывают люди с небольшим материальным достатком и низким доходом.

Можно также утверждать, что индекс доверия и социально-экономический статус респондентов связаны с их возможностью влиять на механизмы принятия решений в рамках сложившейся системы институтов общества. Для подтверждения этого тезиса проанализируем ответы на вопрос «Можете ли Вы повлиять на принятие управленческих решений, имеющих общественный характер, в Вашем населенном пункте?» с предложенными на выбор респондентов 3 вариантами оценок: «1 – да, в полной мере»; «2 – могу оказать некоторое влияние»; «3 – нет».

Выяснилось, что в группе «малообеспеченных» возможность повлиять на события положительно оценивают 32,5% респондентов (выбор ответов «1» и «2»); в группе «среднеобеспеченных» – 42,4%, «высокообеспеченных» – 64% респондентов. Таким образом, с одной стороны получается так, что чем большим влиянием обладает человек и чем выше его социально-экономический статус, тем в большей мере от него можно ожидать более доверительного отношения к людям и к мигрантам.

Существует мнение, что в современной России тормозом для формирования культуры доверия в обществе являются дефицит правового сознания, общераспространенное неуважение к закону, а также высокий уровень недоверия судебной системе и прочим институтам, обеспечивающим правопорядок²³⁷.

²³⁷ Мукомель В.И., Рыжова С.В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 37–46; Правовое сознание населения Республики Саха (Якутия). Данные. Анализ. Дискуссии. – Якутск, 2004. – 102 с.

В связи с этим обратимся к данным нашего исследования относительно правосознания населения Якутии, сосредоточившись на таком важном индикаторе, характеризующем его уровень, как отношение к коррупции и соблюдению законов. Известно, что вопросы коррупции особенно муссируются при анализе ключевых проблем развития российского общества, включая и внешнюю миграцию. При этом весьма распространенными остаются стереотипные представления и мнения о том, что именно трудовые мигранты, слабо интегрированные в социальную среду принимающего общества, провоцируют рост коррупции и преступности.

Неуверенность в эффективности официальных структур и институциональных процедур, следовательно, и недоверие к ним, может рассцениваться как фактор, провоцирующий расширение зоны использования неформальных практик, носящих противозаконный или полулегальный характер. По мнению Г.М. Заболотной, в российском обществе давно наметилась тенденция к замене доверительных отношений квазидоверительными, проявляющимися в форме взяток, блата, бартера, «крыши», «отката» и др., которые компенсируют отсутствие базового доверия²³⁸.

Таблица 6.5

Отношение к коррупционному поведению в зависимости от возраста респондента, в %

	Да, считаю это оправданным и приемлемым	Скорее да, потому что в нашей стране без этого не обойтись	Скорее нет, это неправильно, но в исключительных случаях можно	Нет, это неприемлемо	Затрудняюсь ответить
18-22	27,7	25,3	24,1	18,1	4,8
23-34	16,7	20,4	26,9	30,1	5,9
35-44	10,6	16,3	39,0	29,3	4,9
45-54	11,4	18,7	24,4	35,0	10,6
55-64	8,0	19,3	25,0	36,4	11,4
65 +	2,2	10,9	32,6	45,7	8,7
Всего	13,7	19,1	28,5	31,3	7,4

Отчасти это подтверждается результатами нашего опроса: 61,3% респондентов так или иначе оправдывают стимулирование должностных лиц, от которых зависит принятие того или иного решения, подарками, деньгами или встречными услугами. При этом наиболее высокий уровень одобрения такого противоправного поведения наблюдается в молодых возрастных группах – от 18 до 34 лет (см. табл. 6.5).

²³⁸ Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2003. – № 1 (4). – С. 67.

Исследованием установлено тесное соотношение нигилистского и маргинального правосознания с субъективной оценкой уровня доходов респондентов (см. табл. 6.6). Так, в группах с низкими и средними доходами коррупционное поведение в основном оправдывает молодежь от 18 до 22 лет. Прирост численности людей, обеляющих коррупцию, в группе с доходами выше среднего происходит в первую очередь за счет опрошенных из других возрастных групп.

Таблица 6.6

Отношение к коррупционному поведению в зависимости от социально-экономического статуса респондента, в %

Социально-экономический статус	Да, считаю это оправданным и приемлемым	Скорее да, потому что в нашей стране без этого не обойтись	Скорее нет, это неправильно, но в исключительных случаях можно	Нет, это неприемлемо	Затрудняюсь ответить
Малообеспеченные	10,7	17,2	25,4	33,1	13,6
Среднеобеспеченные	10,2	18,4	32,4	32,8	6,1
Высокообеспеченные	22,8	22,2	25,1	26,9	2,9
Всего	13,7	19,1	28,6	31,3	7,3

Обращает на себя внимание тот факт, что количество респондентов, оправдывающих коррупцию, обратно пропорционально снижается в группах людей, указавших на отсутствие веры в возможность воздействия на процесс принятия управленческих решений в месте проживания (см. рис. 6.2).

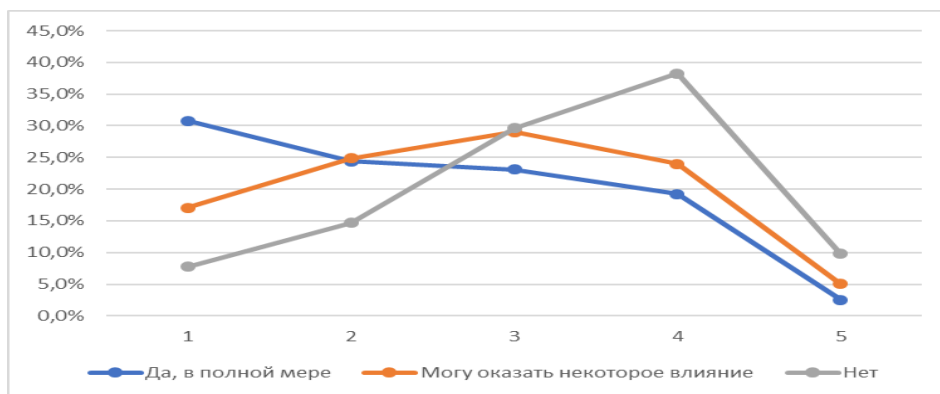

Рис. 6.2. Отношение к коррупционному поведению в зависимости от возможности оказывать влияние на принятие решений в месте проживания

То есть наличие властного ресурса коррелируется с одобрением неформальных практик взаимодействия в обществе. В итоге можно сделать неутешительный вывод о том, что в настоящее время коррупция является органической частью социальных отношений, которая оказывает значительное влияние на благополучие индивидуума в социуме.

Результаты исследований российских социологов показывают, что для россиян важны различные аспекты жизни, прежде всего частной. Речь идет о семье, финансовом благополучии, работе, самореализации²³⁹. В свою очередь, итоги нашей работы позволяют говорить о том, что продвижение по службе и зависящее от этого финансовое обеспечение в современном российском обществе в значительной степени реализуются через неформальные (родственники, друзья, земляки) или теневые (коррупция, фаворитизм, nepотизм) институты.

Обратной стороной сложившейся ситуации является отсутствие общественного запроса на совершенствование институциональной системы и эффективные институты в целом. Пространство рыночных обменов, предполагающих априорное доверие автономных индивидов к эффективным общественным институтам и незнакомцам, замещается дарообменными (близкородственными) и редистрибутивными, распределительными моделями социальной коммуникации, которые существенно ограничивают возможности и эффективность любых общественных институтов и коллективных инициативных взаимодействий в условиях российской модели периферийного капитализма²⁴⁰.

Далее рассмотрим отношение к привлечению рабочей силы из-за пределов республики в соотношении с такими предикторами, как материальное положение респондентов и их отношение к коррупции (см. табл. 6.7). Наиболее интересным здесь выглядит распад группы «высокообеспеченных» на две почти равные части. Одну часть образует наибольшее число респондентов, лояльных к коррупции и убежденных в том, что Республика нуждается в мигрантах. Вторую – также наибольшее число респондентов, считающих коррупцию неприемлемой и выступающих за ограничение трудовой миграции.

²³⁹ Трофимова И.Н. Указ соч. – С. 175.

²⁴⁰ Мартыанов В.С. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС. – 2014. – № 1. – С. 84–97.

**Оценка необходимости миграции
в зависимости от социально- экономического статуса респондентов,
а также отношения к коррупции, в %**

Отношение к коррупции	Социально-экономический статус	За миграцию	Против миграции	Затрудняюсь ответить
Да, считаю это оправданным и приемлемым	малообеспеченные	16.7	38.9	44.4
	среднеобеспеченные	16.7	43.3	40.0
	высокообеспеченные	69.2	17.9	12.8
Скорее да, потому что в нашей стране без этого не обойтись	малообеспеченные	17.2	55.2	27.6
	среднеобеспеченные	25.9	46.3	27.8
	высокообеспеченные	42.1	44.7	13.2
Скорее нет, это неправильно, но в исключительных случаях можно	малообеспеченные	28.6	40.5	31.0
	среднеобеспеченные	27.4	54.7	17.9
	высокообеспеченные	23.3	53.5	23.3
Нет, это неприемлемо	малообеспеченные	16.1	66.1	17.9
	среднеобеспеченные	17.9	61.1	21.1
	высокообеспеченные	15.2	67.4	17.4
Затрудняюсь ответить	малообеспеченные	8.7	47.8	43.5
	среднеобеспеченные	5.9	47.1	47.1
	высокообеспеченные	60.0	40.0	0

Примечательно, что в группе с отрицательным отношением к коррупции все слои населения, как бедные, так и более обеспеченные опрошенные, придерживаются таких же ригористских и протестных установок по отношению к практике найма работников-мигрантов. Таким образом, на вопрос, в какой мере якутское общество, принимающее мигрантов, само исключает коррупцию, сегодня нельзя дать однозначного ответа.

В связи с этим проанализируем простые частоты ответов респондентов на следующий вопрос исследования: «По Вашему мнению, исполняются ли законы в современной Российской Федерации?». Согласно результатам массового социологического опроса, лишь малая часть опрошенных людей разделяет полярные оценки: 5,2% отметили должное исполнение российских законов, а 4,8% считают, что они полностью не соблюдаются. Симптоматичным, на наш взгляд, выглядит распределение доминирующих оценок: 41,6% респондентов склоняются к мнению, что принятые законы все же исполняются, но 35,8% – скорее со-

гласны с их неисполнением. При этом объем респондентской группы, затруднившейся ответить (12,4%), больше группы опрошенных, придерживающихся полярных оценок (10%).

Представляется, что выявленный срез общественного мнения демонстрирует не столько отсутствие у людей уважения к закону, их неверие в законность и правопорядок, сколько существующий дефицит доверия органам власти местного, регионального и федерального уровня. В этом плане показательно, что треть общей выборки опроса (32,6%) убеждена в том, что непосредственной причиной неисполнения законов является укорененная коррупция в органах государственной власти.

Таблица 6.8

Мнение опрошенного населения об исполнении законов России в зависимости от отношения к коррупции, %

Отношение к коррупции	Да, полностью исполняются	Скорее, да	Скорее, нет	Нет, полностью игнорируются	Затрудняюсь ответить
Да, считаю это оправданным и приемлемым	7,9	38,2	31,5	6,7	15,7
Скорее да, потому что в нашей стране без этого не обойтись	6,5	47,6	34,7	5,6	5,6
Скорее нет, это неправильно, но в исключительных случаях можно	5,9	51,9	31,4	3,2	7,6
Нет, это неприемлемо	3,0	33,5	45,8	5,4	12,3
Затрудняюсь ответить	2,1	27,7	23,4	2,1	44,7

Далее рассмотрим связь оценок исполнения законов России с отношением респондентов к коррупции (см. табл. 6.8). Выяснилось, что среди респондентов, полностью оправдывающих коррупционное поведение, наблюдаются амбивалетные оценки. Крайние оценки, сообщающие, что законы исполняются или полностью игнорируются, выбирались чаще, чем среди людей, давших иные ответы. В то же время они также чаще затруднялись с оценкой исполнения законов (за исключением лиц, затруднившихся ответить на оба вопроса). В числе причин несоблюдения законов респонденты чаще указывают на низкую правовую культуру людей, в частности, на незнание ими действующих законов.

Подавляющее большинство респондентов, допускающих коррупционное поведение в «исключительных случаях», больше других счи-

тает, что законы скорее исполняются, чем нет. Определенная готовность опрошенных лиц переступить через закон сигнализирует о росте правового инфантилизма в обществе, легкомысленного отношения людей к соблюдению законности.

Респонденты-легалисты, ориентированные на строгое соблюдение законов, больше других разочарованы ненадлежащим исполнением законов. Именно в данной категории наблюдается перевес негативных оценок над позитивными. При этом причины неисполнения законов чаще связываются с коррумпированностью органов власти, отсутствием прокурорского надзора и низкой ответственностью должностных лиц.

В целом, итоги нашего исследования показывают, что материальное неблагополучие респондентов, отсутствие у них властного ресурса в некоторой степени уравнивают их социальные позиции с мигрантами. Бенефициарами в данной ситуации становятся представители крупного капитала и более обеспеченных слоев российского общества, включенных в коррупционные цепочки распределения властного и финансового капитала.

Надо отметить, что в группах с различным социально-экономическим статусом по-разному оценивается значимость таких проблем общества, как безработица, бедность, жилищная проблема. Так, безработица волнует 50% опрошенных лиц, отнесших себя к малообеспеченным людям, соответственно, 42,5% – среднеобеспеченных и 33,1% высокообеспеченных. Жилищная проблема актуальна для 28,2% малообеспеченных, 21,1% – среднеобеспеченных, 14% – высокообеспеченных респондентов. Низкий уровень доходов, бедность волнует 60% малообеспеченных, 44,2% – среднеобеспеченных, 29,7% – высокообеспеченных. Таким образом, можно говорить о том, что дифференциация интересов представителей разных социально-экономических групп в большей мере проявляется в соответствующей иерархии социально значимых проблем общества.

Между тем сегодня, по данным Левада-центр, низкоквалифицированная работа рассматривается населением России как привлекательная. Кроме того, 44% опрошенных лиц считают, что «большинство мигрантов живет лучше и богаче, чем я и моя семья» (преимущественно люди с низким уровнем материального достатка); противоположной точки зрения придерживается 41% респондентов²⁴¹. Таким образом, при дальнейшем снижении уровня жизни и благосостояния населения России не исключена возможность драматического сценария развития событий.

²⁴¹ *Мониторинг ксенофобских настроений* [Официальный сайт аналитического центра Юрия Левады] URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/> (дата обращения 18.09.2019)

В связи с этим более детально рассмотрим проблематику современных межнациональных отношений в Республике Саха (Якутия). В нашем исследовании респондентам был задан вопрос: «О каких группах из перечисленных Вы можете сказать “это мы”?».

Самоидентификация респондентов показывает, что при маркировании «своих» и «чужих» более важными для них представляются их «гражданство», «принадлежность к республике», чем «национальность» (см. табл. 6.9). Имеются, конечно, и локальные отличия. В частности, в г. Нерюнгри опрошенные чаще подчеркивали значимость таких групп, как «люди таких же взглядов на жизнь», «люди моего поколения».

Таблица 6.9

Распределение населения Якутии по типу групповой самоидентификации, в %

Вариант ответа	Населенный пункт			Всего
	Якутск	Нижний Бестях	Нерюнгри	
Люди таких же взглядов на жизнь	11,1	10,8	24,7	16,2
Граждане России. Россияне	30,6	49,0	35,8	33,9
Люди такой же национальности	9,8	2,9	1,2	5,2
Жители Якутии. Якутяне	27,3	15,7	8,2	19,7
Люди такой же профессии	5,1	5,9	4,1	4,6
Люди такой же веры	2,0	1,0	2,9	2,6
Люди моего поколения	14,1	14,7	23,0	18,1

В свете проводимой государственной национальной политики России и перспектив формирования российской нации обратимся к данным исследования о влиянии групповой самоидентификации на отношение к приезжим с Кавказа, Средней Азии и других российских регионов (см. табл.6.10).

Выяснилось, что такие виды социальной идентичности респондентов, как этническая, конфессиональная, регионально-территориальная, профессиональная, групповая по возрасту, не оказывают влияния на их отношение к мигрантам. В видении и репрезентации групповой общности «это мы» у опрошенных доминирует гражданская идентичность («россияне»), которая непосредственно и формирует их отношение к мигрантам в целом. Отметим, что респонденты, для кого значима прежде всего идентичность россиянина, реже выказывают отрицательное отношение к приезжим с Кавказа и Средней Азии.

Результаты бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «отношение к приезжим с Кавказа и Средней Азии»

Независимые переменные	В		Стандартная ошибка		Вальд		Значимость	
	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия
Люди таких же взглядов на жизнь	,081	-,108	,099	186	,671	,336	,413	,562
Граждане России. Россияне	-,415	-,564	,201	,259	4,254	4,725	,039	,030
Люди такой же национальности	,337	,130	,323	,358	1,088	,132	,297	,717
Жители Якутии. Якутяне	,185	-,218	,220	,271	,709	,650	,400	,420
Люди такой же профессии	-,003	,050	,324	,385	,000	,017	,992	,897
Люди такой же веры	-,457	,079	,512	,705	,796	,012	,372	,911
Люди моего поколения	,269	-,079	,222	,301	1,458	,068	,227	,794
Constant	-,846	-,559	,160	,214	27,929	6,844	,000	,009

Это позволяет сделать два важных заключения: 1) государственно-гражданская (российская) идентичность характерна не только для русских респондентов, но и для якутов (саха), коренных малочисленных народов Севера и представителей других этнических групп, проживающих в Республике Саха (Якутия); 2) многие респонденты готовы признать «своими» других людей только по принципу гражданства, что еще раз подтверждает отсутствие общественного консенсуса по вопросам интеграции мигрирующей рабочей силы в принимающее общество.

Иерархия основных интегрирующих представлений респондентов также свидетельствует о высокой ценности гражданства и ее личностной значимости в жизни многих людей. В частности, это проецируется через первую позицию такого объединяющего их с другими народами фактора, как общая/коллективная «ответственность за судьбу страны» (см. табл. 6.11).

Таблица 6.11

Результаты бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «отношение к приезжим с Кавказа и Средней Азии»

Независимые переменные	В		Стандартная ошибка		Вальд		Значимость	
	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия
Язык	-,056	,021	,198	,208	,081	,010	,776	,919
Общее государство	,114	,147	,202	,213	,320	,475	,572	,491
Культура	-,096	-,062	,224	,236	,185	,069	,668	,793
Историческое прошлое	-,302	-,369	,213	,223	2,020	2,728	,155	,099
Общие перспективы будущего	,096	,237	,322	,332	,090	,511	,765	,475
Родная земля, территория, природа	,016	-,234	,213	,228	,006	1,053	,941	,305
Общие символы (флаг, герб, гимн)	-,126	,074	,229	,234	,303	,100	,582	,752
Черты характера и менталитет	-,158	-,323	,305	,338	,269	,909	,604	,340
Праздники, которые мы празднуем вместе	,450	,364	,233	,245	3,731	2,211	,053	,137
Ответственность за судьбу страны	-,690	-,276	,333	,321	4,296	,741	,038	,389
Ничего не сближает	-,126	,340	,651	,674	,038	,254	,846	,614
Constant	-,765	-,997	,308	,321	6,189	9,628	,013	,002

Примечательно, что в феврале 2016 г. Президент В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России. Интерпретируя официальную позицию, эксперты посчитали, что в патриотическом дискурсе он видит ценную нормативную инклюзивную составляющую, которая позволяет выйти за пределы узконациональной логики и осмыслить вектор развития социально ориентированного государства; политический режим, основанный на участии всех граждан страны; многополярную систему международных отношений.

В качестве главного триггера дезинтеграционных процессов в обществе респонденты чаще всего указывают на праздники. В отношении приезжих из Средней Азии и Кавказа, по всей видимости, имеются в виду праздники, связанные с культурными и религиозными традиция-

Рис. 6.3. Празднование мусульманского праздника Курбан-байрам в г. Якутске

ми мусульманских народов. Вероятно, недовольство людей можно связать с тем, что эти праздники, главным образом массовые религиозные церемонии, стали вторгаться в публичное пространство гражданского социума. В указанном плане наиболее показательным является празднование одного из главных исламских торжеств – Курбан-байрама в г. Якутске, когда в течение трех дней полностью парализовывалась жизнь жителей городского квартала, где расположена мусульманская мечеть (бесчисленные заторы из-за перекрытых дорог, многотысячная толпа молящихся, проповедь муллы через рупор).

Другим немаловажным триггером дезинтеграции можно назвать события из недавнего исторического прошлого. Возможно, это отдаленная во времени общественная реакция на распад советской державы и, соответственно, бывшего Советского Союза, отторжение стран-доноров мигрантов из общего цивилизационного и культурного поля. В монографии Р. Брубейкера «Этничность без групп» утверждается, что в современном мире этничность, раса и нация представляют собой способы видения, интерпретации и репрезентации внешнего мира²⁴².

В заключение данной главы хотелось бы отметить, что социальный капитал современного якутского общества хоть и демонстрирует

²⁴² Брубейкер Р. Этничность без групп. – М., 2012. – 408 с.

сравнительно высокие показатели индекса доверия, оказывается напрямую связан с неформальными практиками социальной коммуникации и преодоления транзакционных издержек неэффективных социальных институтов. Последние, в свою очередь, приводят к отсутствию запроса на совершенствование институциональной системы в целом. Выпадение из неформальных сетей взаимодействия приводит к сокращению возможностей для восходящей социальной мобильности и оказывается ассоциированным с низким уровнем благосостояния. Напомним, что наибольший процент опрошенных с отрицательным отношением к коррупции был выявлен среди малообеспеченного населения. Данное обстоятельство приводит к выводу, что формирование преимущественно негативного отношения к мигрантам у людей с низким-социально-экономическим статусом происходит в связи с усилением конкуренции в сфере трудовых отношений, а также отсутствием эффективных институтов и нарастанием социальной напряженности.

Представляется, что это также ограничивает эффективность любых коллективных инициативных взаимодействий, что отражается в упадке профсоюзного движения, формальном участии людей в деятельности общественных некоммерческих организаций и в целом обуславливает опору малообеспеченного населения на имеющиеся ресурсы этничности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной книге мы стремились показать, что этнические и социальные процессы всегда ассоциированы, поскольку являются продуктами человеческих действий. Данные обстоятельства требуют взглянуть на современные проблемы межэтнических напряжений более внимательно.

На основе данных, приведенных в монографии, можно проследить, каким образом культурные различия популяционных групп преобразовывались в социальную категорию национальности, имеющую важное значение в современном российском обществе. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что государство, ученые и общественность, выработывая номенклатуру народов и их классификации, сыграли ключевую роль в формировании современной этносоциальной ситуации в регионе. Действительно, научное знание, подкрепленное государственными практиками, имеет не просто описательную, но и созидательную силу. Этот факт еще больше убеждает нас в том, что этническую идентичность нельзя рассматривать как данность вне социального контекста.

Дополнительные стимулы к формированию стратегий идентичности, связанных с этничностью, породила глобальная капиталистическая система и ее неизбежный продукт – неравенство. Мы обнаружили, что формирование этнических категорий и их осознание в том виде, которое нам известно сегодня, происходили уже в рамках Российского государства, то есть в условиях периферийного капитализма. Таким образом, историю формирования категории этничности и здесь нельзя рассматривать в отрыве от глобальных социально-экономических и политических процессов.

Советская власть, воспринявшая идеи национально-освободительного движения народов Российской империи, кардинально изменила ситуацию, придав новый импульс развитию этнических общностей, в основном, в рамках отведенных им территорий. Вместе с тем, с одной стороны, индивидуальные жизненные стратегии людей зачастую связывались с их этнической принадлежностью, с другой – проводилась культурная гомогенизация населения страны, выхолащивались этнические традиции. Ожидалось, что этнические особенности будут постепенно нивелированы, но, как показала практика, ситуация неравенства как с позитивной, так и с негативной коннотацией не только не приво-

дит к снижению значимости этничности в обществе, а, напротив, стимулирует ее рост. Соответственно, постсоветский всплеск этнического самосознания на фоне ослабления федерального центра и процесса суверенизации республик являлся закономерным результатом предыдущих этапов развития.

В течение всего постсоветского периода действия федерального центра имели разную направленность. Если для 1990-х годов было типично признание этнокультурных различий, то 2000-е характеризовались нацеленностью, в первую очередь, на преодоление тенденции к политизации и огосударствлению этничности в регионах и становлению общероссийской идентичности.

Социологические исследования фиксируют высокую значимость общероссийской идентичности, несмотря на то, что термин «нация» в новом гражданском и политическом значении, который пытались внедрить в общественное сознание, так и не нашел понимания. Этничность, формируемая неравенством, оказалась настолько глубоко укоренена в сознании граждан, институтах общества, что путем простой смены значений слов, которая происходит сейчас в сфере национальной политики, изменить ее невозможно.

В этой связи упоминание русского народа как государствообразующего не только выглядит как отступление от политики последних лет, но и приводит к ситуации, когда стратегия идентичности остального населения, принадлежащего к иным этническим общностям России, оказывается связана не с гражданством, а с этничностью. Все это уже сейчас создает основы для будущих межэтнических конфликтов.

Не существуя в физическом мире, этничность превратилась в полновластную социальную реальность, определяющую поведение людей. Она сказывается на том, как мы воспринимаем территорию, место проживания, социальную стратификацию и т. д. Такие объективные явления, как высокий уровень безработицы, узкий рынок труда, кумовство, высокая конкуренция, рост неравенства, девальвация высшего образования, отсутствие чувства социальной защищенности, приводят к тому, что этничность начинает рассматриваться частью общества как некий ресурс.

Этничность представляется как возможность защиты своих прав и отстаивания определенных позиций. В книге мы показали, что ксенофобские настроения и негативное отношение к мигрантам имеют свои корни в социальной структуре общества, где значительная часть населения характеризуется отсутствием экономического, властного и квалификационного ресурса. Люди с более высоким уровнем жизни, как правило, в меньшей мере придают значение этнической идентичности, ставя на первое место квалификацию и достаток; те же, кто имеет более низкий социально-экономический статус, продолжают подчеркивать свою этничность. Исходя из этой ситуации можно предположить, что

люди с низким уровнем доходов и образования, главным образом молодежь, могут быть вовлечены в искусственно создаваемые межэтнические конфликты. Кроме того, выявленные структурные диспропорции в доступе к профессиональному образованию, в т. ч. образованию высшей квалификации, представителей разных этнических групп свидетельствуют о закреплении и углублении их социального неравенства.

Мы установили, что отношение к мигрантам имеет связь с проблематикой коррупционного поведения и социального статуса. Слияние двух факторов – высокого социально-экономического статуса и лояльного отношения к коррупционной деятельности – определяет большинство утвердительных ответов на вопрос о необходимости трудовой миграции в республику. Напротив, материальное неблагополучие и отсутствие властного ресурса в некоторой мере уравнивают позиции многих граждан Российской Федерации с мигрантами, что настраивает их на конкурентную борьбу и провоцирует отрицательное отношение к трудовой миграции. Таким образом, бенефициарами миграции становятся крупный капитал и представители высокообеспеченных слоев населения.

Отметим, что в условиях роста социально-экономического неравенства в России социальные проблемы представителей этнических групп признаются и обсуждаются в основном в той части, которую можно представить как вопросы сохранения культуры. Причем, за этим тезисом «...скрывается ментальная установка, что люди должны жить так, как живут теперь, и что существующие формы жизни не должны меняться, а только сохраняться и развиваться, а если они были деформированы или утрачены, то их нужно восстановить, возродить, и желательно в той самой норме, о которой написали этнографы или романтические националисты»²⁴³. В контексте такой постановки вопроса представляется логичным спросить: имеет ли кто-либо право требовать, к примеру, у молодых представителей коренных малочисленных народов Севера возвратиться после завершения обучения в вузе или ссузе в свое село для возрождения национальной культуры, если это идет вразрез с индивидуальными жизненными стратегиями современной молодежи?

В заключение скажем, что этничность может быть категорией, за которой скрываются социальные проблемы общества; соответственно, ее можно актуализировать, чтобы население страны было более атомизировано, управляемо и не осознавало общих социально-экономических проблем.

В условиях кризиса капиталистической системы представления об этничности также могут быть сильно поколеблены. В этой ситуации необходимо продолжать научные исследования и общественные дискуссии с тем, чтобы дополнять теоретические и практические аспекты проблематики этничности в России.

²⁴³ *Тишков В.А.* Реквием по этносу. – М., 2003. – С. 256.

ИСТОЧНИКИ

Всероссийская перепись населения 2002 г. Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам РФ // URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

Всероссийская перепись населения 2010 г. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации в возрасте 15 лет и более по территориям преимущественного проживания и уровню образования URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-29.pdf

В Якутии будут считать коренными только якутов // Информ Полис online [электронное издание]. URL: <https://www.infpol.ru/119823-yakutiya-dlya-yakutov-russkie-i-chukchi-nekorennyye-narody/>

*Грязнова Ю. Запись в VK: 17 июля 2019 в 11.00 // <https://vk.com/eigevk>
Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» 591-3 № 73-IV от 22 июля 2008 г. (ред. от 30 января 2019 г.) // Электронный фонд правовой и и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819062058>*

Закон Республики Саха (Якутия) «О распространении положений Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г. на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустыинцев)» 133-3 № 269-III от 15 апреля 2004 г. // Якутия. – 2004. – 12 мая.

Ил Дархан и мэр Якутска выступили перед разгневанными жителями Якутии // ООО «Интернет Медиа Сервис». URL: <https://news.ykt.ru/article/84479>

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 1-2019. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии) [электронный ресурс]. – М.: Институт социологии РАН, 2019. – 89 с. // URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 1-2017. Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования [электронное издание]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 133 с.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 2-2016. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования [электронное издание]. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 103 с.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 2-2014. Ресурс межэтнического согласия в Москве [электронный ресурс]. – М. Институт социологии РАН, 2014. – 124 с. // URL: [http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2(1).pdf)

Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых стра-

нах». Заключена в г. Женеве 27.06.1989 // URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=90

Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (2017). Утверждена распоряжением Правительства РФ 20 июня 2017 г. № 1298-р // URL: <http://static.government.ru/media/files/IcS1tqRUBHAPAQ3TtgHvSmKSeQFMzZSv.pdf>

Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года // Официальная статистика МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>

Международная миграция (2017). Официальная статистика // Портал государственного комитета статистики по РС(Я). URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/resources/d3b11480450e024c9b17bfd4c4cdebd4/d17_052017.doc

Миграция населения Республики Саха (Якутия) за январь – март 2018 года. Стат. бюллетень № 128/226. – Якутск: Саха (Якутия) стат, 2018. – 53 с.

Мониторинг ксенофобских настроений // Официальный сайт аналитического центра Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/>

Мы предлагаем не ограничиваться Китаем // URL: https://www.eastrussia.ru/material/my_predlagaem_ne_ogranichivatsya_kitaem/

Обследование рабочей силы в Республике Саха (Якутия) (январь – сентябрь 2018). Стат. бюллетень № 289/533. – Якутск: Саха (Якутия) стат, 2018. – 37 с.

Перечень вариантов самоопределения национальностей в переписи 2002 года // Демоскоп Weekly. URL: .

Сборник законов Республики Саха (Якутия). – Т. 3. 1994–1995. – Якутск: Бичик, 2001. – С. 353–388.

Сборник законов Республики Саха (Якутия). – Т. 4. 1996–1998. – Якутск: Бичик, 2001. – С. 176–183.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Система ГАРАНТ [электронный документ]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#ixzz5n7wWY5CW>

Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Якутии до 2020 года // URL: <https://www.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/Схема-2020.pdf>

Устав об управлении инородцев (22 июня 1822 г.) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. 38. – С. 394–417.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. // Российская газета. – Федеральный выпуск № 303 (5976). Полоса 2.

«Чтобы уезжал отсюда!»: в Якутске задержали мужчину, который вел мигранта под дулом пистолета // Деловая электронная газета «Бизнес Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/417580>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антоненко В.В., Караулова Н.М. Статистический анализ «поперечных» эффектов зависимости дохода от уровня образования // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 472–487.

Антонов Е.П. Изменение интеллектуального потенциала Якутии в контексте экономического развития // Наука и образование. – 2007. – № 3. – С. 134–136.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. История формирования и современные проблемы. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1988. – 232 с.

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Историко-социологическое исследование образа жизни. – Новосибирск: Наука, 1985. – 319 с.

Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 259–272.

Артюков О. Республика есть, а статуса нет: Зачем Якутии «коренной народ» // Правда.Ру [электронное издание] URL: <https://www.pravda.ru/politics/1316877-korennoy/>

Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1966. – 344 с.

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: изд-во «Логос», 2004. – 288 с.

Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). – Т. 2. Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX вв. – М.: Арт-Флекс, 2003. – 519 с.

Башкиров М.Б. Геокультурный образ села Русское Устье: трансформация репрезентации и интерпретации // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 418–433.

Бойко В.И., Попков Ю.В. Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. – Новосибирск: Наука, 1987. – 174 с.

Борисов А.А. Исторический опыт нациестроительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 214–232.

Борисов А.А. Деятельность администрации Якутии в области народонаселения (конец XVIII в. – 1860-е гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: история. – 2012. – № 1. – С. 5–11.

Борисов А.А. Якутские депутации и инородческое законодательство как одна из особенностей политики Российской империи на Северо-Востоке (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 5–11.

Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 62–109.

Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: изд. дом ВШЭ, 2012. – 408 с.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 131–193.

Бурдые П., Пассрон Ж.К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. – М.: Просвещение, 2007. – 267 с.

Бурнашева Д.В. Арктическая идентичность в контексте методологии конструктивизма // Theories and Problems of Political Studies. – 2017. – Vol.6. – P. 70–77.

Бурнашева Н.И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980 гг.). – М.: Издательство МБА, 2011. – 376 с.

Бурнашева Н.И. Городское ремесло в Якутии XIX века // Якутский архив. – 2002. – № 1. – С. 97–100.

Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. 2002. № 28. С. 188.

Валлерстайн И. После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

Васильева О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. – 177 с.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. – М.: Новое изд-во, 2004. – 296 с.

Винокурова Л.Е. Проблемы взаимоотношений центра и местной власти в 1920-х гг. // Северо-Восток Сибири в контексте Российской истории. XII–XX вв. (мат-лы Всерос. науч. конф.). – Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2012. – С. 122–128.

Винокурова Л.И. Север: общество, этносы, человек. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2003. – 100 с.

Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Кочевые общества Якутии в социальных процессах XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (84). – Ч. 1. – С. 39–43.

Винокурова У.А. Пограничье как пространство интеграции и защиты этнических идентичностей // ДЕВАТУ ІВІ АЛ. Т.IV. Цивілізаційний вибор і Пограничье. – Warszawa, 2011. – С. 53–68.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Щербакова Е.М. Демографические вызовы России. Ч. 1. Население и пространство // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php>

Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 7–23.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 – июнь 1941 гг.). – Новосибирск: Наука, 1972. – 258 с.

Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв.: социально-экономический очерк. – Новосибирск: Наука, 1970. – 235 с.

Головнев А.А. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: Волот, 2009. – 496 с.

Григорьев С.А. Власть и коренные народы Северо-Востока России: ретроспектива взаимоотношений с середины XX в. до кризиса Советского государства (на примере Республики Саха (Якутия) // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 917–921.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад [электронный ресурс] //URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf

Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 71 с.

Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов [монография] / Дробужева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.

Дерлугьян Г. Чем коммунизм был // Есть ли будущее у капитализма? – М., 2015. – С. 156–209.

Доступность высшего образования в регионах России. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 32 с. (Современная аналитика образования. № 8).

Дулесов Е.П. «Народ свой отчий строил дом, /слагал Руси державной зданье»: метафора дома в дискурсе русских националистов начала XX века // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – Вып. 2. – С. 273–279.

Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). – Новосибирск: Наука. 2002. – 240 с.

Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция: генезис, формирование, деятельность: вторая половина XIX в. – 30-е гг. XX в. Автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 47 с.

Егоров П.М. Отношение рабочих промышленных предприятий Республики Саха (Якутия) к труду в условиях промышленного освоения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 17. – С. 73–77.

Еделев Д.А., Майорова Н.В. Дифференциация населения по уровням доходов и образования // Современная научная мысль. – 2013. – № 6. – С. 119–129.

Ермолаев Т.С. Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов [Электронный ресурс]. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. – 167 с.

Ефремов Э.И., Никифорова В.В. Отраслевые особенности и территориальные аспекты развития сырьевой экономики Республики Саха (Якутия). – СПб.: Реноме, 2014. – 223 с.

Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия: социология. – 2003. – № 1(4). – С. 67–73.

Замятин Д.Н. Геокультура и геокультурное пространство: ключевые положения и интерпретации // Культура Арктики. – Якутск: ИД СВФУ, 2014. – С. 29–57.

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. – 2019. – № 2. – С. 98–124.

Зензинов В.М. Очерки торговли на Севере Якутской области. – Москва: Наука, 1916. – 116 с.

Иглтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. – 2015. – № 4. – С. 19–26.

Игнаткин П.С. Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. – Вып.7. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 151–168.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 144 с.

Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): культурное многообразие и этническая политика // Этнопанорама. – 2013. – № 1(2). – С. 55–61.

Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. – Новосибирск: Наука, 1999. – 143 с.

Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 4 (21). – С. 86–95.

Игнатьева В.Б. Этничность как идеология потребительства: антропологический анализ повседневности саха // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – С. 82–90.

Игнатьева В.Б. Этнокультурная ситуация в г. Якутске // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. – М.: Наука, 2008. – С. 231–251.

Игнатьева В.Б., Антонов Е.П. 25 лет Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). – Якутск: Бичик, 2019. – 160 с.

Ингольд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 4. – С. 76–101.

Сибирь в составе Федеральной России // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5-ти томах. Под. Ред. А.П. Окладникова. – Т. 2. – Л.: Наука, 1968. – 534 с.

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М.: Алгоритм, 2009. – 576 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура // URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php

Клячко Т.Л., Мау В.А. Будущее университетов. Статья 2. Российские тенденции // Общественные науки и современность. – 2015. – № 4. – С. 5–25.

Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М.: Новое изд-во, 2010. – С. 27–62.

Конев А.Ю. «Иногородцы» – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века). Сб. мат-лов Всерос. научной конф. – Новосибирск: Параллель, 2014. – С. 6–19.

Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1989. – 127 с.

Корицкий А.В. Оценка влияния уровня образования работников, занятых в экономике регионов России, на их доходы // Прикладная экономика. – 2008. – № 2(10). – С. 65–74.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.

Кочегарова Е.Д. Алданская золотодобыча; к истории становления и развития // Северо-Восток Сибири в контексте Российской истории. XVII–XX вв. (мат-лы Всерос. науч. конф.). – Якутск: Продизайн, 2012. – С. 88–92.

Кузьмина Р.А. Традиционное и новое в профессиональных ориентациях молодежи у народов Северо-Востока // Социальное и этническое развитие народов Северо-Востока Российской Федерации. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 45–50.

Культурная сложность современных наций. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Лебедева Ж.К., Чарина О.И., Строгова Е.А. Русские на историческом перекрестке культур: этнография и фольклор русских Северо-Востока Азии (Якутия, Чукотка) и Тихоокеанского региона (Камчатка) // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и русской Америки (XVII–XX вв.). – Якутск: ЯФ изд-ва СО РАН, 2004. – С. 238–248.

Левинсон А. Откуда гнев на приезжих // Левада-центр. 2012. 25 июня. URL: <http://www.levada.ru/25-07-2012/otkudagnev-na-priezzhikh>.

Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые иногородцы Якутской области. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 432 с.

Маклашова Е.Г. Государственная национальная политика России: практика реализации в Дальневосточном федеральном округе. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – 226 с.

Маклашова Е.Г. Этнос и политика: границы политических ориентаций населения Республики Саха (Якутия) // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 3 (52). – С. 116–123.

Малахов В.С. Национальное государство, национальная культура и культурный суверенитет // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 87–94.

Малахов В.С., Симон М.Е. Миграционная политика в условиях экономических турбулентностей: опыт Европейского союза и перспективы России // URL: <https://ssrn.com/abstract=2980789>

Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 141–154.

Мартынов М.Ю., Дорогонько Е.В., Ненашев М.А., Шадрин В.В. Особенности подготовки и ценностных представлений учащихся этнонациональных школ Севера // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 66–72.

Мартынов В.С. Глобальный модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС. – 2014. – № 1. – С. 84–97.

Мостахова Т.С. Социально-демографические проблемы в арктических районах Республики Саха (Якутия). – Якутск: Сайдам, 2016. – 116 с.

Мукомель В.И., Рыжова С.В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 37–46.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. – М.: ЦСП и М, 2015. – 232 с.

Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета [монография] / Диканский Н.С., Попков Ю.В., Радченко В.В., Свиридов И.В., Тюгашев Е.А., Шатрова В.Я. – Новосибирск: изд-во «Нонпарель», 2005. – 360 с.

Образование для сложного общества. Доклад Global Education Futures / Лукша П., Кубиста Дж., Ласло А., Попович М., Ниненко И. 2018. – 212 с. URL: https://vbudushee.ru/upload/documents/obr_sloj_obsh.pdf (lfnf j,hfotybz 12.02.2020)

Окладников А.П. Неолитические памятники как источник по этнографии Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. Вып. IX. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 5–14.

Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. – 2018. – № 9 (1). – С. 18–25.

Опыт и практика демократических выборов в Республике Саха (Якутия). 1990–2002 гг. – Якутск: изд-во СО РАН, Якут. фил., 2003. – 324 с.

Осинов А.Г. Этничность и равенство в России: особенности восприятия. – М.: Центр «Сова», 2012. – 200 с.

Осипова О.В. Идентичности населения Якутии в контексте национальной политики Российской Федерации // Этносоциологические исследования в Республике Саха Якутия. Сб. научных статей. Вып. 2. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2016. – С. 73–91.

Паин Э. Новые административные реформы их влияние на этнополитические процессы в России // Казанский федералист. – 2002. – № 3 (лето). – С. 59–79.

Паин Э. Этнические конфликты в постимперской России // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – № 22. – С. 35–47.

Паин Э.А. Федюнин С.Ю. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология. – 2018. – № 1. – С. 171–191.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.

Подойницына И.И. Общество открытых классов: очерки о моделях социальной структуры. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 176 с.

Правовое сознание населения Республики Саха (Якутия). Данные. Анализ. Дискуссии. – Якутск: ИПМНС СО РАН, 2004. – 102 с.

Прохода В.А. Отношение к мигрантам и уровень образования жителей европейских стран // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. – Екатеринбург, 2018. – С. 326–337.

Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года. / Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН; сост. В.А. Роббек и др.; ред. С.М. Баишева. – Якутск, 2007. – 140 с.

Романова Е.Н., Игнатьева В.Б., Дьяконов В.М. Степная Арктика: «поминающая культура» номадов Севера // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 305–306.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. – М.: изд-во ИЭА РАН, 2008. – 308 с.

Савченко А.Б., Трейвиш А.И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // Известия Российской академии наук. Серия: география. – 2017. – № 3. – С. 90–102.

Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынародчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое изд-во, 2005. – С. 199–227.

Святенков П. Государь, сделайте меня якутом! // Вопросы национализма. – 2016. – № 4. (28). – С. 6–7.

Слезкин Ю.А. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

Слезкин Ю.А. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое изд-во, 2005. – С.120–154.

Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. на соискание степени доктора ист. наук. – М., 2009. – 384 с.

Соколовский С. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и Франции. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С.49–70.

Сорошева С.В. Истоки развития высшего педагогического образования в Республике Саха (Якутия) // Наука и образование. – 2009. – № 2. – С. 43–45.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М. Academia, 2002. – 480 с.

Социальное расслоение якутского общества. Под ред. Подойницына И.И., Луковцев В.С., Кузьмина Р.А. Якутск: Якутский государственный университет. 2000. 84 с.

Сподина В.И. Ценностные характеристики «своей земли» в традиционной культуре коренных народов Югры как маркер этнической идентичности // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 328. – С. 77–80.

Ссорин-Чайков Н.В. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13. – № 2. – С. 59–81.

Ссорин-Чайков Н.В. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. – 2012. – № 4 (5). – С. 155–187.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. – Т. 2. – М.: ОГИЗ; Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1946. – С. 290–367.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

Степанов В.В., Тишков В.А. Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестник Российской нации. – 2010. – № 3. – С. 112–153.

Степанова С.В. Союз инородцев-якутов: борьба за самоуправление. Дисс. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2003. – 159 с.

Сулейманов А.А. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг. // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2(6). – С. 56–60.

Сухачев В.Ю. «Права народов», этнические меньшинства и я-идентичность // Национальный вопрос и права беженцев. – СПб.: СПб писательская организация, 1998. – С. 72–88.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 408 с.

Тишков В.А. Национализм и выборные компании // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 72–90.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Тишков В.А. Стратегия жалоб и традиция защитности // Современное положение и перспективы развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад. – Новосибирск: изд-во ИАиЭ, 2003. – С.5–12.

Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–18.

Тоценко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

Трофимова И.Н. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 168–187.

Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). – Новосибирск: Наука, 2013. – 676 с.

Федорова С.А. Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков // Якутский медицинский журнал. – 2017. – № 3 (59). – С. 60–64.

Федорова С.А., Хуснутдинова Э.К. Генофонд народов Республики Саха (Якутия): структура, происхождение, генетические взаимоотношения // Генетика. – 2010. – Т. 46. – № 9. – С. 1244–1246.

Филиппова Е.И. Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. – 2014. – № 2. – С. 127–137.

Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 300 с.

Фрумак И.В. История образования у коренных народов Дальнего Востока в современной отечественной историографии // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: НГУ, 2002. – С. 211–233.

Фрумин И.Д., Пинская М.А., Косарецкий С.Г. Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ // Народное образование. – 2012. – № 1. – С. 17–24.

Харамзин Т.Г. Изюмов И.В. Трансформация традиционных форм занятости коренных малочисленных народов Севера // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12. – Ч. 5. – С. 1067–1070.

Хатылаев М.М. Золото Восточной Сибири в стратегии форсированной индустриализации (1926–1937 гг.). – Якутск: Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, 1997. – 296 с.

Хмара Н., Голотвин Ж. Национальное районирование России: из опыта прошлого // URL: http://observer.materik.ru/observer/№25_93/25_02.HTM

Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. – Новосибирск: Наука, 1994. – 272 с.

Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. – 2008. – Т. 17. – № 4. – С. 65–89.

Шкаратан О.И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е.Н. Прекариат теории и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 99–110.

Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) [монография] / Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. – Новосибирск: Наука, 2012. – 363 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

Юрганова И.И. Первые мероприятия православной интеграции якутской окраины в российскую государственность // Мат-лы X межд. науч.-практ. конф. «Наука в современном информационном обществе»: в 3-х томах. – Улан-Удэ: Т. 2, 2016. – С. 1–4.

Якуты (Саха). – М.: Наука, 2012. – 599 с.

Яницкий М.С. Особенности ценностных составляющих авто- и гетеростереотипов коренных народов Камчатки в зависимости от принадлежности к различным типам культуры // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 77–82.

Ford R. Three things I have learned about immigration attitudes // Attitudes towards immigration in Europe: myths and realities. European social survey (2017) https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/IE_Handout_FINAL.pdf

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford, 1991. – P.256.

Harvey D. Justice. Nature and Geography of Difference. – Oxford, 1996. – P. 186–188.

Kılınc G.M., Kashuba N., Yaka R. [... other authors]. Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes // Scientific Reports. – 2018. – Vol.8. – P.8969.

Mandelstam Balzer, M. Whose Homeland Is It? Shifting Boundaries and Multiple Identities in the Russian Federation North // Properties of Culture-Culture as Property: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. – Berlin, 2004. – Pp. 233–256.

Mandelstam Balzer M., Vinokurova U.A. Ethnicity or Nationalism? The Sakha Republic (Yakutia) // Ethnic Conflict in the Post-Soviet World. Case Studies and Analysis. – New York, London, 1998. – Pp. 157–178.

Maskin E. Why Haven't Global Markets Reduced Inequality in Emerging Economies? // The world bank economic review. – 2015. – Vol. 29, supplement. – Pp. S48-S52.

Rustenbach E. Sources of Negative Attitudes toward Immigrants in Europe: A Multi-Level Analysis // The International Migration Review. – 2010. – Vol.44. – № 1. – Pp. 53–77.

Sikora M., Pitulko V., Willerslev E. [... other authors]. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – Vol. 570. – Pp. 182–188.

Waisman G., Larsen B. (2016) Income, amenities and negative attitudes // Journal of Migration. <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-016-0056-0>

Васильева Ольга Валерьевна

**ЭТНИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ):
(социологический анализ)**

Научное издание

Представленные материалы в авторской редакции

Технический редактор С.Д. Охлопкова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
670007, г. Якутск, ул. Петровского, 1
www.igi.ysn.ru

Подписано в печать 09.12.2020. Формат 70x90^{1/16}.
Усл. п.л. 10,95. Уч.-изд. л. 10,38. Тираж 500 экз.

ЦНТИ ИГИ и ПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4.